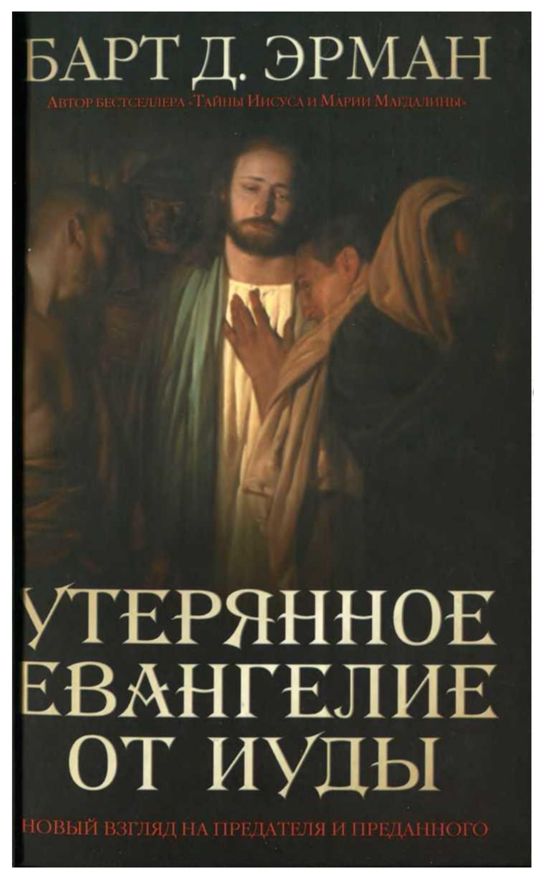
Утерянное Евангелие от Иуды.

Новый взгляд на предателя и преданного

Введение

Дейлу Мартину, другу и незаурядному ученому, который всегда вынуждал меня взглянуть на вещи по — другому.

Большинство Евангелий, написанных в период раннего христианства, безвозвратно утеряны. Но время от времени какое- нибудь из них находят археологи или местные крестьяне, случайно наткнувшись на сокровище, совершенно выходящее за рамки их представлений о мире. Ученому предоставляется редкая возможность — в лучшем случае один раз за всю жизнь — участвовать в проверке подлинности и достоверности и публикации обнаруженного Евангелия. Мне повезло. Я был счастлив.

Мне позвонили из Национального географического общества и сообщили о находке давно утраченного Евангелия от Иуды Искариота. Из сочинений Отцов ранней Церкви ученые знали о том, что оно когда-то существовало. Но эти упоминания были весьма странными, в них трудно было поверить. Может ли книга об Иисусе быть написана его смертельным врагом

и предателем Иудой Искариотом? Можно ли Иуду изобразить в свете, отличном от христианской традиции? Мог ли он на самом деле быть лучшим другом Иисуса, поверенным его тайн? Национальное географическое общество обратилось ко мне с просьбой проверить подлинность этого документа, определить его историческую значимость. Я согласился и теперь могу рассказать, к какому выводу я пришел.

Евангелие от Иуды — гностическое апокрифическое Евангелие, найденное в одной из египетских гробниц около 30 лет назад. Сейчас оно доступно всем, кто интересуется историей раннего христианства и многочисленными формами христианских верований первых веков. Это самое необычное Евангелие из когда-либо найденных. Оно написано не Иудой или кем-то, кто его лично знал. Оно не такое древнее, как Евангелия от Матфея, Марка, Луки и Иоанна. Но это одно из самых ранних дошедших до нас неканонических Евангелий. То, что в нем говорится, удивительно.

Я благодарен Национальному географическому обществу, особенно Терри Гарсия, вице — президенту по проектам, за приглаше — ние участвовать в проекте, и Бетти Хадсон, вице — президент) но коммуникациям, за ее поддержку. Роберту Миллеру, моему другу и редактору Oxford University Press, я благодарен за ценные замечания, сделанные в процессе работы над рукописью. Особую признательность я бы хотел выразить ученым, которые читали эти страницы, правили грубые ошибки и помогали мне избежать новых: Дейлу Мартину, исследователю Нового Завета из Йельского университета, которому я посвящаю эту книгу, Эндрю Джекобсу, изучающему христианство поздней античности, из Калифорнийского университета в Риверсайде, Златко Плезе, моему коллеге по Университету Северной Каролины и несравненному коптологу, Хербу Кросни, репортеру и исследователю, **сделавшему для** популяризации открытия Евангелия от Иуды больше, чем кто-либо другой в мире, анонимному, но необыкновенно проницательном) консультанту Oxford University Press, чьи комментарии заставили меня думать и думать, а также моей жене Саре Беквит, медиевисту и сотруднику английского отделения Университета Дьюка, чьи восприимчивость и интеллект несравненны.

Текст Евангелия от Иуды приводится по переводу с коптского языка Родольфа Кассера, Марвина Мейера, Грегора Вюрста при участии Франсуа Годара (рус. пер. Александра Георгиева и Игоря Бочкова, «Евангелие от Иуды», изд — во Астрель, 2006, *прим. ред.),* переводы текстов Нового Завета и раннехристианских источников выполнены мной лично, за исключением особо оговоренных случаев.

Глава 1. Мое знакомство с Евангелием от Иуды

5 декабря 2004 г. в реставрационной мастерской, которая находилась в швейцарском городке Ньон недалеко от Женевы. Несмотря на усталость, я чувствовал сильное воодушевление. За день до этого я прочитал две лекции по истории раннего христианства в рамках программы гуманитарных факультетов в родном университете Северной Каролины в Чапел Хилл. Сразу после лекции мне пришлось ехать в аэропорт Роли — Дарем. Утром я уже был в Женеве. Из женевского аэропорта на такси добрался до отеля. График был чрезвычайно плотный. Я так спешил на встречу с коллегами, что даже не успел распаковать вещи.

Мы встретились в вестибюле отеля. Нас было семеро. Сев в машину, мы отправились в Ньон, расположенный на Женевском озере. День был мрачный и холодный, но, несмотря на усталость, я сразу понял, что поездка будет необычной.

Я входил в состав небольшой группы ученых, которых Национальное географическое общество пригласило помочь верифицировать недавно обнаруженное Евангелие. Мы должны были работать в обстановке чрезвычайной секретности. Каждый из нас подписал акт о неразглашении информации. Мы обязались никому (прежде всего прессе) не рассказывать о том, что увидим и услышим. Члены Национального географического общества еще не решили

вопрос о финансовой поддержке этого проекта и потому не хотели, чтобы о сенсации узнали раньше времени.

То, что мы увидели, действительно был древний манускрипт, в котором рассказывалось об Иисусе Христе с точки зрения предавшего его Иуды Искариота. Никто не предполагал, что Евангелие написано самим Иудой, — как и многие ученики Иисуса, Иуда был неграмотным крестьянином. Но существовала вероятность, что мы имеем дело с одним из древнейших дошедших до нас апокрифических Евангелий — не таким старым, как Евангелия от Матфея, Марка, Луки и Иоанна, но, возможно, не позднее второго иска христианской эры. Именно в это столетие появились Евангелия, авторство которых приписывалось ученикам Иисуса, в частности Фоме и Филиппу, а также Марии. Однако Евангелие от Иуды могло представлять собой нечто иное. Во всех дошедших до нас Евангелиях история рассказывалась от лица сторонников Иисуса, этот же текст должен был отразить точку зрения его врага. Однако, согласно мнению некоторых деятелей ранней Церкви, Евангелие, написанное от имени предателя Иисуса, изображало Иуду Искариота не как единственного отступника среди апостолов, а как единственного ученика, который понял учение Христа и исполнил его волю. Но то ли это Евангелие? Узнаем ли мы «другую сторону» той истории благодаря обнаруженному древнему манускрипту?

Лишь спустя некоторое время я узнал, из кого состоит наша группа. Помимо Терри Гарсии, исполняющего обязанности вице- президента Национального географического общества, в нее входили Херб Кросни, репортер, первым рассказавший об обнаружении Евангелия членам общества, Джон Хьюбуш, глава инвестиционных программ Gateway Computers и фонда Waitt Family (это он решал, будет ли финансироваться проект), и два эксперта, которые, как и я, должны были ответить на вопрос, является ли найденный текст древним манускриптом или это современная (или средневековая) подделка.

Я и мои коллеги должны были провести экспертизу в разных областях. Так, А. Дж. Тимоти Джалл, директор отдела ускорительной масс — спектрометрии Национального научного фонда в Туксоне, штат Аризона, специализировался на радиоуглеродном анализе древних рукописей. В свое время он участвовал в датировке свитков Мертвого моря. Штефен Эммель, американец, занимающий престижную должность в университете Мюнстера, Германия, изучал коптский язык, на котором, как предполагалось, был написан документ. Предметом моего научного интереса, как исследователя Нового Завета и раннего христианства, были утерянные Евангелия, а именно Евангелия первых веков христианства, которые не вошли в канон Священного Писания.

Наша задача заключалась в проверке датировки манускрипта. Кроме того, мы должны были определить, действительно ли перед нами древний коптский текст, в котором излагается евангельский сюжет с позиций Иуды Искариота, предавшего Иисуса.

Манускрипт находился в мастерской одного из ведущих европейских экспертов по реставрации и сохранению древних рукописей Флоранс Дарбр, которая напрямую сотрудничала с известным швейцарским фондом Мартина Бодмера. Должен признаться, что, попав туда, я был немного разочарован. Понимая, насколько важна работа Дарбр, я не ожидал увидеть столь скромное помещение. Мастерская Дарбр располагалась на втором этаже слегка обветшалого здания, прямо над пиццерией, в маленьком, ничем не примечательном городке, находящемся на значительном расстоянии от культурного центра — Женевы. Но внешний вид может быть обманчив. В этом помещении хранились мировые сокровища культуры, главное из которых Дарбр собирала по кусочкам в течение трех лет. Это был текст Евангелия, который появился на антикварном рынке примерно 25 лет назад. Ученые еще ничего о нем не знали, хотя слух о находке уже прошел.

Войдя в дом, мы поднялись по лестнице и оказались в большой комнате с огромным витражным окном, выходящим на пустырь и соседнее заводское строение. К нам присоединились Дарбр, антиквар греческого происхождения Фрида Чакос — Нуссбергер,

последняя владелица манускрипта, и ее швейцарский адвокат Марио Роберти, известный среди европейцев, интересующихся предметами искусства и антиквариатом.

Все были взволнованы. После краткого вступления Роберти сказал несколько слов о кодексе, с которым нам предстояло работать. Манускрипт был приобретен в 2001 г. фондом Maecenas, который Роберти основал семь лет назад. В задачи этого фонда входила реставрация древних артефактов и возвращение их тем странам, в которых они были созданы. Манускрипт был впервые обнаружен в конце 70–х годов. Его дальнейшая судьба покрыта тайной, однако начиная с 1983 г. и до настоящего момента его история известна с достаточной степенью достоверности. Кодекс содержал в себе 62 страницы текста, написанного на папирусе. По сути, это была небольшая антология раннехристианских текстов. Два из них — апокрифические Послание Петра к Филиппу и Первый апокалипсис Иакова — уже были известны ученым из манускриптов, обнаруженных ранее в Египте. Что касается третьего, то он вызвал у специалистов огромный интерес. Это было древнее Евангелие. Как и другие тексты, он представлял собой перевод на коптский язык более раннего документа. Сам манускрипт, как указал Роберти, датируется IV в., однако у фонда были основания считать его копией документа, написанного на греческом языке в середине II в. Возможно, это было Евангелие, которое в 180 г. Отец Церкви Ириней Лионский упоминал в числе священных книг христиан — еретиков, известных в истории как гностики. Ириней называл его Евангелием от Иуды.

Изысканно вежливый, Роберти безукоризненно говорил по- английски. Он консультировался с учеными по поводу этого документа, хотя ни он, ни его коллеги нисколько не сомневались в его подлинности. В течение трех лет текст был скрупулезно изучен и переведен крупнейшим специалистом по коптским рукописям Родольфом Кассером, почетным профессором Женевского университета. Кассер пользовался большим авторитетом в научном мире, к его словам прислушивались. Национальное географическое общество хотело знать, какие выводы он сделает относительно ценности документа и его значимости.

Затем была очередь Фриды Чакос — Нуссбергер, дамы под шестьдесят, торгующей антиквариатом. Она приобрела этот документ несколькими годами раньше, но подробностей сделки мы не узнали. Фрида поприветствовала нас, но комментарии ее были кратки. Ее задачей было заинтересовать Национальное географическое общество, чтобы оно выделило средства для реставрации и публикации рукописи, так как она вложила в нее крупную сумму и теперь хотела получить компенсацию.

Затем подошла очередь Флоранс Дарбр, эксперта по реставрации. Она рассказала, в каком плачевном состоянии находился папирус, когда впервые попал к ней в руки. После того как манускрипт вывезли (контрабандой?) из Египта, он сменил нескольких хозяев. Многие страницы были поломаны и перепутаны. Первым делом Флоранс положила все уцелевшие куски под защитное стекло, а затем приступила к трудной работе по собиранию страниц. Она составляла их из малюсеньких кусочков так, чтобы они подходили друг к другу. Это напоминало собирание паззла. Флоранс постоянно консультировалась с Родольфом Кассером, который мог прочитать и перевести текст.

Дарбр еще не закончила говорить, как дверь открылась и в комнату вошел Кассер. Он приехал из Ивердон — ле — Бэн, чтобы обсудить текст, которому посвятил три года жизни. За 25 лет научной деятельности мне ни разу не довелось встретиться с ним, хотя у нас было много общих интересов. Он занимался изучением коптского языка и написанных на нем древних текстов. Я же, изучая историю раннего христианства, работал над древнегреческими текстами (включая Новый Завет). Разумеется, я был знаком с его работами, поскольку это был крупнейший ученый в своей области. Мне было известно, что Кассер человек пожилой. Но о том, что он страдает болезнью Паркинсона, я не знал. Фрида представила его нам. Она, очевидно, испытывала особенную привязанность к выдающемуся ученому, затратившему

столько времени на реставрацию и перевод драгоценного манускрипта, владельцем которого она теперь являлась.

Из нас Кассер знал только Штефена Эммеля, американского коптолога, приглашенного Национальным географическим обществом для проверки его утверждения, что это подлинный древний манускрипт, написанный на коптском языке. Хотя Эммель был лет на двадцать моложе, пожилой мэтр относился к нему с уважением. Так получилось, что Эммель уже однажды видел этот манускрипт двадцать лет назад в номере женевской гостиницы при странных обстоятельствах, когда предыдущий владелец документа пытался продать его американцам за три миллиона долларов. Эммель догадывался, что это тот же манускрипт, который он видел, будучи выпускником Йеля. Но делать выводы было рано. Сначала надо было посмотреть текст. Все время, пока выступавшие говорили, Эммель ужасно нервничал: ему хотелось поскорее увидеть обещанное.

Я тоже сгорал от нетерпения. Не потому, что видел этот документ раньше. Нет. Я слишком хорошо понимал, какую историческую ценность он может представлять. Он может стать самой крупной находкой времен раннего христианства, возможно, самой крупной за всю мою жизнь.

После того как нам представили Кассера, Эммель попросил, чтобы нам позволили взглянуть на манускрипт. Фрида кивнула Дарбр, и та удалилась в смежную комнату, где стоял сейф. Она вернулась, держа в руках древний папирус под защитным стеклом. Наконец мы могли его увидеть.

Я не коптолог. Коптский язык я учил урывками в течение многих лет для того, чтобы иметь возможность читать коптские переводы Нового Завета и некоторые гностические Евангелия, обнаруженные в XX в. Я могу понять коптский текст с помощью словаря, если у меня будет достаточно времени. Но я хорошо разбираюсь в древних папирусах, поскольку изучал греческие новозаветные тексты еще во время учебы в принстонской теологической школе в начале 70–х годов. И смогу отличить старинный документ от современной подделки. То, что нам показали, было действительно древним манускриптом. Была ли вероятность, что это подделка? Скорее всего, нет.

Я находился в сильном волнении. Эммель был просто вне себя от радости. Он не сомневался, что видит тот же самый манускрипт. Двадцать лет назад Эммель не смог установить, что это был за текст. За несколько минут, что ему дали тогда, он успел лишь просмотреть документ, не говоря уже о том, чтобы исследовать его или перевести. Как понял тогда Эммель, документ включал в себя как минимум три разных текста, два из которых были ранее известны. Третий был посвящен дискуссии между Иисусом Христом и его учеником Иудой. В то время, а именно в 1983 г., Эммель был уверен в том, что этот ученик является Иудой Фомой (которого называют также Фома неверующий). Он и не предполагал, что речь шла об Иуде Искариоте. Да и как он мог такое предположить? Известны многочисленные Евангелия, в которых рассказывается о беседах Иисуса с Иудой Фомой, в том числе знаменитое Евангелие от Фомы. Но никто не знал о сохранившихся Евангелиях, в которых бы речь шла в основном об Иуде Искариоте. До сих пор.

Пока Эммель внимательно изучал лежавший перед нами манускрипт, кто-то спросил у него, действительно ли здесь речь идет об Иисусе и Иуде Искариоте. Эммель повернулся к Кассеру, который, склонившись над страницей, нашел нужные слова и показал на них. Действительно, на правой стороне листа было написано имя Иуды Искариота. Это было утерянное Евангелие от Иуды.

Съемочная группа Национального географического общества снимала на пленку все происходящее: наше прибытие, вступительные речи, представление манускрипта и первое знакомство с текстом. Мы, разумеется, хотели бы увидеть больше страниц и иметь возможность изучить их более внимательно. Однако мы находились там не ради собственных

научных интересов. Мы должны были предоставить Обществу информацию, на основании которой будет принято решение, стоит ли вкладывать деньги в данный проект или нет. Поэтому они хотели записать несколько бесед на магнитофон. Для начала они задали несколько вопросов Эммелю. Прежде всего их интересовало, мог ли документ быть современной подделкой. Если бы даже они опросили сотню экспертов, то получили бы один и тот же ответ: «Нет». Но они продолжали дотошно спрашивать: «Представьте себе, что кто-нибудь *захотел* подделать такой документ? Сколько людей в мире могли бы это сделать?» — иными словами, написать Евангелие на коптском языке, чтобы оно выглядело как древний перевод греческого оригинала, а затем изготовить документ на папирусс и выдать сто за чистую монету? Немного подумав, Эммель сказал: «Только четыре человека в мире смогли бы это сделать. И двое из них сидят в этой комнате».

Я думаю, никто не мог бы этого сделать. Существуют современные подделки, но они выглядят совершенно по — другому. Это была древняя рукопись на папирусе, совершенно очевидно написанная древним почерком, похожим по многим параметрам на почерки, которыми писались греческие рукописи в IV-V вв., с которыми я познакомился, исследуя тексты Нового Завета.

Затем сотрудники Национального географического общества захотели снять дискуссию между Кассером и мной: я немного углубился в содержание и смысл этого Евангелия, которое он изучал дольше любого ныне живущего ученого, не говоря уже о количестве времени и усилий, затраченных на чтение и перевод. Несмотря на усталость после перелета, у меня была куча вопросов. О чем точно говорилось в Евангелии? Были ли там секретные откровения Иисуса, как в других гностических текстах? Содержались ли в нем неизвестные доселе беседы Иисуса с Иудой Искариотом? Была ли там изложена история предательства Иисуса с точки зрения Иуды? Насколько этот рассказ совпадает со сведениями, приведенными Иринеем во II в.? С чего он начинался? Чем заканчивался? О чем повествовал?

Эти вопросы пришли мне в голову мгновенно, но я должен был задавать их терпеливо. Родной язык Кассера — французский, и по — английски он говорит не очень охотно. Поэтому мы медленно беседовали по — английски перед работающими камерами. Во время беседы Фрида Нуссбергер, владелица рукописи, находилась в другой комнате. Но когда она поняла, о чем я его спрашиваю и что он начал выдавать конфиденциальную информацию о рукописи — а именно, ее фактическое содержание, — она поспешила войти, положила руку на плечо Кассеру и мягко сказала ему, что пока достаточно. Она не хотела, чтобы мир узнал, о чем говорится в рукописи, пока она не достигнет финансового соглашения с Национальным географическим обществом. Если все узнают, о чем говорится в тексте, отпадет необходимость в спешном приобретении прав на него.

Следующим в очереди на интервью был Тимоти Джалл, который должен был проверить подлинность рукописи методом радиоуглеродного анализа. Это было бы убедительным подтверждением древности документа. Его экспертиза могла дать более точную датировку: в своей лаборатории в Аризоне он мог датировать назвать дату изготовления материала рукописи — папируса — с точностью до шестидесяти лет. Сущность радиоуглеродного анализа в следующем. Каждое живое существо, растение и животное, состоит из органических соединений, которые поглощают из атмосферы радиоактивный изотоп углерода-14. Когда живое существо умирает, углерод-14, который в нем содержится, начинает распадаться, причем равномерно, так что через 5700 лет распадается половина того количества, которое первоначально присутствовало в организме. Это — период полураспада углерода- 14. Если вы не знаете возраст образца, вы можете посмотреть, сколько углерода-14 в нем осталось, и определить, сколько времени назад он умер. Многие древние рукописи, в том числе Евангелне, которое мы исследовали, и большинство других

ранних христианских текстов написаны на папирусе, материале для письма, изготовленном из тростника папирус, который растет на Ниле в Египте. Радиоуглеродный анализ может указать с достаточной точностью, когда был срезан папирус, из которого потом изготовили писчий материал. Это обеспечило бы независимую проверку для той приблизительной датировки, которую дали коптологи — Кассер и Эммель — на основе стиля написания текста.

Однако для того, чтобы сделать радиоуглеродный анализ, нужно обработать часть рукописи. Для этого надо было отрезать крошечный кусочек — примерно половину квадратного сантиметра — и взять его в лабораторию для анализа. В процессе анализа этот кусочек будет уничтожен. И вот Джаллу, с помощью Флоранс Дарбр и Родольфа Кассера, предстояло выбрать несколько крошечных кусочков, чтобы отрезать их от сохранившихся страниц рукописи — кусочков, которые будут утрачены навсегда. Это был нелегкий выбор: конечно, они не хотели жертвовать частями, на которых был написан текст! В конце концов они выбрали пять образцов из различных частей рукописи и переплета, в котором она находилась, чтобы удостовериться, что вся рукопись была изготовлена в одно и то же время и что ни одна ее часть не была более поздней подделкой.

После того как они отрезали эти фрагменты и тщательно упаковали их для перевозки в Аризону, мы сделали перерыв на обед — пицца, конечно же, — и продолжали обсуждать увиденное. Эммель стал умолять показать побольше частей рукописи, и тогда Дарбр разложила перед ним множество листов, покрытых оргстеклом, так, чтобы тот мог их разглядеть. Я сидел наискосок от него и старался понять, что я могу разобрать. Время от времени Эммель восклицал и показывал мне что-то важное. Некоторые вещи я и сам мог разглядеть, особенно конец документа, важный во всех отношениях, который нас попросили верифицировать. Там было кое-что, понятное даже для человека, который не читал коптских рукописей. Последняя строка последней страницы гласила: «И он получил деньги и выдал им его». И дальше шли слова *peuaggelion Nioudas* — «Евангелие от Иуды». И это лежало здесь, передо мной, над пиццерией в маленьком швейцарском городе около Женевского озера: текст, который Отцы ранней Церкви обсудили и осудили, который исчез на века и лишь сейчас был вновь обнаружен неизвестными людьми при неизвестных обстоятельствах — потерянное Евангелие, которое теперь было найдено.

Члены Национального географического общества получили все, что хотели. Мы сели в машину и поехали обратно в гостиницу. Я был взволнован, но очень устал. Большая часть прошедшего дня представляла для меня трудноразрешимую загадку, и мы продолжали строить предположения и догадки. Мы видели рукопись — но о чем в действительности говорилось в Евангелии? В нашем распоряжении было лишь несколько намеков от Кассера, несколько «лакомых кусочков», которые Эммель выхватил на некоторых страницах, и несколько предположений. В тот вечер мы все обедали в Женеве, и во время коктейля эксперты, съемочная группа и все остальные заключили дружеское пари по поводу радиоуглеродной датировки — насколько ранним мог быть документ? Некоторые предположили начало V в., я — середину IV в. Некоторые — особенно Херб Кросни, независимый исследователь, который первым открыл существование документа и убедил Национальное географическое общество в его исторической важности, — были еще более оптимистичны, полагая возможным начало четвертого столетия.

Мы были все неправы, но Кросни оказался ближе всех к истине. Месяцы спустя мы узнали, что радиоуглеродный анализ датировал рукопись намного более ранним временем, концом III в., 280 г. н. э. плюс — минус 60 лет. Если эта датировка верна, то есть если документ действительно был написан приблизительно в 280 г. н. э., то перед нами самое раннее датированное гностическое Евангелие (если считать, что оно было действительно гностическим), один из самых ранних поддающихся датировке документов раннего христианства. Дата изготовления рукописи, конечно, не говорит нам, когда было впервые

составлено само Евангелие (так же, как Библия, лежащая около меня на моем столе, была изготовлена в 1989 г., но Евангелия в ней были составлены на тысячу девятьсот лет раньше).

Однако до сих пор было неизвестно, действительно ли это Евангелие от Иуды, упомянутое Иринеем, и если так, что же такого угрожающего в нем содержится, что Отцы Церкви его запретили.

Эммель, Джалл и Терри Гарсия уехали из Женевы на следующее утро, а я остался еще на один день. Национальное географическое общество хотело записать беседу со мной об историческом значении рукописи, если она действительно была тем, чем предполагалось — вновь обретенным Евангелием от Иуды. Интервью решили записать в каком-нибудь историческом месте: для этого были выбраны развалины римского театра недалеко от Женевы, в городке Аванш, который в римские времена назывался Авентикум. Съемочная группа приступила к записи, на заднем плане располагались частично отреставрированные руины. Было жутко холодно, между съемками мы бегали в кафе на другой стороне улицы, чтобы выпить кофе и согреться. Был там и Роберти — он хотел услышать то, что я скажу о драгоценном документе. Херб Кросни также подготовил множество вопросов. Главная цель, конечно, состояла в том, чтобы показать, почему эта находка может иметь большое значение — для Национального географического общества или для кого-либо еще.

Как только мы начали интервью, начался шквал вопросов. Что мы знаем об Иуде? Действительно ли он был одним из двенадцати апостолов? Почему его называли Искариот? Мы имеем доказательства, что он предал Иисуса? Что именно он сделал, предав его властям: просто выдал местонахождение Иисуса или что-то еще? Почему он предал своего учителя? Что говорится об Иуде в текстах, не вошедших в Новый Завет? Почему в более позднем христианстве история с Иудой использовалась для того, чтобы возводить клевету на евреев, так что в Средние века Иуда стал прототипом «еврея» — алчный, жадный, убийца Христа, искушаемый дьяволом. Может ли открытие Евангелия от Иуды изменить этот портрет? Что мы знаем о Евангелии, приписываемом Иуде? Что Ириней писал о нем? Почему находил его опасным? Может ли это вновь открытое Евангелие быть тем, которое осуждал Ириней? Будет ли это открытие интересно только ученым или и более широкой аудитории? И если да, то почему? Если Иуда сам не писал эту книгу, какое нам дело до того, что сочинили про него более поздние авторы? И так далее.

Многие из моих ответов на эти вопросы вы найдете на страницах книги, после того как я расскажу о том, как Евангелие было обнаружено, как оно ходило по рукам различных антикваров, многие из которых были недобросовестны (или по крайней мере некомпетентны), пока его не купила Фрида Чакос — Нуссбергер и не передала в Базельский католический христианский фонд, возглавляемый Марио Роберти. Ответы пришли ко мне не сразу. Прошло несколько месяцев, прежде чем мне удалось прочесть английский перевод книги и в спокойной обстановке изучить коптский текст, на котором был основан перевод, и еще несколько месяцев, прежде чем я узнал историю находки и о путешествиях манускрипта из книги, которую в конце концов издал Херб Кросни, совершивший настоящее расследование, чтобы собрать воедино все детали.

Однако уже во время интервью холодным днем в Аванше я мог кое-что сказать об Иуде как об историческом лице и о потенциальном значении Евангелия, которое было названо его именем. Мне было ясно, что обнаруженное Евангелие от Иуды может быть одной из двух вещей. Его важность и значительность целиком и полностью зависят от того, чем именно оно является.

Во — первых, это могло быть просто гностическое Евангелие, описывающее гностическое видение мира, раскрывающее тайны того, как этот ничтожный мир боли и страданий возник как космическое бедствие, и как те, кто знает (термин «гностический» образован от греческого слова «знание»), могут избежать ловушек материального мира и вернуться в свой небесный дом. Мы знаем несколько таких Евангелий; многие из них были

обнаружены в XX в. Если это одно из них, то его находка важна — но в основном для исследователей раннего христианства.

Однако была вероятность, что это Евангелие представляло собой нечто иное. Предположительно — хотя я не мог ничего об этом сказать, не прочитав его, — это могло быть повествование о жизни Иисуса, рассказанное от лица Иуды. Если это так — тогда документ был бы не просто важен. Его значимость была бы огромной. Это было бы первым обнаруженным Евангелием, где повествование велось бы от лица предателя, с точки зрения одного из предполагаемых врагов Иисуса. А что, если бы в этом повествовании предатель Иисуса был бы изображен как его самый близкий друг и самый верный ученик? Это бы означало, что еще в раннем христианстве существовала альтернативная точка зрения, от которой до нас из древних источников дошли лишь слабые следы и неясные слухи, но не дошло ни одного надежного свидетельства. Если это Евангелие написано именно с этой точки зрения, это действительно стало бы одним из важнейших открытий современности, которое могло бы составить конкуренцию документам, обнаруженным в 1945 г. недалеко от Наг — Хаммади в Египте.

Я не мог знать во время интервью, что моя гипотеза, подразумевающая альтернативу, неверна. Как выяснилось потом, документ является и тем, и другим. Это Евангелие содержит и гностические идеи (которые я объясню в последующих главах) о сотворении мира, пришествии Христа и природе спасения. Однако это еще и книга, в которой отношение Иисуса со своим предателем представлено совершенно по — иному, чем в Новом Завете.

Это альтернативное представление еще раз заставляет историка задаться вопросами о настоящем, реальном Иуде Искариоте. Кем он был? Что он сделал? Почему он это сделал? И откуда мы об этом знаем?

Чтобы начать отвечать на все эти вопросы, я должен сообщить некоторую общую информацию. И хотя основная часть этой книги будет о Евангелии от Иуды, найденном в конце 1970–х гг. и опубликованном сейчас, почти через 30 лет, нам стоит начать с того, что говорится об Иуде в других дошедших до нас источниках — в Евангелиях Нового Завета и других древних текстах. Дав общее представление, я совершу подробный экскурс в Евангелие от Иуды — где и как оно было найдено, как оно ходило по рукам антикваров сначала в Египте, потом в США и Швейцарии, как оно было реставрировано и переведено, что в нем содержится и почему его послание настолько завораживает как исследователей раннего христианства, так и обычных читателей, интересующихся Новым Заветом, жизнью Иисуса и историей христианства после его смерти.

Это будет целое историческое исследование об Иуде: кем он был, что он сделал и почему он это сделал.

Во многих отношениях Иуда остается весьма загадочной фигурой. Это новое Евангелие — как это часто случается — поднимает по меньшей мере столько же вопросов, на сколько отвечает. Однако это часть того захватывающего процесса, который называется историческим исследованием. Когда мы изучаем прошлое, мы ищем новые пути исследования. Разумеется, мы хотим найти ответы на вопросы. Обнаружение нового текста, однако, не только удовлетворяет нашу жажду знаний, но и еще больше подогревает наше любопытство. Именно таким текстом является Евангелие от Иуды. Это древний текст, порождающий новые вопросы: кем на самом деле был Иисус, в чем состояло его откровение и его миссия; вопросы об Иуде: что он сделал и почему он это сделал; и даже вопросы о том, кто такие мы сами, почему мы здесь и куда мы идем.

Глава 2. Иуда в ранних Евангелиях

Факты могут оказаться более странными, чем вымысел, однако их куда труднее найти. О людях, имевших отношение к жизни Иисуса: Иуде Искариоте, Марии Магдалине, апостоле

Иоанне, Понтии Пилате или о ком бы то ни было другом — до нас дошло очень много легенд и очень мало достоверных фактов.

Возьмем, к примеру, Марию Магдалину.[1] Современные люди, как правило, думают, что она была раскаявшейся блудницей и самой близкой ученицей Иисуса, ближе, чем большинство учеников — мужчин. Те, кто (как они думают) знает о ней больше, считают, что она помазала голову Иисуса благовониями до того, как он был предан и схвачен, некоторые думают, что ее уличили в супружеской измене и Иисус спас ее от побивания камнями, сказав, «кто без греха, пусть первым бросит в нее камень». В последнее время благодаря получившей бешеную популярность книге Дэна Брауна «Код да Винчи» люди стали считать ее не любимой ученицей Иисуса, а его возлюбленной женой, с которой Иисус вступал в сексуальные отношения и от которой имел ребенка.

Что из этого правда, а что вымысел? В действительности все это вымысел, во всех деталях. Или, по крайней мере, если это реальный факт, это не тот факт, подтверждение которому можно найти в древнейших источниках — новозаветных Евангелиях, единственных источниках сведений I в. об этой женщине. Во всех Евангелиях Нового Завета во время публичной проповеди Иисуса до распятия Мария Магдалина упоминается один раз как одна из трех женщин, сопровождавших Иисуса в его странствиях и снабжавшая его средствами к существованию (двумя другими были Иоанна и Сусанна).[2] И это все! Нет никаких упоминаний о том, что она была блудницей, что она помазала Иисуса (это сделала другая женщина, имя которой осталось неизвестным) или что ее уличили в супружеской измене (хотя это случилось с другой, безымянной женщиной) — не говоря уже о том, что она была женой Иисуса и его возлюбленной. Откуда же тогда появились все эти представления о Магдалине? Из легенд, которые появились через десятки или даже сотни лет после ее смерти. Эти истории были выдуманы — иногда (как, например, история о том, что она родила ребенка от Иисуса) выдуманы современными беллетристами или «независимыми исследователями» для того, чтобы их книги лучше продавались.

Ну а как же тогда обстоит дело с Иудой Искариотом? И в этом случае у нас мало исторических фактов, однако много позднейших рассказов о нем. Многие из этих рассказов происходят из источников, появившихся через много лет — например, в средневековых легендах, возникших через столетия после его смерти. Некоторые возникли раньше — через десятилетия, например те, что представлены в новозаветных Евангелиях. Несомненно, в некоторых случаях рассказы об Иуде могут дать нам историческую информацию о том, кем он был на самом деле, что сделал и почему сделал. Однако во многих случаях нелегко отделить факты от вымысла — особенно потому, что самые древние источники рассказывают очень мало, а мы хотим знать так много.

Иуда в древнейших источниках

Многие очень удивятся, узнав, что самые ранние источники, повествующие о жизни Иисуса, — это не новозаветные Евангелия, а сочинения апостола Павла. Хотя Евангелия и стоят на первом месте в Новом Завете, это не значит, что они были написаны раньше всего. Книги Нового Завета располагаются не по дате написания, а по жанрам, и на первом месте стоят Евангелия, затем идет книга Деяния апостолов, затем Послания (Павла и других), а затем книга Откровение. Хотя они и размещаются в середине книг Нового Завета, по дате написания Послания Павла первые. Фактически это первые имеющиеся у нас христианские источники какого бы то ни было жанра. И вот, задаваясь вопросами о людях, имевших отношение к жизни Христа, всегда полезно посмотреть, что писал о них древнейший автор. Потому что последующие новозаветные Евангелия, написанные через 35–75 лет после смерти Иисуса, во многом не согласуются между собой. Если мы находим более ранние источники, как сочинения Павла, с независимыми сведениями о жизни Иисуса (они

независимы, потому что авторы Евангелий не читали сочинений Павла, а он не мог прочитать их текстов, потому что они еще не были написаны), мы с гораздо большей уверенностью можем утверждать, что Иисус говорил, делал и пережил.

Проблема заключается в том, что Павел очень редко упоминает людей, известных по евангельским рассказам о жизни Иисуса — он никогда не упоминает Марию Магдалину, например, или апостола Иоанна, или Понтия Пилата. Как и Иуду Искариота. Ученые спорят, почему Павел так мало говорит об известных людях, имевших отношение к жизни Иисуса, и даже, что еще более удивительно, о жизни самого Иисуса. Некоторые считают, что у Павла были совсем другие задачи и он сосредотачивался на них; другие — что он полагал, будто читатели и так прекрасно все знают; еще одни считают, что он не упоминал о событиях и людях, фигурировавших в земной жизни Иисуса, просто потому, что ничего о них не знал. В конце концов он писал до Евангелий и не входил в число земных последователей Иисуса, поэтому, возможно, он и не знал историй, которые затем стали частью христианских Писаний.[3] В любом случае, даже хотя сочинения Павла и являются самым ранним христианским источником, он очень мало рассказывает о жизни того, кого считал Богом.

Но что-то он все-таки говорит и еще кое на что намекает, и на эти сведения и намеки жадно набрасываются ученые, которые хотят знать, что же действительно происходило с Иисусом. Некоторые ученые считают, что в одном из посланий Павла[4] есть завуалированная отсылка к Иуде Искариот). В Первом послании к коринфянам Павел расстроен, в основном из-за того, что коринфяне ведут себя неподобающим образом: создают группировки, которые борются между собой за духовное лидерство, их служба стала беспорядочной, встречается вопиюще аморальное поведение — мужчины посещают блудниц, а потом болтают об этом в церкви (они ведь уже спаслись, поэтому какая разница, как они себя ведут?), а один юноша даже жил во грехе с собственной мачехой. В Первом послании Павла к коринфянам рассматриваются эти и другие проблемы.

Одна из этих проблем была в том, что еженедельная трапеза, которую коринфяне проводили в память о смерти Иисуса, вышла из-под контроля. Она была совсем непохожа на трапезу в современных христианских церквях — католических, православных и протестантских, — где молящиеся съедают лепешку или маленький кусочек хлеба и выпивают глоток вина или виноградного сока. Это было гораздо больше похоже на обильный ужип, где еда и вино раздавались в память о Тайной вечере, которую Иисус проводил вместе с учениками непосредственно перед тем, как был предан, арестован и распят. Эта трапеза призвана была напомнить, что Иисус сделал на благо других, и воспроизвести ту любовь, которую он выказывал ко всем. Однако в Коринфе эти трапезы превратились в нечто совершенно другое. Павел отмечает, что некоторые члены сообщества приходили раньше и съедали всю еду и выпивали все вино, а остальным — тем, которые были вынуждены работать допоздна, — уже ничего не оставалось. Павел это не одобрял. В своем Послании он поднимает эту проблему, порицая христиан Коринфа и напоминая им, что призвана символизировать эта трапеза. В связи с этим он напоминает читателям, как сам Иисус вел себя на Тайной вечере — и именно здесь Павел мог, по мнению некоторых читателей, упомянуть Иуду Искариота. Павел начинает свое воспоминание так (так иногда переводят этот кусок):

Потому что я получил от Господа то, что передал и вам: Господь Иисус, в ту ночь, в которую он был предан, взял хлеб и, произнеся благодарение, надломил его и сказал: «Это мое тело, которое я даю вам». (1 Коринф. 11:23–24)

Ключевая фраза для нас, естественно, утверждение, что все это имело место в «ту ночь, в которую он был предан». Конечно же, это упоминание о предательстве Иуды Искариоты, и хотя предатель не назван по имени, ясно, что Павел знал все об этом происшествии.

Однако на самом деле здесь все не так очевидно, как кажется. Сложность представляет греческое слово, которое употребляет Павел, когда говорит, что Иисуса «предали» (Павел,

как и все остальные авторы Нового Завета, писали по — гречески). Это обычное для Нового Завета слово. Сам Павел употребляет его более пятнадцати раз в своих письмах, в том числе и еще один раз в том отрывке, который я только что процитировал. Когда Павел говорит о том, что передал коринфянам информацию, он употребляет то же самое слово, как когда говорит, что Иисуса «предали». Это греческое слово *paradidomi* — и буквально оно означает «передавать что-то или кого-то кому-то другому».

Имеет ли Павел в виду, таким образом, что Иуда Искариот передал Иисуса властям, чтобы совершить над ним суд? Возможно что и нет, потому что во всех остальных случаях, когда Павел употребляет *paradidomi* применительно к Иисусу, оно относится к действию Бога, «который передал Иисуса» на смерть ради блага других. Это можно увидеть, если выбрать один отрывок, из Послания к римлянам 8:32:

Что же теперь нам сказать на это? Если Бог за нас, то кто же против нас? Он, который не уберег своего собственного сына, но предал его *(paradidomi)* ради всех нас — почему бы ему вместе с ним не дать нам всего?

Поскольку Павел не уточняет, что он говорит о предательстве Иудой Иисуса в Первом послании к коринфянам, то перевод этого отрывка, который я дал, может быть неточным. Может быть, было бы лучше придерживаться того, как Павел употребляет это проблематичное слово в других местах, и перевести так:

Ибо я получил от Господа то же, что я также передал вам: Господь Иисус, в ту ночь, когда он был передан (Богом на смерть), взял хлеб и, произнеся благодарение, надломил его и сказал: «Это мое тело, которое я даю вам». (1 Коринф. 11:23–24)

Если такой перевод правилен, то тогда ни в одном из Посланий Павла нет упоминаний об Иуде Искариоте и об акте предательства. И существует одно место, которое позволяет предположить, что Павел *не* знал об Иуде и его предательстве. Позже в той же самой книге Павел описывает явления Иисуса людям и различным группам людей после воскресения (1 Коринф. 15:3–8), и здесь он утверждает, что Иисус «явился Кифе, а потом двенадцати». Тут, очевидно, имеются в виду двенадцать учеников, однако как он мог явиться всем двенадцати, если Иуда в то время уже не был в их числе? Либо Павел использует термин «двенадцать» как сокращенное обозначение двенадцати самых близких учеников, не имея в виду, что их было точно двенадцать, либо он не был знаком с традицией, согласно которой один из учеников предал Иисуса и был исключен из группы.

В любом случае это означает, что самая ранняя информация об Иуде исходит не из сочинений раннехристианского автора, а из новозаветных Евангелий, составленных через 35–65 лет после описываемых событий. Поэтому довольно трудно понять, что именно сделал Иуда, предав Иисуса, не говоря уже о том, зачем он это сделал. Более поздние источники, Евангелия, дают различные варианты этого поступка и его мотивов. Однако сейчас я не буду излагать исторические факты, а сделаю это гораздо позже, в последних главах книги. Сейчас мы можем обратиться к собственно повествованиям, чтобы увидеть, как авторы Евангелий изображали Иуду и его нечестивый поступок. Как мы увидим, каждое из этих описаний отличается от прочих.

Иуда в Евангелии от Марка

Чтобы разобраться в том, как различные авторы описывали Иуду, важно разобраться в целом, как они описывали Иисуса и остальных учеников. Особенности каждого Евангелия так или иначе отражаются в том, что там сказано по поводу Иуды. Другими словами, традиции, представляющие Иуду и его поступок, выражают желание авторов более полно рассказать об Иисусе. Авторы Евангелий не просто снабжают нас историческими фактами. Они рассказывают нам истории об Иисусе так, чтобы высказать свои собственные воззрения на то, кем он был и почему он так важен. Истории о второстепенных персонажах, об учениках вообще и об Иуде в частности, рассказаны в свете этих воззрений.

Особенно отчетливо это видно в Евангелии от Марка, самом раннем из сохранившихся рассказов о жизни Иисуса.[5] Евангелие от Марка — мое самое любимое, и из-за его крайне утонченного видения Иисуса, и из-за высокой художественности текста. Наиболее ранние ученые, такие как блаженный Августин, недооценивали это Евангелие, считая его просто конспектом Евангелия от Матфея — чем-то вроде сокращенной для удобства чтения версии более подробного повествования. Однако начиная с XIX в. ученые поняли, что дело обстоит совсем не так, что Евангелие от Марка, возможно, первое из написанных, и сюжет его позже был более подробно изложен Матфеем и Лукой.[6] К сожалению, ранние ученые совершенно необоснованно посчитали, что раз Евангелие от Марка — самое первое, то в нем приведены лишь голые факты: то, что Иисус действительно говорил и делал и что после обросло подробностями. Они считали, что Марк точно придерживается фактов.

В начале XX в. ученые пришли к иному мнению: Марка не меньше, чем остальных евангелистов, Иисус интересовал с теологической точки зрения.[7] Он не просто излагает исторические факты, но и рассказывает историю. Его понимание Иисуса влияет на то, как он это делает. Марк весьма искусно излагает свои воззрения на Иисуса, а потому читать и понимать Марка захватывающе интересно. Под повествованием скрывается теологическая подоплека, которая оказывает влияние на все, что он говорит об Иисусе. В особенности это влияет на то, как он изображает Иисуса в отношениях с другими, особенно с учениками, в частности с Иудой Искариотом.

Изображение Иисуса в Евангелии от Марка

Если читать Марка внимательно, то становится понятно, что он хотел изобразить Иисуса как еврейского мессию, Сына Божьего, обреченного на смерть за грехи других. Поразительно то, что никто из участников повествования не понял, кто такой Иисус, даже его ученики.

Кто знает, кто такой Иисус в этом Евангелии? Сам Иисус, очевидно, знал. Когда он принимает крещение в самом начале повествования, к нему взывает голос с небес: «Ты сын мой возлюбленный, в котором мое благоволение» (1:11). Этот голос не слышит собравшаяся толпа, а слышит только Иисус (не сказано «Это мой сын», как например, в Евангелии от Матфея). Поскольку голос Бога называет Иисуса сыном, очевидно, Бог также знает, кто такой Иисус. Более того, Марк знает, потому что он обо всем этом рассказывает. И вы знаете, потому что вы это читаете. Кто еще знает? Бесы знают, потому что, когда он их изгоняет, они кричат: «Ты — сын Бога» (3:11). Иисус приказывает им молчать и никому не рассказывать. Вроде бы больше никто не знает.

Жители его родного городка не понимают, как он может говорить и делать такие удивительные вещи — ведь он просто местный плотник (6:1–6). Его мать, братья и сестры думают, что он просто сошел с ума, и пытаются упрятать его подальше от посторонних глаз (3:20–21). Власть имущие его народа считали, что он одержим дьяволом (3:22), даже его собственные ученики не понимали, кто он такой (6:52), как он не один раз сетует, например в 8:21: «Вы все еще не понимаете?»

Непонимание учеников — одна из ключевых тем этого Евангелия. Примерно к середине книги — после того, как Иисус проповедует удивительные учения и творит изумительные чудеса — становится ясно, что ученики сообразили, что Иисус представляет собой нечто необычное, однако их понимание того, кто он, совершенно неверное. Это показано в знаменитом эпизоде признания Петра. Иисус спрашивает своих учеников: «Кем считают меня люди?» (8:27). Они отвечают, что некоторые считают его Иоанном Крестителем, восставшим из мертвых, или ветхозаветным Илией, или другим пророком. Тогда Иисус спрашивает, что они сами думают по этому поводу, и Петр, представлявший учеников, дает ответ, который можно принять за правильный: «Ты мессия» (8:29). В ответ Иисус говорит им не рассказывать об этом никому (в этом Евангелии он все время пытается скрывать, кто он такой), затем он сообщает, что он должен идти в Иерусалим, чтобы быть отвергнутым еврейскими властями и претерпеть казнь. Петр выказывает свое полное непонимание Иисуса,

упрекая его за такие речи. Иисус в свою очередь упрекает Петра и называет его «сатаной», осуждая его за то, что он думает как человек, а не как Бог (8:33).

Что все это значит? Петр и другие, как выясняется, знают, что Иисус мессия, однако они не знают, какого рода он мессия. Чтобы понять это, нужно понимать, что думали о мессии евреи в I в. Большинство из них, скорее всего, вообще не думали о мессии, однако те, кто думал, могли представлять его по — разному. Некоторые думали, что он станет великим полководцем, который победит чужеземных захватчиков и снова сделает детей Израиля великим народом, как было во время правления царя Давида (так думал и Петр). Другие думали, что это будет богоподобное существо, которое придет на землю, чтобы учинить суд над силами зла и установить на земле царство Божье. Некоторые считали, что это будет боговдохновенный священник, который приведет еврейский народ к соблюдению заповедей Всевышнего. При этом никто не думал, что мессия — это тот, кто должен быть распят, убит врагами Бога как какой-то беспомощный преступник.[8]

Однако для Марка Иисус был именно таким. Он был мессией — но мессией, который страдает. Эта точка зрения показалась бы большинству евреев полной ерундой. Мессия должен быть великим и могучим, а не слабым и беспомощным. Враги Бога должны подчиниться ему, а не уничтожить. У Петра, который символизирует всех учеников, были вполне нормальные ожидания того, каким должен быть мессия. Если Иисус мессия, тогда он, очевидно, не должен быть отвергнут и распят. Однако, согласно Марку, это было серьезное недопонимание. Иисус был страдающим мессией.

В двух последующих случаях в Евангелии от Марка Иисус сообщает, что он идет в Иерусалим, чтобы его там убили (9:31; 10:33–34), и в обоих случаях ученики показывают, что они не понимают: они думают, что Иисус как мессия будет править, и хотят править вместе с ним (9:32; 10:35). В первом случае ученики начинают спорить между собой, кто из них самый великий (если Иисус великий и сильный мессия, то кто из них второй по величине?); во втором случае Иоанн и Иаков хотели знать, смогут ли они сидеть по правую и левую руку от него в его славном Царстве, которое вот — вот наступит. Оба раза Иисус выражает некоторое разочарование по поводу своих учеников: они не понимают, что быть его последователями означает страдание, а не славу. Те, кто и вправду его ученики, «понесут свой крест» вслед за ним.

Удивительно, что в этом Евангелии ученики так и не поняли этого. Несмотря на заявления, что они вместе с Иисусом пройдут огонь, воду и медные трубы, они все сбежали, как только его арестовали. Петр, опять же символизируя всех учеников, трижды отрекся от него. На суде они не защищали его. Они не поддерживали его, когда он висел на кресте. Они не предложили достойно похоронить его, а потом ни разу не пришли к нему на могилу.

Зато были другие люди — не ученики, — которые доказали свою верность в этой тяжелой ситуации. Перед тем как его арестовали, неизвестная женщина помазала ему голову благовониями — это был необычный и великодушный жест, он воспринял его как помазание его тела перед неизбежными похоронами (14:3–9, ученики, что характерно, высказывали свои возражения). Был также Симон Киринеянин, другой неизвестный человек, который нес его крест к месту распятия (15:21). Еще была группа женщин, которые смотрели, как он висел на кресте (15:40–41). Неизвестный римский сотник, который надзирал за распятием, увидел, что он умирает, и признал, что он «Сын Божий» (этот сотник, как кажется, единственный во всем тексте, кто действительно понимает, что Иисус — это Сын Божий). Иосиф из Аримафеи, другой неизвестный персонаж, обеспечивает ему достойные похороны (15:43). И женщины, Мария Магдалина и еще две, посещают могилу на третий день (16:1). Поразительно, что человек у пустой могилы говорит им, чтобы они пошли и сказали «ученикам его и Петру», что Иисус восстал из мертвых, однако они убежали «и никому ничего не сказали, потому что испугались» (16:8).[9] Ученики не могли такого даже предположить.

Изображение Иуды в Евангелии от Марка

Какое отношение все это имеет к Иуде Искариоту? Иуда очень мало упоминается в Евангелии от Марка. Его имя встречается только три раза. Однако в некоторых отношениях его история — это история других учеников. Он тоже относится к числу тех, кто «не врубился». Однако в отличие от остальных его непонимание оказалось деятельным. Он передал Иисуса властям. Придерживаясь только повествования Марка — обычно он обращается лишь к событиям, не вдаваясь в их глубокий смысл, — мы ничего не знаем о том, что толкнуло его на этот поступок.

В первый раз Иуда упоминается в начале повествования, когда Иисус выбирает себе двенадцать учеников и называет их «апостолами» (посланниками) (3:13, 19). Это были его двенадцать самых близких последователей, которые, как хотел Иисус, должны были быть с ним и которых он уполномочил идти «проповедовать» и «изгонять бесов». Последним был избран «Иуда Искариот, который и предал его» (или «передал его»). В этом первом упоминании нет ничего, что позволило бы предположить, что Иисус поместил Иуду в другой лагерь или что он понимал, что Иуда сыграет роль, отличную от других. Иуда так же назывался, у него были такие же обязанности, такие же полномочия, такая же миссия, как и у всех других. Таким образом, с этого места и далее можно предположить, что у Марка Иуда был для Иисуса одним из ближайших преданнейших последователей.

Однако одно из всеохватывающих убеждений Марка состоит в том, что все ученики не понимали Иисуса и не смогли в конце остаться верными ему, и Иуда в том числе. В его случае ошибка просто более очевидна. Позже в этом Евангелии мы читаем, что Иисус знал, что один из избранных им его предаст, и это предательство он предрекал в сцене последней трапезы: «Но горе тому, кто предаст Сына Человеческого: лучше было бы тому человеку не родиться» (14:20). Имя Иуды здесь не упоминается, однако читатель точно знает, кого имеет в виду Иисус. В немалой степени потому, что Иуда к этом моменту уже согласился совершить это дьявольское действие.

Сразу перед рассказом о последней трапезе идет история, о которой я уже упоминал, когда неизвестная женщина помазывает голову Иисуса дорогими благовониями. Иуда воспринимает это как доброе дело: по крайней мере она знает, что Иисус должен умереть, даже если ученики не поняли этого. Сами ученики, поскольку находятся в полном неведении, не могут оценить это по Достоинству. «Некоторые из тех, кто был там» (я полагаю, что Ученики, хотя так прямо это не сказано), были ошарашены тем, что женщина тратит такое дорогое благовоние, в то время как его можно было продать по цене, почти равной годовому заработку, и раздать нищим. Иисус, как и раньше, упрекает их за непонимание:

> *Оставьте ее, зачем вы ее смущаете? Она сделала для меня доброе дело. Потому что нищие всегда будут рядом с вами, и вы сможете сделать им добро, как только захотите; однако я у вас не всегда буду. Она сделала все, что могла: она помазала мое тело перед похоронами. Истинно говорю вам: везде в мире, где будет проповедовано это Евангелие, будет упомянуто и о ней, в память того, что она сделала. (Марк 14:8,9)*

Затем идет следующий судьбоносный стих, второй во всем Евангелии, где прямо упоминается Иуда:

И Иуда Искариот, один из двенадцати, пошел к первосвященникам, чтобы предать его им. Те, узнав об этом, обрадовались и обещали дать ему денег. И он стал ждать удобного случая, чтобы предать его.[10]

Нам не сообщается, что именно Иуда согласился предать. Немного раньше, непосредственно перед помазанием, мы узнаем, что первосвященники и писцы — очевидно потому, что Иисус своими проповедями обретал все большую популярность среди толп в Иерусалиме — искали случая «арестовать его хитростью и убить». Однако они не хотели

этого делать «во время Пасхи, чтобы не произошли волнения в народе» (14:1). Получается, что Иуда хотел дать информацию, в которой они нуждались, чтобы арестовать Иисуса тайком[11]

Наиболее поразительно, что Марк не сообщает нам явных мотивов, приведших Иуду к такому решению. Сказано, что еврейские власти (то есть первосвященники) согласились заплатить за предательство. Однако не сказано, что Иуда пошел на это в первую очередь из-за денег. Как мы увидим впоследствии, Матфей прямо утверждает, что именно это было мотивом Иуды. Однако в Евангелии от Марка нет никакого мотива, если мы не выведем его из контекста.

До этого момента повествование построено так, чтобы показать, что все ученики, включая Иуду, не понимают, кто такой Иисус, и думают, что он должен быть великим и могучим лидером, а не тем, кого арестуют, будут допрашивать, а потом казнят как обычного преступника. Затем эта неизвестная женщина намазывает его маслом. Это действие они также не поняли?

В древнем Израиле избранных Богом царей помазывали маслом во время церемонии вступления на престол в знак того, что Господь благоволит к ним. Царей даже иногда называли «помазанники Божьи». На древнееврейском языке слово «помазанник» звучит как *машиах*, мы произносим это слово «мессия». На древнегреческий, язык Нового Завета, *машиах* переводится как *Христос,* откуда и возникает наш Христос. Для учеников то, что Иисус был мессией (Христом), должно было значить, что он будущий царь Божий. Однако вместо того, чтобы интерпретировать свое помазание как добрый знак, Иисус считает, что он помазан для «иогребения». То есть он воспринимает добрый жест этой женщины как знак того, что он скоро умрет. Во всех других случаях у Марка, когда Иисус пытается объяснить своим ученикам, что он мессия, который должен страдать, они в явной форме демонстрируют свое непонимание. Возможно, Марк предполагает, что и мы в этом случае сделаем такой же вывод? Здесь не Петр демонстрирует, что он ничего не понял, как в восьмой главе, не Иаков и Иоанн, как в десятой. Это Иуда Искариот.

Поскольку Марк не объясняет мотивы Иуды, возможно, причиной его поступка послужило действие, произошедшее непосредственно перед ним. Однако какие выводы мы должны из этого сделать? Вот несколько возможностей того, что мы можем предположить, однако ни одна не является полностью удовлетворительной:

1. Считает ли Марк, что Иуда верил в Иисуса как грядущего царя и согласился предать его властям потому, что устал дожидаться, когда Иисус публично объявит о своих намерениях, и решил посодействовать этому, поставив Иисуса в ситуацию, когда он будет вынужден действовать, например позвать толпу на помощь и провозгласить себя вождем? Как бы ни была привлекательна такая возможность, она, похоже, не очень сочетается с дальнейшим повествованием Марка. Если таковы были его мотивы (напоминаю, я сейчас говорю не о том, что сделал исторический Иуда, а только о понимании Марком его действий), почему же тогда Иуда в Евангелии от Марка во время суда над Иисусом не попытался взбунтовать толпу против римских властей?

2. Или, наоборот, Иуда, один из всех учеников, в конце концов понял то, что все это время говорил Иисус: он должен быть не помазанным царем, а распятым мессией — и чтобы обеспечить ему такой конец, исполняя волю Иисуса, предал его на смерть? Это очень привлекательная возможность, но она не учитывает того факта, что Иисус еще раньше провозгласил: тот, «кто предаст его», будет проклят, а не благославлен за свои действия: «лучше было бы тому человеку не родиться» (14:20).

1. Может быть, в тот момент Иуда понял намерение Иисуса умереть в мучениях и стал предателем от разочарования? По этой интерпретации Иуда Марка думал, что Иисус

действительно будет добиваться царского трона, но как только осознал, что это не входит в планы Иисуса, стал его заклятым врагом и предателем?

К сожалению, мы так никогда и не узнаем, что Марк хотел, чтобы мы думали о предательстве, кроме того, что Иисус проклял того, кто это сделал, и что Иуда провел необходимые переговоры с еврейскими властями в Иерусалиме.

Последнее упоминание Иуды в Евангелии от Марка содержится в самой сцене предательства. После Тайной вечери Иисус пошел со своими учениками (без Иуды? или Иуда потихоньку скрылся позже?) в Гефсимапский сад помолиться. И опять его самые близкие продемонстрировали свою ненадежность. Он попросил Петра, Иакова и Иоанна постоять на страже, пока он молится в одиночестве, по три раза возвращался и находил их спящими. В третий раз он сказал им, что «час настал. Смотрите, Сын Человеческий предан в руки грешников, вставайте, пойдем. Смотрите, тот, кто предал меня, он близко» (14:41–42). И в тот же момент прибежал Иуда Искариот с вооруженной толпой от первосвященников, книжников и старейшин. Он заранее условился с ними, что он покажет Иисуса, поцеловав его. Он подошел к Иисусу, назвал его «равви», а потом поцеловал его. Толпа схватила Иисуса и арестовала его, при этом между нападавшими и учениками завязалась короткая стычка, прежде чем ученики сбежали. Иуда сказал им вести его «осторожно» (14–44) — однако неясно, что он имел в виду. Может быть, он боялся, что Иисус попытается сбежать? Или он хотел, чтобы Иисуса защищали от черни?

Исследователи давно заметили, что Марк проводит параллели между Иудой, предавшим Иисуса, и Петром, отрекшимся от него. Оба не понимали своего учителя. На Тайной вечере Петр с показной храбростью хвастался, что никогда не отвергнет Иисуса. Однако затем он уснул, вместо того чтобы бодрствовать и стеречь Иисуса — и не один раз, а целых три. Когда Иисуса арестовали, он сбежал вместе с остальными учениками. А позже, когда его обвинили в том, что он был одним из последователей Иисуса, он опять продемонстрировал отсутствие верности, сказав, что он никогда не был с ним знаком, и опять же, не один раз, а три.

Марк несколько раз намекает на то, что Петр впоследствии вернется к Иисусу. После того как он отрекся от Иисуса в третий раз, он вспомнил, что Иисус предрекал, что это произойдет, и расплакался (14:72). Позже, после распятия, когда женщины пришли на могилу и увидели, что она пуста, им было сказано пойти «сказать ученикам и Петру», что Иисус воскрес из мертвых и что он встретится с ними в Галилее (16:7). Почему Петр упомянут отдельно от других учеников? Несомненно, потому, что Иисус хотел дать понять, что он прощен.

А что же Иуда? Загадочно, но характерно для Марка оставить воображению читателя, что же было с ним дальше. Он ни разу не уноминает Иуду после того, как тот предал Иисуса при помощи поцелуя. Однако едва ли можно надеяться, что он раскается и Иисус вернет к нему благосклонность, потому что Иисус уже сказал, что для него было бы лучше «не родиться» (14:20). Таким образом, Петр вернется, а Иуда, очевидно, потерян. И это все, что Марк хотел сказать по этому поводу.

Иуда в Евангелии от Матфея

Евангелие от Марка было написано через 35–40 лет после смерти Иисуса (возможно, в 65–70 гг.), а Евангелие от Матфея — на 10–15 лет позже (в 80–85 гг.). Более ста лет назад ученые пришли к выводу, что Матфей использовал Евангелие от Марка как один из своих источников. Один из лучших способов изучать Евангелие от Матфея — это смотреть, как его истории об Иисусе отличаются от историй в Евангелии от Марка: что Матфей добавил к Марку, что вычеркнул, а что изменил. Отмечая, что изменил Матфеи, мы получим четкое представление, где именно он хотел расставить акценты по — другому, чем в более раннем источнике.[12]

Отличия Евангелий от Матфея и от Марка

Для наших целей мне нет нужды давать полный обзор отличий Евангелия от Матфея и Евангелия от Марка, однако я могу показать три вида отличий, которые существенны для понимания того, как Матфей решил изобразить в своем рассказе Иуду Искариота.

1. Во — первых, Евангелие от Матфея гораздо длиннее, чем Евангелие от Марка — за счет того, что Матфей добавил большие куски, посвященные проповедям, чего не было в более раннем Евангелии. Так, к примеру, только в Матфее мы находим знаменитую Нагорную проповедь (Матф. 5–7). В этой проповеди Иисус изрекает некоторые из своих самых знаменитых поучений, которых нет в Евангелии от Марка, в частности заповеди блаженств («Блаженны нищие духом»), молитву «Отче наш», золотое правило («Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними»), и так далее. Во многих высказываниях проповеди Иисус наставляет последователей интересоваться духовной стороной жизни, а не материальной.

Не копите себе сокровища на земле, где их могут истребить моль и ржавчина и где воры вламываются и крадут; но копите себе сокровище на небесах… Потому что где сокровище ваше, там будет и ваше сердце (6:19–21).

Вы не можете служить Богу и богатству (6:24).

Не заботьтесь по поводу своей жизни, что вам есть и пить, ни по поводу своего тела, что вам надеть… Посмотрите на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают зерна в амбары. И ваш Отец Небесный их кормит. Разве вы не гораздо лучше их? (6:25–26)

2. Матфей часто считается самым «еврейским» из новозаветных евангелистов, потому что Иисус у него делает гораздо больший акцент на соблюдение еврейского закона, чем в Евангелии от Марка (или других). Только здесь Иисус говорит:

Не думайте, что я пришел уничтожить закон и пророков. Я пришел не уничтожить, а исполнить. Истинно говорю вам, пока не исчезнут небо и земля, ни одна йота, ни одна черта из закона не исчезнет, пока не исполнится все. Поэтому тот, кто нарушит самую мелкую из этих заповедей и научит тому же других, самым мелким будет назван в Царстве Небесном (5:17).

В этом Евангелии особенно подчеркивается, что все, что Иисус говорил, делал и пережил — это все были «исполнения» пророчеств еврейского Писания — начиная от рождения от матери — девственницы (1:20–23; как исполнение пророчества Исайи 7:14) в Вифлееме (2:6; как исполнение пророчества Михея 5:2), бегства в Египет, когда он был младенцем (2:13–15; как исполнение пророчества Осии 11:11), а также пути к смерти через публичное служение (8:17, где о его исцелениях говорится как об исполнении Исайя 53:4). Все эти упоминания содержатся у Матфея, а не у Марка, и обо всех из них сказано, что они являются «исполнением Писаний».

3. И в то же самое время Евангелие от Матфея можно рассматривать как самое «антиеврейское» из ранних Евангелий, потому что в нем еврейские власти изображаются как самые яростные враги Иисуса, которым он многократно противостоит, сурово критикуя их лицемерие и постоянное стремление делать зло и сбивать еврейский народ с верного пути (наиболее ярко это показано в главе 23). Противостояние между Иисусом и еврейскими властями вылилось в суд над Иисусом и его распятие. Согласно Марку, и римский прокуратор Понтий Пилат, и еврейские власти (первосвященники и книжники) были ответственны за предание Иисуса смерти, а у Матфея фокус сместился. Именно еврейские власти ответственны за это, именно они подстрекают толпу евреев выкрикивать требования, чтобы Иисуса распяли, хотя Пилат твердо провозгласил, что он невиновен, и объявил, что он сам «невиновен в крови этого человека».

В ответ толпа евреев, которую взбудоражили еврейские власти, издала печально известный возглас, который привел к ужасающим актам антисемитизма в последующие века, беря на себя вину за смерть Иисуса и передав ее потомкам: «Его кровь будет на нас и на наших детях» (27:25).

Эти изменения в расстановке акцентов в Евангелии от Матфея отразились и на том, как он рассказывает историю Иуды Искариота. Как и в Евангелии от Марка, Иуда не является центральной фигурой большинства повествований Евангелия: его имя встречается только 5 раз. Как и в Евангелии от Марка, перед тем как он предал Иисуса, он упоминается только однажды, как один из двенадцати учеников, которых Иисус призвал, «чтобы дать им власть над нечистыми духами, чтобы изгонять их и тем самым лечить всякую болезнь и всякую немочь» (10:1–4). Опять же, истории об Иуде, которые Матфей заимствовал у Марка, изменены едва заметно, однако очень существенно, и он добавил собственный рассказ о том, что случилось с Иудой после предательства.

Мотивы Иуды в Евангелии от Матфея

Мы видели, что в Евангелии от Марка не содержалось явных указаний на то, почему Иуда предал Иисуса. У Матфея дело обстоит иначе. Тут все кристально ясно: Иуда сделал это из-за денег.

Как и у Марка, решение предать Иисуса пришло к Иуде сразу после того, как неназванная женщина помазала его голову благовониями. В рассказе Матфея, однако, не просто «какие-то люди» возражали против расточительства такого дорогого благовония. Именно «ученики вознегодовали» (26:8). Далее Матфей предполагает, что именно это склонило Иуду на противоположную сторону. После изложения этой истории нам говорят, что «тогда» Иуда пошел к первосвященникам.

Иными словами, Матфей более очевидно связывает эти две истории, и в каждую из них вводит тему денег, потраченных на Иисуса. Различие между этими историями в том, что не названная по имени женщина потратила то, что у нее было, чтобы восславить Иисуса, а Иуда заработал, что мог, путем предательства. В стихе, где описывается его встреча с первосвященниками, изложены его мотивы:

Тогда один из двенадцати, которого звали Иуда Искариот, пошел к первосвященникам и сказал: «Что вы дадите мне, если я передам вам его?» Они заплатили ему тридцать сребреников. И с этого момента он искал удобного случая передать им его (26:14–16).

Мотив жадности хорошо согласуется с общим замыслом рассказа об Иисусе. В предыдущем повествовании о проповедях Иисуса, которого нет в Евангелии от Марка, Иисус делал акцент на важности обретения богатства на небесах, а не на земле, он учил не интересоваться материальными благами и говорил, что невозможно одновременно служить Богу и богатству. Он также учил, что нужно поступать с другими так же, как хочешь, чтобы поступали с тобой. В версии ареста Иисуса в Евангелии от Матфея Иуда не только предает своего учителя, но, делая это, он показывает, что он полностью отрицает все, чему учил Иисус. Его больше интересуют материальные блага, земное богатство. И он, конечно же, поступил с Иисусом не так, как хотел бы, чтобы поступали с ним. Иуда Матфея — негативный пример ученика.

Исполнение Писаний в Евангелии от Матфея

Иногда Матфей в открытой форме утверждает, что жизнь Иисуса является исполнением пророчеств, содержащихся в Писаниях. По поводу одиннадцати отдельных случаев Матфей говорит, что это произошло, «чтобы исполнить написанное у пророков». Ни один из этих отрывков нельзя найти у Марка.

Тем не менее есть другие случаи, где Матфей изменяет рассказ Марка, не привлекая внимания к тому, что его измененное повествование представляет собой аллюзию на отрывок из Писания. Так, например, в уже приводимом здесь отрывке из 26:15, где Иуде заплатили «тридцать сребреников» взамен согласия на то, чтобы предать Иисуса. Это аллюзия на еврейское Писание и часть общей программы Матфея, состоящей в том, чтобы показать, что все в жизни Иисуса — исполнение пророчества.

Уплата тридцати сребреников — это отсылка к ветхозаветной книге Захарии 11:12: «Они отвесят в уплату мне тридцать сребреников». То, что Матфей имеет в виду именно этот стих, становится очевидно потом, в следующей истории, когда Иуда отрекается от своего действия и бросает эти тридцать сребреников на землю в Храме, однако первосвященники отказываются взять их назад. В этом случае Матфей явно показывает, что таким образом исполнился стих из Захарии: «И взял я тридцать сребреников, и бросил их в дом Господень» (Зах. 11:13).[13]

Интерпретаторы многие годы спорили о том, что эта отсылка к пророчеству Захарии значит у Матфея. Проблема состоит в том, что сам отрывок из Захарии не особенно ясен — едва ли кто-то может внятно истолковать его. В нем рассказывается, как «пастух» был назначен следить за домами Израиля, но, поскольку все его презирали, он бросил работ), а своим работодателям сказал, чтобы заплатили ему, если сочтут это подобающим. Они заплатили ему тридцать сребреников, а Господь сказал ему бросить эту «высокую цепу, в которую они оценили меня», в церковное хранилище.

Возможно, Захария из сарказма назвал эти тридцать сребреников «высокой ценой». Согласно закону Моисея, эту цену нужно было заплатить за раба, которого забодал соседский вол (Исх. 21:32). Помимо этого, трудно понять, что Захария имел в виду под этим маленьким рассказом. Выходит, что, по меньшей мере для Матфея, этот так называемый пастух был плохим человеком, который принял плату за плохую работу, а затем отказался от нее. Это именно то, что сделал Иуда.

Предательство Иуды, таким образом, существует для Матфея на двух уровнях. На человеческом уровне Иуда просто хотел посмотреть, как он сможет справиться со злодеянием. Однако на божественном уровне Иуда исполнил Писание, в котором предрекалось то, что случится. Точно так же это могло вытекать и из истории, рассказанной Марком, поскольку читатели, знакомые с Писанием, могли думать, что предательство Иисуса одним из его ближайших учеников, который ел вместе с ним хлеб на Тайной вечере, могло бы быть исполнением того, что утверждалось в одном из псалмов: «Даже мой ближайший друг, которому я доверял, который ел мой хлеб, поднял на меня свою пяту» (Пс. 40:9). И тот факт, что Иуда предал Иисуса при помощи поцелуя, может быть прочитан как аллюзия на Притчи 27:6: «Искренни укоризны от любящего, и лживы поцелуи ненавидящего». Или, возможно, предательство посредством поцелуя должно было отсылать ко Второй книге Царств 20:9-10, где один из воинов царя Давида, Иоав, встретил другого воина, Аммесая, который не выполнял приказов Давида. Говорится, что Иоав взял Аммесая за бороду правой рукой, чтобы поцеловать, а левой ударил мечом в живот, выпустив внутренности.

Считал Марк действия Иуды исполнением Писания или нет, ясно, что по этому поводу думал Матфей — и добавил утверждение, что Иуда сделал это за тридцать сребреников, цену раба, которого забодал вол.

Смерть Иуды в Евангелии от Матфея

Матфей внес в рассказ Марка об Иуде еще некоторые незначительные изменения, однако есть одно огромное различие между этими историями. В отличие от Марка, Матфей рассказывает, что Иуда делал после того, как предал Иисуса. Когда он увидел, что «Иисус был осужден», он раскаялся в своем поступке и принес эти тридцать сребреников обратно первосвященникам, сказав им: «Я согрешил, предав невинную кровь» (27:3–4). Когда они отказались брать назад деньги, он бросил их на пол в Храме и «пошел и повесился».

На этом, однако, история не заканчивается. Первосвященники решили, что они не могут вернуть деньги в сокровищницу Храма, потому что это «цепа крови» — то есть потому, что они были связапи с расправой над осужденным преступником. И они использовали эти деньги, чтобы купить «поле горшечника», чтобы хоронить на нем странников. Поскольку это поле было куплено за «цену кропи», говорится, что это место стали называть «землей крови». Матфей подчеркивает, что таким образом исполнилось то, о чем говорил пророк Иеремия: «И они взяли тридцать сребреников, цену, которой оценили сыны Израиля оцененного, и отдали их за землю горшечника, как и сказал мне Господь» (Матф. 27:9-10).

Исследователи долго мучались вопросом, почему Матфей говорит, что этот отрывок из Иеремии, хотя на самом деле он из Захарии.[14] Может быть, как это бывает в Новом Завете, автор смешал цитаты из двух различных источников и назвал только один из ннх.[15] В любом случае, существует интересное сходство между поступками Иуды и тем, что в некоторых отрывках делал ветхозаветный пророк Иеремия (см. Иер. 18, 19 и 32). В одном из них, например, Иеремии велят взять горшок горшечника и отнести его к «Воротам черепков», ведущим в Иерусалим, и разбить его, чтобы показать, что Господь собирается сделать со своим народом в Иерусалиме — уничтожить его, потому что они забыли о Боге и «наполнили это место кровью невинных». Если Матфей имеет в виду это место в книге Иеремии, то его послание зловеще: он предрекает, что Иерусалим будет разрушен в наказание за убийство невинного Иисуса. Такая интерпретация вовсе не притянута за уши: Матфей делает похожее заявление еще раньше, например в 22:7 и 21:41. Для Матфея, жившего сразу после того, как римляне захватили Иерусалим и разрушили Храм, это было наказанием евреев Господом за то, что они отвергли мессию. Ничего удивительного, что более поздние читатели скажут, что Матфей разжигал пламя антисемитизма.

В любом случае, главным моментом, на который Матфей хочет обратить внимание в истории смерти Иуды, является то, что даже он, предатель Иисуса, осознал свою ошибку и пришел объявить, что Иисус невинен. Фраза, которую Матфей использует, когда говорит об угрызениях совести Иуды, предавшего «невинную кровь», — это та же самая фраза, которую он использует, когда Иисус предстает перед Пилатом. Пилат, как мы видели, подчеркивает, что Иисус не сделал ничего, за что заслуживал бы смерти, однако «первосвященники и старейшины» подстрекали толпу требовать его распятия (Матф. 27:22–23). Чтобы высказать свою точку зрения на это, Пилат просит воды и умывает руки перед толпой, показывая, что он «невиновен в крови этого человека».

Точка зрения Матфея не могла быть более ясной. Если человек, который предал Иисуса, свидетельствует, что он невиновен, и если римский наместник, который приговорил его к смерти, считает, что он невиновен, то кто же виноват в его смерти? Это те, что принудили наместника, — толпа в Иерусалиме, управляемая первосвященниками и старейшинами.

Многие годы ученые спорили, насколько искренним было раскаяние Иуды. Он вправду сожалел о содеянном? Если да, то почему же он не попытался добиться освобождения Иисуса, заступившись за него на суде? Возможно, этот вопрос не имеет ответа, быть может, Матфей им никогда не задавался. Даже хотя авторы Евангелий иногда изменяют истории, которые рассказывают, чтобы расставить нужные акценты, существуют границы того, что они могут утверждать. В данном случае Матфей мог знать (или по крайней мере слышать) о том, что Иуда умер (или исчез) после предательства. И рассказал эту историю так, чтобы

подчеркнуть основную идею: даже тот, кто предал Иисуса, осознал, что он был осужден несправедливо.

В следующей главе мы увидим, что есть и другие версии рассказа о смерти Иуды, которые поразительно отличаются от рассказа в Евангелии от Матфея — например, в одном из канонических источников, книге Деяния апостолов, написанной тем же автором, который написал Евангелие от Луки. Ни в одной из этих версий не говорится о повешении Иуды. Вопросом о том, что действительно случилось с Иудой, мы зададимся позднее, когда рассмотрим ранние описания его поступков и их последствий.

Иуда в Евангелии от Луки

Как и Евангелие от Матфея, Евангелие от Луки было написано через 10–15 лет после Евангелия от Марка, и его автор также пользовался как источником Евангелием от Марка. В отличие от Матфея, Лука написал своеобразное послесловие к Евангелию, посвященному жизни Иисуса, — книгу Деяния апостолов, повествующую о первых годах христианства сразу после смерти и воскресения Иисуса вплоть до миссии апостола Павла. Деяния мы рассмотрим в следующей главе, поскольку там также описывается смерть Иуды, но совершенно по — другому, чем в Евангелии от Матфея. В Евангелии от Луки, однако, нет упоминания о смерти Иуды, и именно на этом Евангелии мы сосредоточимся в этой главе.

Изменения, которые внес Лука в Евангелие от Марка, совершенно другие, чем те, которые внес Матфей, однако они выражаются и в том, как Лука рассказывает историю об Иуде.[16] Иуда — это не самая главная фигура в этом повествовании. Его имя встречается только четыре раза: когда он призывается в качестве одного из двенадцати учеников, а затем в конце, когда решает предать Иисуса и выполняет это.[17] В некоторых отношениях рассказ Луки о последних событиях в этой истории очень похож на рассказ Марка. Однако и в нем есть ключевые отличия, связанные с общими изменениями, которые Лука внес в источник.

Роль сатаны в Евангелии от Луки

Одно из изменений, которое Лука внес в описание Иисуса Марком, появляется уже в начале рассказа о публичной проповеди Иисуса. Как уже давно заметили читатели Евангелий, хотя Марк и утверждает в начале Евангелия, что после крещения сатана искушал Иисуса сорок дней, он не описывает три знаменитых искушения в пустыне, где Иисусу было предложено превратить камень в хлеб, чтобы утолить голод, прыгнуть с верхушки Храма, чтобы быть спасенным чудесным вмешательством Бога, и поклониться сатане, чтобы получить власть над всеми царствами земными. Эти три искушения описаны у Матфея и Луки, но не описаны у Марка.[18]

Одно из самых разительных отличий между рассказами Матфея и Луки про искушения — то, что второе и третье поменяны местами: выше я перечислил их согласно порядку, данному в Евангелии от Матфея. Лука искушение в Храме ставит на последнее место. Однако для нас более поразительно то, что происходит после того, как Иисуса в третий раз преодолевает искушение, давая сатане отпор. Лука указывает, что после последнего искушения «дьявол оставил его до времени» (Лука 4:13).

Какое провокационное заявление! Что это за подходящее для сатаны время, чтобы вновь появиться на сцене? Ведь на протяжении всего рассказа о деятельности Иисуса присутствия дьявола не заметно. Иисус несколько раз сталкивается с бесами, но всегда их побеждает. Сатана оказывается бессильным на протяжении всего служения — и не только Иисуса, но и его учеников. После того как Иисус посылает их проповедовать Евангелие, исцелять больных и изгонять демонов, они возвращаются с рассказами об успехах, после чего Иисус сообщает, что он наблюдал «падающего с небес сатану» (10:18, см. также 13:16). Другими словами, сила духа, которая позволила Иисусу одолеть искушения дьявола, был и у

его полномочных представителей. На протяжении всей деятельности Иисуса сатана терпел одно поражение за другим.

Но как это связано с Иудой Искариотом? Мы видели, что в Евангелии от Марка ничего не написано о мотивах, побудивших Иуду предать Иисуса, хотя были намеки о связи этого с поступком неизвестной женщины, щедро потратившей дорогое благовоние на помазание Иисуса. У Матфея, с другой стороны, мотивация описана вполне ясно: Иуда хотел денег. У Луки все не так. С одной стороны, его решение предать Иисуса появляется не в результате помазания, потому что Лука переместил рассказ об этом в другую часть повествования. Тут Иисуса помазывают не непосредственно перед арестом и судом; вместо этого помазание — опять же не названной по имени женщиной — происходит практически в начале рассказа о его деятельности (7:36–50). И сам рассказ о помазании во многих деталях настолько отличается от рассказов Марка и Матфея, что многие задавались вопросом, действительно ли это одна и та же история. В любом случае, ни про его учеников, ни про кого-либо другого не сказано, что они были расстроены подобным расточительством. Вместо этого хозяин постоялого двора, где остановился Иисус, фарисей, расстраивается, что он позволил прикоснуться к себе «грешнице». Не уточняется, почему она грешница: идея, что она была блудницей, возникла гораздо позже. В Новом Завете «грешным» могут назвать того, кто просто не соблюдал должным образом законы Моисея. Так что, кто знает, может быть, ее грех состоял в поглощении некошерной пищи. В любом случае, это не вынудило Иуду предать Иисуса.

Он также не был движим жадностью. Как и в Евангелии от Марка, после публичной проповеди Иисуса в Иерусалиме Иуда идет договариваться с первосвященниками о том, как он может его предать, и они соглашаются дать ему денег. Однако Лука не говорит, что он сделал это ради денег. Что же тогда его подвигло? Лука считает, что сам дьявол.

Затем сатана вошел в Иуду, которого звали Искариотом, одного из двенадцати, и он пошел и посоветовался с первосвященниками и солдатами, как он может его предать. (Лука 22:3)

Согласно Евангелию от Луки, предательство и, соответственно, распятие Иисуса были происками сатаны. Точно так же, как сатана противодействовал ему в начале Евангелия, он противостоит ему в конце. Во время публичного служения Иисуса сатана был во власти его силы духа, но в конце сатана вновь заявляет о себе. Смерть Иисуса была действием сатаны, который хотел избавиться от Сына Господа. И руками Иуды он сделал это грязное дело. Для Луки, однако, не за сатаной и его приспешниками было последнее слово. Господь воскресил Иисуса из мертвых (в конце Евангелия) и дал силу его последователям, чтобы победить сатану (в начале Деяний). Как всякий христианский автор, Лука верит, что Господь в конце концов победит бессмысленное зло, которое вызвал его враг сатана.

Иисус контролирует ситуацию в Евангелии от Луки

Еще большее изменение по сравнению с источником Лука сделал в описании того, как Иисус готовился к смерти и принял ее. В первоисточнике, Евангелии от Марка, содержится сильный, но немногословный рассказ о распятии и предшествовавших ему событиях, захватывающий своим совершенным трагизмом. Этот момент часто упускают читатели, которые объединяют рассказы о распятии из различных Евангелий так, что слова и поступки Иисуса в Евангелии от Марка оказываются соединены с его словами и поступками в других Евангелиях. В результате получается, что идея, на которую делался упор в каждом конкретном Евангелии, разрушается, и создается новый рассказ — не авторами Евангелий, а самим читателем, который заставляет Иисуса говорить и делать все то, что содержится в каждом из Евангелий.

Рассказ Марка, как его отрывки, содержащиеся в других Евангелиях, оказывает очень сильное воздействие. Иисуса предал один из его последователей, а другой от него отрекся.

Все его товарищи сбежали; никого рядом с ним не было тогда, когда ему это было особенно нужно. Он был отправлен на распятие и в течение всей процедуры сохранял молчание, словно находясь в шоке от происходящего. Он молчал по дороге на распятие, молчал, пока его прибивали гвоздями к кресту, и молчал, пока висел на кресте. Однако другие не молчали, потому что почти все присутствовавшие оскорбляли и издевались над ним: еврейские власти, те, кто проходил мимо креста, и даже те два разбойника, которых распяли вместе с ним. Здесь, в Марке, Иисус — тот, кто был предан, отвержен, проклят, высмеян и отторгнут, даже самим Богом. В конце Иисус выкрикивает свои единственные слова за все время казни, крик отчаяния брошенного человека: «Элои, элои, лама савахфани!» — что в переводе с арамейского означает «Боже мой, Боже мой, почему ты меня оставил?». Потом он умирает.

Не стоит думать, что Марк не хотел описывать Иисуса так, потому что в других Евангелиях он описывается по — другому. Марку нужно позволить рассказать по — своему, как Иисус встретил смерть. Это отнюдь не симпатичная картинка. Иисус умирал в агонии, не понимая, почему все — в том числе и Бог — бросили его.

Лука дает совершенно другой отчет о происшедшем, и эти различия нельзя игнорировать. В Евангелии от Луки Иисус вовсе не хранит молчание на пути к кресту. По дороге он останавливается перед группой плачущих женщин и говорит им: «Дочери иерусалимские, не плачьте обо мне, но плачьте о себе и своих детях» (23:27–31). Здесь Иисус куда больше заинтересован в их судьбе, чем в своей собственной.

И когда его прибивают к кресту, у Луки он также не молчит. Вместо этого он молится за тех, кто все это устроил: «Отец, прости их, ибо они не знают, что делают» (23:34). Вися на кресте, Иисус ведет беседу со своим соседом. Один из преступников решил посмеяться над ним: «Разве ты не Христос? Спаси себя и нас». Однако другой преступник упрекнул его, сказав, что они-то заслужили приговор, в то время как Иисус «не сделал ничего дурного». Затем он попросил: «Иисус, помни меня, когда войдешь в свое Царство». Иисус ответил ему спокойно и убедительно, сказав то, что тот больше всего желал услышать: «Истинно говорю тебе, сегодня ты будешь вместе со мной в раю» (23:43). В этом рассказе Иисус спокоен и контролирует ситуацию. Он знает, что с ним происходит и почему. И он знает, что из этого выйдет: он проснется в раю, и этот разбойник вместе с ним.

В конце он не издает «крик отчаяния» («Почему ты меня оставил?»), а — и это наиболее красноречиво — выдыхает последнюю молитву: «Отец, в руки твои я передаю мой дух» (23:46). Иисус Марка чувствовал себя отверженным даже самим Богом, а Иисус Луки — нет. Здесь Иисус чувствует присутствие Бога и уверенность в том, что он со своим отцом, который теперь примет его душу. Здесь, в Евангелии от Луки, Иисус полностью отвечает за свою смерть.

Такое же смещение акцентов можно увидеть и в более раннем описании Иисуса, прямо перед тем, как он был предан и арестован. В Евангелии от Марка говорится, что Иисус «начал ужасаться и тосковать» (Марк 14:33). Лука ничего такого не упоминает. У Марка Иисус говорит своим ученикам, что его «душа смертельно скорбит» (Марк 14:34). Ничего такого в Евангелии от Луки нет. У Марка он отходит, надает на землю и молится (14:35); в Луке он просто встает на колени (Лука 22:41). У Марка Иисус трижды умоляет Господа пронести мимо него эту чашу (то есть избавить от страданий); в Луке он просит об этом только один раз, предварив эту просьбу словами «если тебе угодно». Результат этих изменений ясен: снова Иисус показан не тоскующим из-за надвигающейся участи, но спокойным и контролирующим ситуацию. И это причина для другого интересного отличия в Евангелии Луки, на этот раз в рассказе о предательстве, который следует за этим. Многие читатели не замечают этого различия, потому что оно почти неуловимо. У Марка Иуда предает Иисуса при помощи поцелуя — возможно, как исполнение сказанного в Притчах 21:6. Из рассказа Луки невозможно понять, имел ли место вообще поцелуй. Здесь, в отличие от того, что написано у Марка, Иуда поднимается к Иисусу с толпой, «чтобы поцеловать его»,

однако Иисус, очевидно, останавливает его: «Иисус сказал ему: «Иуда, ты предаешь Сына Человеческого поцелуем?» (22:48). Тут же завязалась небольшая потасовка, что упомянуто и у Марка. В обоих рассказах один из последователей Иисуса выхватывает меч и ударяет раба первосвященника и отсекает ему правое ухо. Это вызывает упреки Иисуса в обоих рассказах, однако у Луки Иисус сделал куда больше: он коснулся раба и тут же исцелил его.

Иисус Луки контролировал ситуацию и тогда, когда его предавши. Он взял все в свои руки, ие дал Иуде поцеловать себя и взял па себя ответственность за то, что его пытались защитить мечом.

Иисус Луки как бы в ореховой скорлупе: спокойный и невозмутимый, встречающий свою судьбу в полной уверенности, что Бог рядом и заботится о нем.

Заключение: Иуда в ранних Евангелиях

Я хотел показать в этих кратких заметках об описании Иуды в трех самых ранних Евангелиях, что литературные и теологические идеи автора влияли на то, как он излагает историю Иуды и его предательства. Из того, что мы рассмотрели, можно сделать Два заключения — одно литературное и одно историческое.

Литературное состоит в том, что то, что происходит с Иисусом, происходит и с Иудой. В каждом из Евангелий они описывается по — разному, и мы окажем автору медвежью услугу, притворившись, что он говорит то же самое, что и другие авторы. Если Матфей хочет сказать нам, что Иуда совершил предательство из- за жадности, а Лука настаивает на том, что его заставил дьявол, неправильно считать, что оба автора хотели сказать одно и то же. Если мы решили считать так, то это значит, что мы взяли слова Матфея, скомбинировали это со словами Луки и создали мета- Евангелие (для количества мы можем привлечь туда Марка и Иоанна) — Евангелие, которого нет в Новом Завете, но которое есть только у нас в голове, так как мы создали его взамен новозаветных. На мой взгляд, взгляд историка и литературоведа, это не лучший способ обращаться с ранними рассказами о жизни Иисуса (или Иуды).

Историческое заключение состоит в том, что у нас есть разные рассказы, написанные разными авторами в разное время для разных аудиторий и с разными целями. Учитывая различия в этих рассказах, мы, очевидно, захотим еще раз их рассмотреть, чтобы понять, возможно ли сделать исторические выводы о том, что *действительно* произошло. В некоторых случаях различия в рассказах делают их совершенно несопоставимыми. Мы увидим это в следующей главе, когда будем рассматривать рассказ о смерти Иуды в книге Деяния апостолов, который в нескольких местах поражает сходством с изложенным в Евангелии от Матфея (только в этих двух книгах Нового Завета упоминается смерть Иуды), однако в других отличается от него. Рассказы, в которых содержатся несоответствия, не могут считаться исторически точными. Может ли один быть точнее другого? Как мы об этом узнаем? Что мы можем с уверенностью сказать о жизни Иуды — что он сделал и почему он это сделал, — основываясь на немногих дошедших до нас источниках? Этими вопросами мы зададимся в конце книги, когда рассмотрим, как Иуда был описан в других источниках, сначала в сохранившихся христианских источниках, таких как Деяния апостолов и Евангелие от Иоанна, а также в нескольких апокрифах (в следующей главе), а затем и в недавно открытом Евангелии от Иуды, книге, написанной с другими целями и с совершенно другим изображением человека, предавшего Христа.

Глава 3. Иуда в поздних евангельских традициях

Ранние христиане жили в устной культуре. Очень трудно представить достоверные диаграммы, которые бы отражали демографическое положение в древности, однако по самым оптимистическим подсчетам в первые века христианской веры в Римской империи лишь 10 процентов населения было грамотным. Это означает, что девять человек из десяти не умели читать, не говоря уже о том, чтобы писать. Тех, кто умел писать — я имею в виду

создавать связный кусок текста, — было и того меньше. Подавляющее большинство людей, живших в эпоху Иисуса и несколькими веками позже, даже под страхом смерти не могли бы написать ни одного предложения.

К счастью для них, их жизнь от этого не зависела. В устной культуре можно жить и радоваться, не читая газет, служебных записок, научных трудов, правительственных отчетов, официальных документов и какой бы то ни было литературы. Когда возникала необходимость в документах — например, составить брачный контракт, заключить сделку по продаже дома или сделать учет налоговых сборов, — всегда были писцы, которые могли за плату сделать все, что нужно. А если бы вы хотели окунуться в литературу — насладиться, к примеру, сочинениями Гомера или Платона, ознакомиться с пьесой или повестью, или изучить религиозные сочинения, — вам могли прочитать это вслух. Таким образом, самым распространенным способом «почитать» книгу в древности было попросить кого-нибудь (из немногочисленных грамотных людей) почитать вам, а также, может быть, группе ваших друзей или родных. Вы можете подумать, что в устной культуре, где так много зависит от передачи информации из уст в уста, люди заботились о точной передаче всего, связанного с важнейшими фигурами и событиями, что выслушанный и пересказанный рассказы будут в точности соответствовать друг другу и что рассказчики будут очень стараться ни в коем слу чае ничего не изменять. Однако на деле оказывается, что это совсем не так.

Культурные антропологи, изучающие современные общества, основанные на устной культуре, показали, что ситуация имеет место ровно обратная. В устной культуре вообще нет такого понятия, как дословная передача. Здесь принято, что способ передачи рассказа зависит от конкретной аудитории слушателей, от конкретного контекста, в котором рассказ рассказывается, и от причин, побудивших его рассказать. Истории привязываются ко времени и к обстоятельствам, в которых они рассказываются.[1]

Совершенно очевидно, что такая же ситуация наблюдалась и в древних устных культурах. Свидетельство тому — как бы иронично это ни звучало — те же письменные источники. То небольшое количество древних повествований об исторических событиях, которые имеются в нашем распоряжении, основаны, разумеется, на рассказах, которые авторы услышали. И у нас есть даже несколько случаев, когда одна и та же история была записана различными авторами. Почти во всех случаях эти истории различаются.

Именно так обстоит дело с Евангелиями Нового Завета. Даже когда один автор использует как источник повествование другого автора — например, когда Матфей переписывает некоторые истории у Марка, — он все равно их изменяет. Зачем? Потому что в устной культуре, где он жил, едва ли кто-то считал, что неправильно менять истории. Естественно, что в другой аудитории, в другом случае и при изменении общей ситуации их надо было рассказывать по — другому. Распространенное убеждение, что истории никогда нельзя менять, а надо каждый раз рассказывать слово в слово — это нововведение современной письменной культуры. До изобретения книгопечатания мало кто разделял это мнение.[2]

Древние рассказы об Иисусе, сохранившиеся в устной культуре, изменялись при пересказывании. Поэтому в тех рассказах, которые в конце концов были записаны, наблюдаются различия и иногда даже несоответствия. Соответственно, есть также различия и несоответствия в рассказах о предателе Иуде Искариоте. Одно из серьезных несоответствий касается обстоятельств смерти Иуды. Как мы видели, согласно рассказу Матфея, Иуда повесился, и после его смерти первосвященники на те деньги, которые заплатили ему за предательство, купили землю в Иерусалиме, чтобы хоронить там странников. Они назвали ее «землей крови», потому что она была куплена на «цену крови».

В книге Деяния апостолов содержится совсем другой рассказ о смерти Иуды и о том, как его смерть была связана с этим полем. Подробности этих двух повествований довольно трудно согласовать.

Смерть Иуды в книге Деяния апостолов

Деяния апостолов написаны тем же автором, что и Евангелие от Луки — с этим соглашаются все (сравните Лука 1:1–4 и Деяния 1:1–4). Фактически Деяния — это просто второй том двухтомного сочинения. Первый том, который нам известен как Евангелие от Луки, повествует о рождении, жизни, деятельности, смерти и воскресении Иисуса; второй том повествует о последующей деятельности его апостолов. В нем Лука продолжает историю христианства, показывая, как распространялось влияние Церкви вначале на небольшую общину последователей Иисуса, затем на большую территорию по городам Римской империи, вплоть до того, как евангельское послание достигло столицы, самого Рима. Главный герой последних двух третей книги — апостол Павел, обращение которого в христианство описывается в девятой главе и миссией которого является распространять Евангелие, особенно среди неевреев. Рассказу об этом в основном и посвящена оставшаяся часть книги.

Рассказ Луки о распространении христианского вероучения — это не просто описания событий в том виде, в котором они произошли. В первом томе Лука вносит свой вклад в евангельскую традицию повествования об Иисусе, во втором томе он передает свое видение миссии апостолов. Смысловой акцент во втором томе делается на том, что их деятельность была частью божественного замысла, что апостолы получали вдохновение и силу от самого Бога, что миссионерское движение началось благодаря воздействию Святого Духа, и не могло быть никаких преград на человеческом уровне, которые нельзя было преодолеть. Вся ранняя история христианства вершится в соответствии с волей Всемог ущего. Ничто не могло помешать христианам собирать вокруг себя большие толпы новообращенных, в какой бы стране они ни оказались. Божьи враги могли заключать апостолов в тюрьмы, пытать их и убивать, но они не могли препятствовать дальнейшему развитию миссии.

Эта доминирующая тема книги прослеживается, начиная с са**мых** первых историй. После того как ученики увидели воскресшего Иисуса, и после его вознесения на небеса, они принимают решение сохранить число двенадцати учеников, чтобы выполнить свою миссию. Однако один из них, Иуда Искариот, безусловно, «перешел на темную сторону». Теперь нужно было найти нового апостола на его место.

Симон Петр, который был правой рукой самого Иисуса, в начале процедуры избрания обращается к собранию апостолов с речью. В этой речи поражают слова о том, что он считает предательство Иуды в конечном счете исполнением божественного плана, как и было предсказано Священным Писанием. Петр говорит:

Братья мои, было необходимо, исполнилось то, что в Писании Дух Святой говорил устами Давида об Иуде, который привел к Иисусу люден, арестовавших его. (Деяния 1:16)

Иными словами, царь Давид, который жил на тысячу лет раньше и считался автором ветхозаветной Псалтири, предсказал будущее предательство Иуды. Петр цитирует отрывок, в котором, по его мнению, содержится пророчество:

В книге Псалмов написано: «Жилище его да будет пусто, да не будет никого живущего в нем» [Пс. 68:26] и «достоинство его да возьмет другой» [Пс. 108:8] (Деяния 1:20).

Это важный отрывок для понимания книги Деяния апостолов. Автор Деяний, вложивший эти слова в уста Петра, считает, что все, и даже трагические события предательства и казни Иисуса, происходило в соответствии с божественным планом. Перечитывая Писание, он находит ключ ко всему, что происходило впоследствии. Несмотря на видимость, Бог контролирует все происходящее. И хотя Иуда совершил грех, позволив сатане совратить себя (вспомните Лука 22:3), все происходило в соответствии с божественным замыслом, записанным много веков назад. Бог запланировал, что произойдет предательство, и теперь, в соответствии с его планом, Иуде должна быть найдена замена. Апостолы бросают жребий, и он выпадает Матфию, который теперь замещает Иуду, став одним из двенадцати апостолов.

Как ни странно, Матфий больше нигде в книге не упоминается: его роль заключалась просто в том, чтобы восстановить число апостолов.

Петр не только указывает на необходимость избрания нового апостола, но также вскользь упоминает о том, почему это необходимо. Дело не только в том, что Иуда перешел к тем, кто противостоял Христу. Если бы дело было только в этом, он наверняка мог бы раскаяться, как сделал сам Петр, и снова присоединиться к апостолам. Но теперь это было уже невозможно, потому что Иуда был мертв. Петр весьма красноречиво описывает его смерть:

Приобрел землю на деньги неправедные, и когда низринулся, расселось чрево его, и выпали все внутренности его; когда об этом узнали все жители Иерусалима, они назвали эту землю на своем языке Акелдама, то есть земля крови. (Деяния 1:18–19)

Исследователи Нового Завета долгое время пытались раскрыть загадку этого описания смерти Иуды. Удивительным представляется одновременно и сходство, и различие с описанием смерти Иуды у Матфея. В обоих случаях упоминается поле, которое называется «землей крови» в Иерусалиме. По Матфею, название ноля связано с тем, что Иуда получил от еврейских первосвященников «цену крови», которую он впоследствии вернул и бросил во дворе Храма. В версии Луки не упоминается о том, что Иуда вернул деньги. Напротив, он использует деньги («плату за неправедный поступок»), чтобы купить себе землю. И она называется «землей крови» не потому, что была куплена на деньги, заплаченные за пролитую кровь невинного (Иисуса), но потому, что на этой земле Иуда встретил кровавую смерть. Удивляет то, что это не смерть через повешение. Иуда низринулся, то есть упал вниз головой, у него вскрылся желудок и выпадали внутренности. Непонятна причина его падения: прыгнул ли он со скалы, споткнулся ли о камни? Или просто упал и разбился?

Некоторые из комментаторов пытались свести воедино два рассказа, im пример, утверждая, что Иуда повесился (в соответствии с Матфеем), но веревка порвалась (о чем нигде не упоминается). Он упал на землю (вниз головой?), и все его внутренности вытекли наружу (как и написано в Деяниях). Или же они утверждают, что Иуда повесился, но при этом не умер. Он выпал из петли, и потом у него произошел разрыв внутренних органов, приведший к кровавой смерти. Однако современные критически настроенные комментаторы полагают, что дело не в этом. Рассказы не соответствуют друг другу потому; что не только различаются повествования о смерти, но и по — разному решается вопрос о том, кто был владельцем земли (иудейские первосвященники?) и почему она была названа «землей крови» (потому что за нее было заплачено «ценой крови» или потому что на нее пролилась кровь Иуды?). Вот что происходит с повествованием в устной культуре. Традиционная история меняется в процессе многократпого пересказывания. Возможно, была какая-то взаимосвязь между смертью Иуды и полем горшечника в Иерусалиме. Однако при пересказе эта взаимосвязь была утрачена.

Иуда в Евангелии от Иоанна

Евангелие от Иоанна было написано примерно спустя десять лет после написания Евангелия от Луки и книги Деяния апостолов. Это последнее из вошедших в канон Евангелий, и уже давно не вызывает сомнений, что Иисус в нем описывается совсем иначе, чем в более ранних текстах от Матфея, Марка и Луки. Деятели раннего христианства называли текст от Иоанна «духовным Евангелием». Три ранних Евангелия похожи друг на друга настолько сильно, что они называются «синоптическими Евангелиями». Термин «синоптический» происходит от двух слов, которые буквально означают «совместно видящие». Первые три Евангелия получили такое название, потому что в них часто рассказываются одни и те же истории, с постоянным использованием одних и тех же слов. Тексты трех Евангелий можно читать параллельно, сравнивая предложения. Иоанн рассказывает совсем другие истории, и даже когда его истории совпадают с теми, что есть **в** других Евангелиях, он рассказывает их совершенно иначе и с использованием другой

лексики. Поэтому большинство исследователей придерживаются мнения о том, что Иоанн не использовал тексты Матфея, Марка и (или) Луки для создания своей книги. Скорее его повествование основывается на историях, которые существовали в устной традиции в течение шестидесяти лет до времени написания текста.[3]

Иной образ Иисуса в Евангелии от Иоанна послужил причиной возникновения и иного образа предателя — Иуды Искариота. Нет необходимости перечислять все различия, которые существуют между Евангелием от Иоанна и другими Евангелиями. Упомянем вкратце те из них, которые нужны для лучшего понимания образа Иуды.

Отличия Евангелия от Иоанна

Основное отличие четвертого Евангелия заключается в образе самого Иисуса. В ранних Евангелиях Иисус редко говорит о самом себе, о том, откуда он пришел и куда лежит его путь. В Евангелии от Иоанна он практически только об этом и говорит.

В этом Евангелии Иисус неоднократно говорит своим последователям, людям из толпы и даже своим врагам о том, что он тот, кто был послан Отцом Небесным, что вскоре он к нем) вернется и что всякий, кто в него верит, обретет вечную жизнь. Бесполезно искать следы подобного учения у Матфея, Марка и Луки. У Иоанна, напротив, эта тема проходит красной нитью из главы в главу.

Перенос внимания на личность самого Иисуса отражен в группе высказываний, которые встречаются только в Евангелии от Иоанна. Это предложения, в которых Иисус использует формулу «Я есть», чтобы описать самого себя: «Я есть хлеб небесный», «Я есть свет мира», «Я есть путь, истина и жизнь, никто не приходил от Отца помимо меня». В ряде случаев он просто говорит о себе формулой «Я есть» — на греческом это будет *ego егтг.* Комментаторы уже давно установили, насколько важным является данное высказывание, поскольку его можно соотнести с известным и чрезвычайно важным отрывком из Ветхого Завета. Когда законодатель Моисей говорил с Богом в третьей главе книги Исход, он спрашивает, как его имя. И Бог ответил, что его можно назвать «Я есть» (в греческом переводе еврейской Библии *ego егтг).*

В Евангелии от Иоанна Иисус сам присваивает себе это имя. Когда он ведет спор со своими еврейскими оппонентами, которые пытаются высмеять его слова о том, что он знал праотца евреев Авраама, Иисус отвечает: «Прежде чем Авраам был, я есть» (8:58). Тогда они осознают, что он заявляет о своем божественном статусе, что является святотатством, и начинают собирать камни, чтобы его ими побить.

В Евангелии от Иоанна Иисус, вне всякого сомнения, божественен. Он был ниспослан с небес и вернется на небеса. Как существо божественное, он знает обо всем, что видно из первых историй Евангелия, когда он узнает каждого из своих учеников и рассказывает им об их жизни, хотя никогда раньше с ними не встречался (1:47). Среди прочего Иисус прекрасно знал, что скоро умрет, и на протяжении многих страниц Евангелия говорит о своей смерти. Он знает о том, что это будет смерть через распятие, о чем упоминает в двойственном смысле, как о времени, когда он будет «вознесен» — вначале вознесен на крест, а потом вознесен к Отцу и в итоге спасен.

Поскольку его смерть в данном рассказе является частью божественного замысла, Иисус полагает, что никто не отнимает у пего его жизнь. Он сам говорит об этом следующими словами:

Отец любит меня потому, что я отдаю свою жизнь, чтобы опять принять ее. Никто не отнимает ее у меня, но я сам отдаю ее.

Я имею власть отдать ее и имею власть принять ее снова. Эту заповедь я получил от Отца моего. (10:17–18)

В Евангелии от Иоанна, как и в других текстах, у Иисуса есть враги. Но и здесь история содержит два уровня. На небесном уровне все происходит в соответствии с Божьим замыслом. Но на земном уровне есть враги Бога и его земного воплощения — Иисуса, которые плетут против него интриги и пытаются помешать его миссии. И прежде всего, как подчеркивается в Евангелии, врагами Иисуса являются представители его собственного народа — иудеи. Собственно, само слово «иудеи» теперь имеет негативный оттенок, несмотря на то, что Иисус и его последователи тоже были иудеями. Это «иудеи» противостоят Христу, восстают против Господа, замышляют гибель Иисуса и несут ответственность за его смерть.

И, поскольку они его враги, Иисус в этом Евангелии говорит гневные речи против иудеев. Это настолько ярко выражено, что многие современные комментаторы видят здесь проявление некоего изначального христианского антисемитизма. Подобную точку зрения легко понять: в данном Евангелии «иудеи» — Божьи враги и несут ответственность за убиение Христа. Мало того, Иисус указывает на то, что они не потомки Авраама, в отличие от детей Божьих. Они — дети сатаны, исполняющие волю своего отца, в то время как он, Иисус, представляет божественную волю.

Они ответили ему: «Наш отец Авраам». Иисус сказал им: «Если бы вы были дети Авраама, то делали бы дела Авраамовы. Но вы теперь ищете убить меня, человека, сказавшего вам истину, которую слышал от Бога. Авраам такого не делал. Вы делаете дела вашего [настоящего] отца… Ваш отец дьявол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был убийцей с самого начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины… Кто от Бога, тот слушает слова Божьи. Вы потому не слушаете, что вы не от Бога. (Иоанн 8:39–47)

На протяжении всего Евангелия Иисус — посланец Божий, отвергаемый собственным иудейским народом, который не от Бога, а от дьявола. Как указывается в начале Евангелия, «[Иисус] пришел к своим, но свои его не приняли» (1:11).

Даже из иескольких цитат становится понятно, что в Евангелии от Иоанна в большей степени, чем в других Евангелиях, происходит разделение людей в соответствии с их отношением к Христу. Есть только два вида людей, отражающих два вида реальности. С одной стороны есть Бог, с другой сатана; есть дети Божьи и есть дети дьявола; люди либо живут светлой жизнью, либо блгждают во тьме; они либо защищают истину, либо проповедуют ложные учения. Это четкое разделение видно в одном из отрывков в начале Евангелия:

Верующий в него [Христа] не судится, а неверующий уже осужден, потому что не уверовал во имя единородного сына Божия. Суд состоит в том, что свет пришел в мир; но люди больше возлюбили тьму, чем свет, потому что дела их были злы. Всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету… а поступающий по правде идет к свету. (3:18–21)

Образ Иуды в Евангелии от Иоанна

Иуда упоминается в Евангелии от Иоанна на восемь раз больше, чем в остальных Евангелиях, вместе взятых. Перечислим основные элементы рассказа о нем. Он один из двенадцати учеников, избранных Иисусом, принимает участие в Тайной вечере, прежде чем совершить акт предательства. Однако многое из того, что Иоанн говорит об Иуде, отражает разницу между содержанием этого Евангелия и остальных.

Собственно рассказ об избрании двенадцати апостолов в данном Евангелии отсутствует. Однако Иисус в одном месте упоминает об этом избрании, в связи с чем всплывает имя Иуды.

В шестой главе Евангелия от Иоанна Иисус сообщает непростую для восприятия истину о том, что для того, чтобы получить право на вечную жизнь, каждый должен испробовать его плоти и испить его крови **(6:53–54).** Этот образ является чрезвычайно отталкивающим для большинства его последователей, которые решают покинуть Иисуса. Иисус спрашивает у двенадцати апостолов, хотят ЛИ они тоже его покинуть, и Петр отвечает, что им некуда идти, поскольку «ты говоришь слова вечной жизни» (6:68). Тогда Иисус отвечает, вспоминая момент, в этом Евангелии не упоминавшийся: «Разве я не избрал вас двенадцать?» И затем говорит фразу, которая важна для нас: «Но один из вас дьявол». Автор текста уточняет: «Он говорил об Иуде, сыне Симона Искариота. И это был тот, один из двенадцати, кто должен был его предать» **(6:71).**

В данном случае Иуда называется «Искариот», потому что это его прозвище, которое он унаследовал от своего отца Симона. Но наиболее удивительно то, что Иисус уже в начале своей миссии (а не только во время Тайной вечери) знает, что он будет предан, и отлично знает, кто его предаст и что он «дьявол».

Оба отмеченных момента вполне соответствуют общей характеристике Иисуса в тексте Иоанна, когда Иисус знает обо всем заранее (в этом Евангелии он божественное создание и, разумеется, знает все). Это также сочетается с последовательным разделением всего на черное и белое. Вы или за Иисуса, или против него; вы пребываете или в истине, или во власти заблуждений; вы находитесь или в свете, или во мраке; вы либо от Бога, либо от дьявола. Иуда от дьявола. По сути он сам дьявол, однако не тот дьявол, о котором Иоанн впоследствии скажет, что он «вложил в сердце Иуды, сына Симона Искариота, предать его» (13:2). Итак, Иуда есть зло по сути своей. Он сын дьявола, как и иудеи, по мнению Иоанна. Иоанн не объясняет, почему Иисус избрал своего врага в числе последователей. Но читатель, видимо, должен предположить, что это соответствовало плану.

В следующий раз Иуда упоминается в отрывке, который мы уже обсуждали в связи с «синоптическими Евангелиями». Это рассказ об Иисусе, которого женщина помазывает дорогими благовониями. Однако в данном случае дело происходит не в Галилее, как в остальных Евангелиях, и не в доме фарисея по имени Симон, как в Евангелии от Луки. Женщина не остается неназванной. Вся ситуация разыгрывается в иудейской Вифании (регион южнее Галилеи), в доме друзей Иисуса — Марии, Марты и Лазаря. Сама Мария из Вифании и помазывает Иисуса этими дорогими маслами. И в данном случае это вызывает нарекания, но не просто со стороны «некоторых» из присутствующих, как было у Марка, и не со стороны учеников, как было у Матфея. У Иоанна это вызывает нарекания у самого Иуды Искариота: «Почему было не продать эти благовония за 300 динариев и не раздать [деньги] нищим?» (12:5) От автора текста мы, однако, узнаем, что Иуда вовсе не заботился о нуждах нищих. Он был хранителем денег апостолов и вором. Он любил опустошать коробку, в которой хранились деньги и которую все время носил при себе (12:6).

Созданный Иоанном образ Иуды — дьявола, сына сатаны, изначального противника Христа и вора — не кажется ли он вам чем-то знакомым? Он покажется знакомым каждому, кто знаком с антисемитскими обвинениями, выдвигавшимися против иудеев па протяжении всего Средневековья. Ростовщики и воры, они, направляемые сатаной, противостояли Христу и убили его. Исследователи также предполагают, что не случайно «убийца Христа» из раннехристианских текстов назван именем, этимологически соотносящимся со словом иудей: Иудой. В более позднее время Иуда станет прототипом всех иудеев.[4]

Как и в остальных Евангелиях, Иуда присутствует на Тайной вечере (глава 13), но в то время как в остальных Евангелиях Иисус предсказывает, что один из двенадцати предаст его, в Евангелии от Иоанна, где Иисус постоянно изображается обладающим детальным знанием будущего, он непосредственно сообщает одному из сидящих рядом с ним учеников, что этот поступок совершит Иуда (13:26). Сатана вселяется в Иуду, и Иисус говорит ему свои знаменитые слова: «То, что ты намерен сделать, делай быстрее» (13:27). Кажется странным,

учитывая слова Иисуса о грядущем предательстве, что никто из присутствующих не понимает, о чем он говорит. Ученики думают, что он велит Иуде отправиться ла провизией или раздать деньги бедным (13:29). Но читатель оснедомлен об истинном положении вещей: Иуда должен покинуть дом, чтобы совершить свое грязное дело. Следующий отрывок — один из наиболее лаконичных во всем Евангелии. «Он немедленно вышел. И была ночь».

И действительно, была ночь. Иуда уходит во мрак, потому что и данном Евангелии он — порождение мрака. И вскоре тьма обрушится на всех присутствующих, так как Иуда выполнит предписанную ему задачу и приведет врагов, которые арестуют его господина.

Сцена ареста изложена иначе, чем в других Евангелиях. Нет упоминания о предательском поцелуе. Иуда приходит в сад, в котором, как он знает, должен находиться Иисус. С ним отряд солдат и слуги первосвященников и фарисеев. У них в руках факелы, светильники и оружие. Иисус, «зная обо всем, что с ним случится» (18:4), спрашивает, кого они ищут. Они отвечают: «Иисуса из Назарета». Здесь происходит странная подмена, поскольку, очевидно, он и есть Иисус, и, если они ищут его под предводительством Иуды, то они должны об этом знать. Но то, что происходит потом, еще более странно. Иисус говорит: «Это я>>. И все они, включая Иуду, невольно отступают и падают на землю (18:5–6).

Если учесть основное содержание текста Евангелия от Иоанна, эта реакция уже не кажется странной. В греческом тексте Иисус отвечает: *«ego eimi»* («Я — есть»). Он произнес божественное имя и утвердил, что оно принадлежит ему. При имени Господа «преклонится всякое колено, Мною будет клясться всякий язык» (Ис. 45:23). Падение Иуды и солдат — естественная реакция на божественное, стоящее перед ними.

Иисус снова спрашивает, кого они ищут. Они снова отвечают. И в этот раз он позволяет себя арестовать. Теперь сюжет развивается дальше.

Итак, как и в случае с текстами Евангелий от Матфея, Марка, Луки и книги Деяния апостолов, основные представления автора Евангелия от Иоанна о Боге, Христе, божественном замысле и учениках предопределили его способ представления Иуды. Теперь Иуда — это дьявол — воришка, сын сатаны, о котором Иисус с самого начала знает, что он на стороне зла. Он тот, кто предает своего господина, но кто обречен даже в качестве врага падать ниц перед Иисусом. Впоследствии мы зададим вопрос о том, насколько данная версия соотносится с исторической истиной. Пока сделаем лишь заключение: когда ранние христиане рассказывали истории о последователях Иисуса и о его предателе, они рассказывали их в свете собственных представлений и на основе разработанной теологической базы.

Иуда в других евангельских традициях

Христиане, конечно же, не прекратили рассказывать истории об Иисусе и его предателе Иуде после того, как новозаветные Евангелия были созданы и стали распространяться. Истории рассказывались и иногда записывались. В нашем распоряжении не так много ранних историй об Иуде, как хотелось бы, но те, что есть, чрезвычайно интересны. Здесь я приведу наиболее интригующие.

Иуда в сочинениях Папия

Папий — христианский писатель начала II в., который утверждал, что знает о том, что говорил и делал Иисус, не только из книг, но и непосредственно из рассказов друзей учеников Иисуса. Собранную информацию он записал в пятитомном сочинении, известном под названием «Изложение изречений Господних». Поздние христиане почему-то решили не сохранять это произведение, и до нас не дошло ни одной копии. Однако у нас остались

цитаты из него в произведениях поздних Отцов Церкви. В двух из них говорится об Иуде Искариоте.[5]

В первой рассказывается, как Иисус утопически описывает грядущее Царство Божие, в котором люди станут наслаждаться земным изобилием. Описания этого изобилия настолько причудливы, что, как некоторые ученые предположили, именно из-за них поздние христиане могли не доверять Папию, предполагая, что он вдавался в крайности. Однако повествование показывает, что они были не первые, кто так думал. Иуда Искариот, похоже, тоже не мог поверить в то, что Иисус имел в виду именно то, что говорил. Полная цитата, взятая из книги Отца Церкви конца II в. Иринея, выглядит так:

Итак вышеприведенное благословение бесспорно относится к временам Царства, когда будут царствовать праведные, восстав из мертвых, когда и тварь обновленная и освобожденная будет плодоносить множество всяческой пищи от росы небесной и от тука земного. Так и пресвитеры, видевшие Иоанна, ученика Господня, сказывали, что они слышали от него, как Господь учил о тех временах и говорил:

«Придут дни, когда будут расти виноградные деревья, и на каждом будет по десяти тысяч лоз, на каждой лозе по 10 тысяч веток, на каждой ветке по 10 тысяч прутьев, на каждом пруте по 10 тысяч кистей и на каждой кисти по 10 тысяч ягодин и каждая выжатая Ягодина даст по двадцати пяти мер вина. И когда кто-либо из святых возьмется за кисть, то другая возопиет: «Я лучшая кисть, возьми меня; чрез меня благослови Господа». Подобным образом и зерно пшеничное родит 10 тысяч колосьев, и каждый колос будет иметь по 10 тысяч зерен, и каждое зерно даст по 10 фунтов чистой мутей; и прочие плодовые дерева, семена и травы будут производить в соответственной сему мере, и все животные, пользуясь пищею, получаемою от земли, будут мирны и согласны между собою и в совершенной покорности людям».

Об этом и Папий, ученик Иоанна и товарищ Поликарпа, муж древний, письменно свидетельствует в своей четвертой книге, ибо им составлено пять книг. Он прибавил следующее: «Это для верующих достойно веры. Когда же Иуда предатель не поверил сему и спросил, каким образом сотворится Господом такое изобилие произрастаний, то Господь сказал: это увидят те, которые достигнут тех (времён)».[6]

Имеется в виду, что Иуда предатель не будет среди тех, кто скажется в этом райском государстве.

Вторая цитата более непосредственно касается Иуды. Это рассказ о его смерти, в котором некоторые кровавые детали, присутствовавшие в книге Деяния апостолов, показаны с ужасающей наглядностью. Здесь Иуда не просто падает и распарывает себе внутренности, но умирает от того, что его тело вырастает до неимоверных размеров и просто «взрывается».

Но Иуда ходил в этом мире как огромный эталон нечестивости. Его тело так раздулось, что не могло пройти там, где проедет повозка, даже одна голова не прошла бы. Говорят, что его веки разбухли до такой степени, что он не мог видеть света, а врач не мог бы увидеть его глаза даже с помощью оптического приспособления, так глубоко они утонули в плоти. И его гениталии крупнее и отвратительнее, чем у кого бы то ни было. Просто для облегчения он, к ужасающему стыду, выпускал гнои и червей, плавающих по всему его телу.

И говорят, что после того, как он пережил множество мучений и наказаний, он умер на своей земле, и эта земля с того времени и до сегодняшнего дня пустынна и необитаема, потому что смердит. До сегодняшнего дня никто не может пройти мимо того места, не зажав носа: так силен был запах от его тела и так далеко он расходился.

Стоит ли говорить, что эта история не похожа ни на рассказ Матфея, ни на рассказ в книге Деяния апостолов. Папий прямо не говорит, но считает, что распухание Иуды было Божьим наказанием за грех предательства Иисуса. Во многих древних текстах говорится, что когда на человека падает божественное наказание, он раздувается от гноя и его едят черви,

еще до того, как его похоронят. Читатели Нового Завета знакомы с историей смерти нечестивого царя Ирода в 12–й главе книги Деяния апостолов, который «был изъеден червями и умер» (Деяния 12:23). Более красочный рассказ о смерти Ирода дан у еврейского историка I в. Иосифа Флавия, который сообщает, что в животе царя горел медленный огонь. Его мучили также внутренние нарывы, особенно же страшные боли в желудке; ноги его были наполнены водянистой, прозрачной жидкостью. Такая же болезнь постигла и низ живота, отчего его гениталии загнили и наполнились червями (Иосиф Флавий, «Иудейские древности», 17.6.5). Не очень-то приятные процессы.

Однако типичные для нечестивцев. Историк Церкви IV в. Евсевий говорит, что подобная участь ждала императора Галерия, который был виновен в «Великом гонении» на христиан, подвергавшихся пыткам и истязаниям. В конце концов Бог наказал его за нечестие:

Вдруг на тайных членах его появился нарыв, затем в глубине образовалась фистулообразная язва, от которой началось неисцелимое разъедание его внутренностей. Внутри кишели несметные черви, и невыносимый смрад шел от его тела. Еще до болезни стал он от обжорства грузным и ожиревшим; невыносимым и страшным зрелищем была эта разлагающаяся масса жира. (Евсевий, «Церковная история», 8. 16. 3–5)[7]

Врачи «не могли вынести это страшное и нестерпимое зловоние», и Галерий приказал их казнить. Естественно, он умер в мучениях.

Ирод и Галерий были не единственными. Похожая участь настигала и других, противодействовавших Богу и его замыслам.[8] Иуда возглавлял длинный список гнусных нечестивцев, которым, согласно дошедшим до нас произведениям древних авторов, было уготовано такое наказание.

Иуда в Евангелии от Никодима

Ис тории про Иуду рассказывали много веков подряд. Одна из моих любимых — история из книги, получившей название Евангелие от Никодима, также известной как Деяния (Понтия) Пилата. Это легендарное повествование о суде над Иисусом, его смерти и сошествии в ад, содержит много замечательных историй, ни одна мл которых, как полагают ученые, не является исторически достоверной; но все они крайне увлекательны и помогают понять, какие истории христиане рассказывали о Христе в первые века после сто смерти. Евангелие как письменный документ было составлено примерно в IV-V вв.

Возьмем для примера одну из историй в начале Евангелия, когда Иисуса приводят к Пилату для суда. В комнате находится несколько римских солдат, которые держат в руках флаги с изображением божественного кесаря. Однако как только Иисус входит в комнату, знаменосцы кланяются ему в пояс, так что изображения кесаря словно бы кланяются Иисусу вместе с ними. Лидеры иудейского народа, находящиеся в комнате, впадают в ярость и обвиняют знаменосцев за действия. Но знаменосцы настаивают, что они ни в чем не виноваты и флаги склонились по своей собственной воле.

Тогда Пилат приказывает иудейским лидерам найти двенадцать крепких мужчин из их народа, которые смогли бы держать флаги. Они подчиняются приказу, и Иисус покидает комнату, чтобы зайти в нее во второй раз. Но и на этот раз, как только он переступает порог, знаменосцы склоняются перед ним. Иудеи раздражены, однако читатель улавливает суть происходящего. Иисус, а не кесарь, — божественное существо, и «пред именем Иисуса каждое колено да преклонится… и всякий язык исповедует, что Христос и есть Господь» (Послание к филиппийцам 2:10–11).

История об Иуде содержится не в каждой рукописи Евангелия от Никодима. Как и остальные древние книги, это Евангелие дошло до нас в рукописных копиях, которые все

отличаются друг от друга Но в одной особенно интересной рукописи рассказывается, как после совершения предательства Иуда возвращается к себе домой, чтобы найти веревку и повеситься. Придя на кухню, он видит свою жену, жарящую петуха на вертеле. Он говорит, чтобы она нашла для него веревку, на которой он сможет повеситься. В растерянности она спрашивает у него, почему он так решил. Тогда он рассказывает ей о том, что передал своего учителя Иисуса в руки злодеев, которые его убьют, но что Иисус воскреснет на третий день, явившись в ответ на горестные моления. Жена Иуды советует ему меньше думать и говорить. Ведь точно так же, как и этот жареный петух не сможет больше издать ни звука, так и Иисус не сможет восстать из мертвых.

Но сразу после ее слов жарящийся на вертеле петух расправил крылья и трижды прокукарекал. На Иуду это произвело такое впечатление, что он нашел веревку и повесился.

Иуда в Арабском Евангелии детства

В истории ранней Церкви, начиная со II в., существовало несколько Евангелий, в которых содержались легендарные истории о детстве Иисуса. Их принято называть Евангелиями детства. Самое раннее из них, возможно, написанное в начале или в середине II в., называется Евангелие детства от Фомы. В нем рассказывается о проделках непослушного, но творящего чудеса Иисуса в возрасте от пяти до двенадцати лет. Немного позднее появилось другое Евангелие, в котором описываются события, произошедшие еще раньше. Оно называется Протое- ваигелием Иакова. Протоевангелие — потому, что там излагаются события, произошедшие задолго до новозаветных историй. По сути, текст посвящен рождению, юности и браку матери Иисуса Марии. Задача его — объяснить, почему именно она была выбрана в качестве драгоценного сосуда для вынашивания сына Божьего в этом мире.

Более поздние авторы Евангелий детства нередко использовали эти два ранних текста для построения собственного повествования. Они их расширяли, всячески комбинировали и видоизменяли в соответствии с тем, что слышали об Иисусе, или давали волю собственным фантазиям о том, что происходило в годы, предшествующие взрослой жизни Иисуса. Одно из таких поздних Евангелий, видимо, написанное в V или VI в., дошло до нас только в арабском переводе и поэтому называется Арабским Евангелием детства.

В Евангелие включена история встречи мальчика Иисуса и его врага, маленького Иуды. Эта история следует за эпизодом, в котором одна из женщин была освобождена от власти дракона, благодаря пеленке маленького Иисуса. Подобного рода историям посвящена почти вся книга. Но нас больше всего интересует история о том, как Иисус и Иуда играли вместе в Вифлееме. В этом Евангелии уже в юном возрасте Иуда часто оказывался во власти сатаны и кусал каждого, кто к нему приближался. Когда он не мог найти никого, кого можно укусить, он кусал собственные руки и ноги. Мать привела его Марии и Иисусу в надежде на исцеление.

Иисус сидел перед домом, а Иуда подошел и сел рядом с ним «по правую руку». Но именно в данный момент сатана вселился в Иуду и внушил ему желание загрызть Иисуса. Однако тот не может сделать этого, ведь в конечном счете Иисус — сын Божий. Поэтому Иуде удается только укусить его за правый бок и разрыдаться. Сатана тут же выскакивает из него, подобно бешеному псу. Однако автор сообщает нам о том, что в то самое место, которое укусил Иуда, потом «иудеи вонзили копье» (см. Иоанн 19:34).

Безусловно, эта история предвосхищает последующие события, и именно тем, как Иуда пытается причинить вред Иисусу. Первое, что бросается в глаза — это то, что Иуда снова представляет «иудеев», которые являются главными врагами Иисуса на этой земле. Я хотел бы уточнить, что в Евангелии от Иоанна не иудеи вонзают в Иисуса копье, а римский солдат.

Однако для автора Арабского Евангелия детства подобные детали ни к чему. Иудеи — враги, и Иуда — их представитель. Дети дьявола должны иричинять Христу вред.

Иуда в «Золотой легенде»

В Средние века намного большей популярностью пользовался сбориик историй об учениках Иисуса и христианских святых, носивший название «Золотая легенда». Его составил монах — доминиканец Иаков Ворагинский в 1265 г. До начала протестантской реформации для большинства людей эта книга была основным источником «знания» об истории Церкви в Средние века. Большинство рассказов посвящено мученикам за веру. Но в книге изложено также несколько легенд об Иуде Искариоте. Однако они очень сильно отличаются от тех, что мы обсуждали ранее. Дело в том, что эти истории частично основывались на античной легенде о царе Эдипе, которому было предсказано, что он убьет своего отца и женится на своей матери. Наиболее известное изложение классического сюжета об Эдипе — одноименная трагедия Софокла. Семнадцать столетий спустя эту историю стали рассказывать об Иуде, наиболее трагической фигуре христианской драмы.[10]

В соответствии с «Золотой легендой» Иуда родился от иудейской женщины Цибории, которая со своим мужем Рувимом проживала в Иерусалиме. Незадолго до рождения Иуды Цибория увидела страшный сон о том, что ее сын «принесет разрушение всему нашему народу». Чтобы не дать сну осуществиться, супруги решают вынести ребенка из дома и оставить умирать снаружи. Они кладут его в корзину и кидают в море. Но по воле (божественного) провидения ребенок выжил, и волны принесли корзину к острову Скариот. (Отсюда и произошло его имя Искариот.) Царица этих земель прогуливалась по берегу и увидела корзину. Она давно хотела ребенка, но, видимо, не могла его родить. И тогда она придумала план. Она возьмет ребенка себе, будет тайком вскармливать его, одновременно притворяясь, что беременна. И в подходящий момент объявит о том, что у нее есть ребенок. Так Иуда стал частью ее семьи.

Но как часто бывает, скоро она и в самом деле оказалась беременной. Она рожает сына, и два мальчика растут вместе. Однако Иуда завидует своему младшему «брату» и постоянно измывается над ним. Когда он узнает, что не является родным сыном царицы и наследником трона, он убивает своего брата и спасается бегством. И в соответствии с (божественным) предопределением, в итоге он прибывает в Иерусалим. Каким-то образом ему удается встретить и обратить на себя внимание местного римского властителя Нонтия Пилата, который назначает его главным распорядителем.

Однажды Пилат смотрел на сад своего соседа, который оказался — кто бы мог подумать! — родным отцом Иуды, Рувимом, и увидел, что там росло несколько восхитительных яблок. Он захотел их попробовать и послал Иуду их украсть. Но, к удивлению Иуды, появился Рувим, и в завязавшейся потасовке Иуда убил старика. За верное поведение Пилат подарил Иуде все владения Рувима, в том числе и его жену, Циборию. Теперь Иуда спал, сам того не ведая, со своей матерью.

Но однажды Цибория, которую мучил грех, который они с первым мужем совершили много лет назад, раскрывает Иуде душу и рассказывает, как они с мужем пустили ребенка по водам в корзине. Иуда, который от приемной матери знал свою подлинную историю, сопоставил факты и понял, что случилось. Он совершил отцеубийство и инцест.

Угнетенный чувством вины от совершенного греха, Иуда обращается к Иисусу за прощением. Христос принимает его как одного из своих учеников и доверяет ему общую казну. Но дурная сторона Иуды не может так просто его покинуть. Он регулярно грабит казну, забирая одну десятую на свои нужды. Потом он возмущается, когда неизвестная женщина помазывает Иисуса, тратя просто так триста монет на помазание.

Эти триста монет Иуда никогда не увидит. В качестве мести он соглашается предать Иисуса первосвященникам за тридцать монет — ту сумму, которая, как он считал, была его долей в потерянных деньгах. Затем он почувствовал угрызения совести, пошел и повесился, разорвавшись посередине (другими словами, история повторяет и Евангелие от Матфея, и Деяния апостолов: Иуда повесился, и чрево его разверзлось).

Иаков Ворагинский подчеркивает важность того, что Иуда умирает и внутренности вываливаются у него из живота, ведь он не мог при смерти исторгнуть из себя что-то через рот, которым он дотрагивался до прекрасных губ Христа. И очень уместно то, что у него вывалились наружу внутренности, потому что идея предательства проникла внутрь него, то есть в его внутренности. Более того, правильно, что веревка повредила ему горло, ведь именно горлом он произносил слова предательства. Иаков Ворагинский тем самым увидел божественное предначертание судьбы Иуды в самом способе его смерти. Ему не надо было объяснять того, что и так было очевидно для средневекового читателя: Иуда был испорченным до мозга костей братоубийцей, отцеубийцей, негодяем, совершившим инцест, и убийцей Христа. Христианскому читателю должен был быть понятен и подтекст: это Иуда, прототип еврея.[11]

Иуда в сочинениях Отцов Церкви

У средневековых читателей Иуда прочно ассоциировался с «иудеями», потому что христианские писатели и ученые создавали эту ассоциацию в течение несколько веков до того, как Иаков Ворагинский написал свой труд. Я не буду подробно исследовать эту тему у ранних христианских писателей, просто приведу несколько примеров текстов IV и V вв. христианской эры — незадолго до появления Евангелия от Никодима и Арабского Евангелия детства.

Первым из Отцов Церкви я упомяну св. Иеронима (345–420 н. э.), одного из величайших интеллектуалов первых веков христианства, а также автора (по крайней мере части) Вульгаты — латинского перевода Библии, которым церковь пользовалась на протяжении всего Средневековья. В одном из сочинений, обсуждая отрывок из псалма, в котором говорилось: «Отверзлись на меня уста нечестивые и уста коварные, говорят со мною языком лживым», Иероним указывает, что это не просто плач псалмопевца, которого оклеветали враги. Это пророческий текст, который относится к Христу. На одном уровне это текст про конкретные уста — уста Иуды, которые дали Иисусу предательский поцелуй. Однако на другом уровне в этом отрывке имеются в виду «иудеи», потому что «в то же время они кричали «распни его, распни», так что их уста отверзлись как проход для порицания Господа».[12]

Похожую связь между предательским поцелуем Иуды и злодейским «поцелуем» иудеев можно найти и у младшего современника Иеронима Амвросия Медиоланского: [Иуда] поцеловал Господа… в губы, поцелуем еврейского народа, и потому сказано: «Эти люди почитают меня губами, однако их сердце далеко от меня».[13]

То же самое говорил и знаменитый проповедник и епископ Константинопольский Иоанн, который был так красноречив, что даже заслужил прозвище Златоуст. Как многие другие пропоиедники и до, и после него, он осуждал Иуду за жадность, которая привела его к предательству Иисуса, и предостерегал своих слушателей от греха стяжательства.

Слушайте, вы, корыстолюбцы, смотрите, что выпало на его долю: как он одновременно потерял деньги, совершил грех и загубил собственную душу. Вот что такое власть жадности. Он не смог ни насладиться деньгами, ни настоящей жизнью, ни тем, что придет позже, но потерял все разом и, не поладив даже с темп самыми людьми, пошел и повесился.[14]

Однако, как видно из других сочинений Златоуста, грех Иуды — это грех евреев: «Должен ли я рассказывать вам об их грабительстве, их стяжательстве, о том, как они

обижают бедных, как крадут и какую нечестную ведут торговлю? Целого дня не хватит, чтобы рассказать об этом».[15]

В заключительном отрывке Златоуст рассматривает отрывок из книги Деяния апостолов, в котором внутренности Иуды изливаются на купленную им землю, которую после этого стали называть кровавой. Согласно Златоусту, это название означает то, что должно случиться с евреями; потому что о них можно сказать то, что было сказано об Иуде: «Лучше бы тому человеку не родиться». Согласно Златоусту:

Можно отнести это и к евреям, потому если тот, кто был причиной, претерпел это, то они в еще большей степени.

Более того, когда в Деяниях апостолов к Иуде относят слова «да будет дом его пуст», это в большей степени относится к евреям, чей город Иерусалим был разрушен римлянами в 70 г. н. э., после долгой и ужасной осады, из-за того, что евреи не были верны Богу:

Опустошение [Иуды] предварило то, что случилось с евреями, если внимательно рассмотреть факты. Потому что они и вправду заморили себя голодом, и многие были убиты, и город стал местом погребения чужестранцев, солдат.[16]

Не все Отцы Церкви, которые писали об Иуде, были склонны связывать его поступки и его судьбу с поступками и судьбой евреев. Есть несколько случаев, когда авторы писали с совершенно другими целями: например, просто расширяли новозаветные истории о Христе анекдотичными легендами, которые потом рассказывались десятилетиями, а может быть, и веками. Один из особо замечательных примеров — сочинение Феофилакта, комментатора Библии, который жил около 1200 г. н. э. Согласно его версии, Иуда полагал, что предательство Иисуса позволит ему заработать денег, но не причинит реального вреда Иисусу. В конце концов, Иисус — сын Божий, и никто до этого не мог поднять на него руку. Обуянный чувством вины, Иуда, увидев, что Иисус действительно был осужден, решил себя убить, чтобы «попасть на небеса раньше Иисуса и таким образом вымолить и получить спасение». Но, когда он пытался повеситься, «дерево нагнулось, и он остался жив, потому что была Божья воля, чтобы он продолжал испытывать раскаяние и стал предметом публичного порицания и позора». Он умер позже. У него развилась водянка, и он раздулся и стал таким огромным, что не мог передвигаться по улице, и это привело к том); что он лопнул. [17]

Заключение: Иуда как «лакмусовая бумага»

Я надеюсь, что из того, что я сказал в этой главе и в предыдущей, ясно, что я не считаю, что эти различные рассказы об Иуде, составленные в ранний и средневековый периоды церковной истории, являются беспристрастными, объективно правдоподобными описаниями того, кем он на самом деле был, что сделал и что пережил. Мой тезис ровно противоположный: способы, которыми различные рассказчики оформляли свои истории про Иуду, и подробности, которые они рассказывали про него, непосредственно относятся к их воззрениям, касающимся Бога, Христа, значения смерти, путей спасения, того, как жить в этом мире, евреев и их отрицания Иисуса, и так далее. Все, рассказывавшие свои истории об Иуде, делали это в свете своих прочих интересов, перспектив, теологических воззрений, своих прочих симпатий и антипатий.

Эти авторы не только выстраивают свои повествования о личности Иуды, которые бы удачно сочетались с их изначальным представлением о нем и о других деталях сюжета. В рассказах об Иуде авторы получали возможность высказать важную для них точку зрения обо всем, что не только касалось его, но и было как- то косвенно с ним связано (а иногда и не было с ним связано вовсе). В определенном смысле эти рассказчики и авторы думали вслух. Они оформляли свои представления о Боге, Христе и мире в рассказы, наглядно иллюстрировавшие эти представления, которые в свою очередь влияли на высказываемое мнение, а иногда становились источником возникновения ряда представлений. Для этих

рассказчиков Иуда был одним из многочисленных персонажей из жизни Иисуса, через образ которого они могли «размышлять».

Так же поступил и другой автор, хотя его мысли сильно отличались от мнений, упомянутых нами раньше. Этот автор создал Евангелие, рассказывающее об Иуде и его отношениях с Христом, которое может показаться очень странным современному читателю, намного более странным, чем все, что мы обсуждали ранее. Но отчасти эту странность можно объяснить исторически. Ведь это Евангелие не переписывалось многократно на протяжении веков, а излагающиеся в нем представления были объявлены нехристианскими, опасными и еретическими. В итоге Евангелие было утрачено примерно в конце IV в. Но вот оно появилось снова и представляет нам интересную альтернативу видения образа Иуды. Все представления, которые мы рассматривали ранее, какими бы разными они ни были, сходились в одном пункте: Иуда был предателем Христа, его смертельным врагом, упорным противником Божьего промысла. В найденном Евангелии история выглядит совсем иначе. В Евангелии от Иуды Иуда — самый близкий ученик Христа, единственный, кто понял смысл его учения и выполнил его волю. Не нужно объяснять, насколько это представление революционно. Обнаружение этого Евангелия отмечает поворотный момент в истории отношения христиан к личности Иуды.

Главав 4. До открытия: что мы знали о Евангелии от Иуды

Тридцать лет тому назад большинство читающей публики не знало, что мы располагаем многочисленными Евангелиями первых веков христианства, не вошедшими в Новый Завет. Ситуация начала меняться после издания книги Эллен Пейджелс «Гностические Евангелия», быстро ставшей популярной среди широкого круга читателей.[1] И все-таки даже книга Пейджелс не достигла среднего читателя. В основном она предназначалась для высокообразованных читателей, интересующихся историей раннего христианства.

Ситуация изменилась после публикации современного мистического триллера, благодаря которому миллионы людей узнали о существовании других Евангелий и возможности открыть в них тайную информацию об Иисусе. Дэн Браун опубликовал «Код да Винчи» в 2003 г. Книга находилась на первом месте или приближалась к нему в списке бестселлеров от «Нью — Йорк таймс» в течение трех последующих лет. Хотя в самой книге рассказывается о загадочном убийстве сотрудника Лувра в Париже, а вовсе не о раннем христианстве как таковом, вопрос об утерянных Евангелиях поднимается неоднократно. По сюжету, сотрудник был убит, потому что знал правду об Иисусе, обнаруженную им в давно утраченных текстах. Правда заключалась в том, что Иисус был женат на Марии Магдалине и у них был ребенок. В романе «Код да Винчи» утверждалось, что эти детали священной истории были отражены примерно в восьмидесяти Евангелиях, которые входили в Новый Завет, но в IV в. были исключены из него римским императором Константином, который принимал решение о том, какие книги войдут в Священное Писание.

Несмотря на утверждение Дэна Брауна о том, что «описание документов… произведено со всей тщательностью», практически все, что он говорит о не вошедших в Новый Завет Евангелиях, является неверным. Мы не знаем, существовали ли на свете восемьдссят Евангелий. В тех из них, которые уцелели, нигде не упоминается о браке Иисуса **с** Марией Магдалиной, и Константин никогда не принимал решения о том, какие книги войдут в Новый Завет.[2] Тем не менее утверждение о существовании Евангелий, не вошедших в Священное Писание, стало одним из «сенсационных открытий» романа «Код да Винчи», очаровавшим миллионы читателей.

Верно, что другие Евангелия отражают Иисуса в свете, отличном от новозаветной трактовки. И некоторые из этих Евангелий были частично найдены уже в наше время при археологических раскопках. Ничто из этого, разумеется, не является новостью для исследователей раннего христианства, но представляется весьма будоражащей информацией для среднего читателя.

Мы не знаем, сколько Евангелий было написано в первые века христианства. Можно предположить, что Евангелий было много. Из тех, которые уцелели, самые ранние — Евангелия Нового Завета, от Матфея, Марка, Луки и Иоанна. Все они датируются первым веком, написаны примерно через 35–65 лет после смерти Иисуса. Были Евангелия, написанные еще раньше, но они не уцелели. Один из авторов Нового Завета, Лука, упоминает от том, что «многие» его предшественники писали истории о жизни Иисуса (Лука 1:1–4). К сожалению, до нас дошел только один из документов подобного рода, Евангелие от Марка, которое Лука использовал в качестве источника.

Другие христианские Евангелия писались на протяжении II в. Некоторые из них упоминаются Отцами Церкви, которые находили изложенный в тексте материал предосудительным. До сих пор время от времени мы находим эти Евангелия — или при археологических раскопках, или по чистой случайности. Так, например, в 1886 г. группа французских археологов производила раскопки кладбища, находившегося неподалеку от египетского города Ахмим. Археологи обнаружили могилу монаха, который в **VIII** в. был захоронен вместе с книгой. Книга содержит четыре фрагментарных текста, написанных по — гречески на папирусе. **Один** из этих текстов — это Евангелие, причем повествование ведется от первого лица, от имени апостола Симона Петра. Еще до этой находки исследователи знали о существовании Евангелия от Петра. Это Евангелие упоминалось Отцом Церкви Евсевием, который жил в IV в. Он говорит, что текст был объявлен еретическим, поскольку в нем Христос изображается как божественное существо, в котором не было ничего человеческого. Действительно, некоторые отрывки из найденных в Ахмиме фрагментов Евангелия могут создать подобного рода представления об Иисусе. В данном случае историческое свидетельство о Евангелии соответствовало содержанию обнаруженного текста.

В других случаях обнаруженные Евангелия не соответствовали по своему содержанию историческим свидетельствам о них. В таких случаях мы должны предположить, что либо Отец Церкви, упоминающий о тексте, не имеет представлений о том, о чем говорит, либо что под одним и тем же (или схожим) названием фигурировало сразу два Евангелия. Так, например, известный в IV в. преследователь еретиков Епифаний написал книгу из восьми глав, в которой он обличал христианских еретиков и используемое ими Евангелие. По ходу обсуждения он упоминает и Евангелие о Марии Магдалине, содержание которого представляется более чем странным. В данном рассказе, по словам Епифания, Иисус взял Марию с собой на вершину горы и потом в ее присутствии изъял из своего ребра женщину (точно так же, как Ева произошла от Адама) и осуществил с ней половой акт. Когда он достиг оргазма, он вышел из женщины и съел собственное семя, сказав при этом Марии: так нужно делать, чтобы мы могли жить. Мария, как и следовало ожидать, была ошеломлена.

Епифаний называет эту книгу «Великие вопросы Марии». Было бы более чем превосходно, если бы это Евангелие было обнаружено. Однако до сих пор мы не обладаем свидетельствами о его существовании за исключением свидетельства самого Епифания. Было обнаружено другое Евангелие от Марии, которое сильно отличается по содержанию. Эта книга была найдена в Египте в 1896 г. и перевезена в Берлин, где по стечению весьма неблагоприятных обстоятельств, в том числе и двух мировых войн, пребывала в забвении вплоть до публикации в 1955 г. В этом тексте нет ничего аморального. Это откровения, ниспосланные Иисусом Марии Магдалине после его воскресения, в котором объясняется, как душа человека может вознестись из низшего материального мира через небеса к самому Богу. В данном случае древние свидетельства («Вопросы Марии» Епифания) и современная находка (Евангелие от Марии) не соответствуют друг другу по содержанию, и мы, очевидно, говорим о двух разных Евангелиях.[3]

Есть также Евангелия, которые были обнаружены в наши дни и о которых мы ничего до этого не знали. Так обстоит дело с одной из наиболее знаменитых археологических находок ранних христианских текстов. Это собрание документов, которое нашли в 1945 г. египетские

крестьяне, искавшие минеральные удобрения неподалеку от селения Наг — Хаммади. Находка представляла собой глиняный сосуд, внутри которого было запечатаны 13 книг, содержавших 52 различных текста. Все эти книги были созданы в IV в., как выяснили потом исследователи, на некоторых из них была кожаная обложка, прикрепленная к переплету при помощи полос грубой бумаги, на которых были написаны сведения о содержимом. Некоторые из документов этого собрания были известны и до этого, как, например, фрагменты из сочинения Платона «Республика», но большинство текстов были совершенно неизвестны вплоть до момента обнаружения, в том числе Евангелия, приписываемые Иуде Фоме и Филиппу, а также текст, названный Евангелием Истины.[4]

При обнаружении нового Евангелия необходимо выяснить, упоминалось ли оно первыми Отцами Церкви. Если оно имеет то же название, что и текст, упоминаемый Отцом Церкви, необходимо понять, соответствует ли содержание Евангелия описанию. Если содержания совпадают, тогда, очевидно, речь идет об одном и том же документе. Если содержание не совпадает с описанием, то либо Отец Церкви знал о существовании исторического документа, но не знал его содержания (и поэтому дал неверное описание), либо просто был обнаружен другой документ с тем же названием.[5] Теперь мы можем подойти к вопросу Евангелия от Иуды. В данном случае нам повезло, поскольку мы обладаем свидетельствами о существовании подобного рода Евангелия в книгах раннего Отца Церкви Иринея. Ириней примерно в 180 г. н. э. написал пятитомный труд, в котором он обличал христианских еретиков. Если его описание соответствует содержанию недавно обнаруженного Евангелия, то перед нами, безусловно, очень древнее Евангелие, которое было написано не позднее середины II в., до того, как Ириней создал свою книгу.

Ириней Лионский и его миссия

Чтобы лучше понять высказывания Иринея о Евангелии от Иуды, нужно узнать больше о личности самого Иринея и о книге, в которой он нападал на «еретические» группы христиан, которых он воспринимал как врагов веры.

Ириней был епископом в Лионе, в Галлии (в современной Франции). Он жил в эпоху, когда служители Церкви подвергались серьезным гонениям со стороны язычников и местных представителей римской власти. В то же время сама Церковь страдала от внутренних раздоров и противоречий. О преследовании христиан на галльских землях мы знаем не столько от самого Иринея, сколько от других авторов, писавших в то же время. В частности, в нашем распоряжении есть письмо, написанное членами общины Иринея представителям другой общины. В письме описываются страшные преследования 177 г. н. э., когда императором в Риме был Марк Аврелий. Это письмо дошло до нас в сочинениях историка Церкви Евсевия, который жил на 150 лет позже. Он приводит копию письма, в котором лионские христиане пишут, как толпа обратилась против них, когда они попытались принять участие в жизни общины, и в итоге над ними учинили физическую расправу. Вмешались представители римской власти. Но не ради защиты христиан, а чтобы заставить их отказаться от веры в Христа и стать служителями государственного культа.

В письме в деталях описываются пытки, которые мог претерпеть христианин, арестованный из-за своих религиозных убеждений. Их сажали в тюрьмы, морили голодом, заковывали в кандалы, бросали на растерзание диким зверям, поджаривали заживо на железных сиденьях над пылающим огнем, пытали на дыбе и так далее. Большинство из них умирали либо в тюрьме, либо на арене во время публичных зрелищ, куда толпы язычников приходили посмотреть и насладиться унижением, пытками и расчленением этих непокорных христиан, которых бы отпустили, если бы они просто — напросто отказались от своей веры.[6]

Некоторые христиане под пытками отреклись от своей веры, другие умерли, в том числе и несколько церковных лидеров. Однако другие христиане по невыясненным причинам избежали арестов, пыток и расправы. Ириней, как видно, принадлежал к последней группе. Очевидно, те, кто пережил гонения, как пострадавшие, так и уцелевшие, воспринимали свой

религиозный выбор с предельной серьезностью. Это был выбор, достойный того, чтобы за него страдать и умереть.

Ириней более чем серьезен. Однако его дошедшие до нас сочинения не направлены на то, чтобы убедить христиан оставаться верными своим убеждениям перед лицом государства. Его в первую очередь интересовало внутреннее здоровье Церкви, потому что внутри христианской общины происходили массовые расколы. Как описывал Ириней, в нее просочилось большое количество учителей — еретиков, которые проповедовал и христианское вероучение, которое Ириней и другие считали совершенно лживым, вдохновленным дьяволом и смертельно опасным — не менее опасным, чем пыточные инструменты, применяемые властями. Если кому-то предстоит умереть за свою веру, ему надо знать, что она собой представляет, а не умирать за ее еретическую или ложную версию.

Особенно беспокоило Иринея увеличение числа христиан- гностиков. Он считал, что гностики проповедуют ложное Евангелие и сеют сорняки среди чистой пшеницы людей, верных Господу. Этих еретиков надо искоренить и уничтожить — не пытками и расправами, но доводами и обличениями. Потому что Церковь должна быть чиста, она должна заключать в себе только истинное учение о Христе и его апостолах. Поэтому Ириней написал большое произведение, в котором он нападал на еретиков — гностиков, детально излагая их мерзкие взгляды, описывая их опасные сочинения, критикуя их еретические воззрения, обличая их нечестивых учителей — и вообще стараясь составить произведение так, чтобы читатели узнали «правду» о христианской вере, которую они, как они считали, исповедовали.

Кем же были эти гностики, которых Ириней считал настолько опасными для целостности и задач христианской Церкви? Этот вопрос важен для нашего дальнейшего исследования, потому что Ириней пишет, что Евангелие от Иуды — это гностическое сочинение, написанное для того, чтобы проповедовать лживое мировоззрение от имени предателя Иисуса, Иуды Искариота.

Гностики

Многие века ученые знали о гностиках только то, что говорил о них Ириней в своей пятитомной работе «Против ересей», полное название которой — «Обличение и опровержение лжеименного знания». Другие Отцы Церкви, как Епифаний, живший в IV в. и имевший весьма буйное воображение, тоже нападали на гностиков, однако многие из их воззрений восходили к Иринею.

Современные ученые узнали гораздо больше о гностицизме из других источников, например тексты библиотеки Наг — Хамма- являвшееся исключительно духом, не имевшее никакой материальной оболочки. В прошлом самой вечности это божественное существо произвело из себя на свет другие божественные существа, которые персонифицировали его божественные атрибуты. Он был вечен. И вот Вечность появилась на свет как отдельная божественная сущность. Он думал (о самом себе). И вот его Мысль появилась как отдельная сущность. Он был живым. И возникла Жизнь. Он был весь свет, в котором нету тьмы, и Свет возник. Он был мудр, и Мудрость стала божественным существом. Некоторые из этих отдельных божественных существ, объединившись в пары, создавали другие божественные существа. В итоге небесная реальность оказалась заполнена божественными существами, которые часто называют «зонами». Вместе зоны образуют единый божественный мир, называемый Плерома, что буквально означает «полнота».

Все это происходило до того, как возникла какая-либо из вселенных. Существовала только божественная реальность. Однако впоследствии случилась катастрофа космического масштаба: по неизвестной причине один из эонов выпал из границ божественной реальности, что привело к созданию другого типа божественных существ, которые уже создавались не внутри Плеромы, а вне ее. Это случайно возникшее несовершенное существо называется разными именами. Наиболее часто — Ялдабаоф, что может быть соотнесено с именем Бога в

Ветхом Завете, Яхве, Господином субботы. Это божественное несовершенство по сути и есть созидающий Бог евреев, который в невежестве своем провозгласил «Я есть Бог, и нет никого, кроме меня». Он просто — напросто не знал о том, что существуют другие боги, во много раз превосходящие его по мудрости и силе. Они существовали там, где он никогда не был — в божественном мире Плеромы.

Ялдабаоф в свою очередь создал других несовершенных небесных существ. И вместе они стали производителями материального мира, который они сделали местом заточения эона, выпавшего из Плеромы (иногда называемого Софией — греческим словом, обозначающим «мудрость»). Человеческие тела были созданы, чтобы стать вместилищем искр божественного существа, Софии.

Это и приводит нас к теперешнему положению вещей. Почему в этом мире столько бед, страданий и иечали? Потому что это отнюдь не удачное творение наивысшего и подлинного Бога. Это искаженное творение низшего невежественного и (порой) злобного божества. Поэтому целью спасения является не созидание рая на земле, который бы стал Царством Божьим в этой реальности. Цель — это позволить божественным искрам, существующим внутри людей, вырваться из материального мира и, объединившись, вернуться в тот мир, откуда они произошли.

Но как это может произойти? Только тогда, когда те из нас, кто обладает божественными искрами, узнает правду о том, кто мы есть, откуда произошли, как мы попали сюда и как мы можем вернуться. Это сохраненное знание и есть, говоря иными словами, самосознание. Мы не можем достичь этого знания естественным путем, например, наблюдая за тем, что происходит в этом мире, и стараясь его понять. Этот материальный мир есть творение низшего божества, и ничто в нем не может указать нам на средства для спасения из него. Нет, знание о спасении может прийти только свыше, извне. Божественное существо, эон из Плеромы, спустится, чтобы поведать нам о том, что нам необходимо знать.

Но как эон может спуститься в материальный мир, не становясь материальным? Гностики по — разному решали данную проблему. Те гностики, которые были христианами, настаивали на том, что Христос и был тем самым эоном. У них было два основных подхода к разрешению вопроса о том, как Иисус мог приоткрыть истину о спасении, не будучи сам вовлечен в материальность. В соответствии с одним из подходов, Христос пришел в этот мир в «видимости» человеческой плоти, то есть Христос был призраком, который лишь казался реальным человеком. Он был абсолютным духом и только казался человеком. В соответствии с другим подходом, превалирующим в гностических текстах, Христос был эоном, который временно пребывал в теле человека по имени Иисус. В таком случае Иисус был человеческой оболочкой, позволившей Христу через себя как медиума передать истину своим последователям. Когда оболочка была уничтожена, а может быть и ранее, Христос был освобожден, чтобы вернуться в Плерому, откуда он пришел.

Ириней Лионский и гностики

Теперь становится понятным, почему Ириней считал гностические воззрения опасными. Гностики утверждали, что обладают «истинным» знанием о Боге, мире, Христе и спасении. Но их слова коренным образом противоречили христианским представлениям Иринея и подобных ему, тех христиан, которые и создали «ортодоксальный» вариант веры. Для Иринея был только один Бог. С точки зрения гностиков, было множество божественных существ. Для Иринея один Бог создал этот мир. С точки зрения гностиков, мир был создан низшим и, может быть, даже злобным божеством. Для Иринея Господь этого мира и есть Бог — Отец Иисуса. С точки зрения гностиков, господь этого мира — враг Иисуса. Для Иринея мир изначально благ (даже если и был испорчен первородным грехом). С точки зрения гностиков, мир — это место зла, ловушка. Для Иринея Христос был и человеком, и божеством в одно и то же время, воплощенное божественное существо, которое целиком и полностью стало человеком. С точки зрения гностиков, Христос был божественным эоном, который либо

лишь казался человеком, либо временно вселился в смертную плоть человека Иисуса. Для Иринея спасение приходит через веру в факт смерти и телесного воскресения Иисуса. Для гностиков спасение приходит через знание тайных истин о Христе, которое он проповедовал, чтобы спасти нас из телесного мира.

Мне хотелось бы подчеркнуть, что эти истины отнюдь не были для всех доступны. Только те, кто действительно обладал искрой божественного, могли получить знание. Остальные, те, кто не обладал этой искрой, принадлежали богу сего мира, создателю всех событий, страданий, несчастий этого существования. Эти другие не могли узнать истину, потому что они не пришли извне. По этой причине было сложно спорить с гностиками. Если вы обвиняли их в неправоте, они лишь указывали на то, что вы не можете «знать». Если отрывки из Священного Писания интерпретировались иначе, гностики убеждали, что отрывок был неправильно понят. Если гностиков обвиняли в том, что их интерпретация извращает изначальный смысл текста, они лишь указывали на то, что реальный смысл находится между строк и предназначен для тех глаз, которые смогут его увидеть.

Возможно, что ярость в результате подобных споров с гностиками и привела Иринея к созданию гневного обличительного труда в пяти томах, называемого «Против ересей». Ириней пишет не для гностиков, а для не относящихся к гностикам христиан, чтобы предостеречь их против гностицизма и позволить им удержать «истинную» веру, то есть веру, которую Ириней полагал таковой. Ириней нападает на гностиков немного нелепо, понося их на чем свет стоит. Ириней в деталях описывает гностические мифы прежде всего для того, чтобы показать, насколько абсурдно сложными они являются, в отличие от истинного Евангелия, которое представляется ему весьма простым. Некоторые из современных исследователей полагают, что на самом деле Ириней либо неверно описал, либо не понял гностиков, если судить по его описаниям мифов.[9] Скорее всего, вовсе не предполагалось, что эти мифы содержат истину о том, что произошло в прошлом. Они не претендовали на историческую точность в описании создания этого мира. Они были именно мифами — историями, приоткрывающими гностический способ постижения истины мира и нашего отношения к этому. Никто не будет рассматривать метафизическую поэму, выискивая в ней неточности из-за того, что используемые в ней образы и метафоры не имеют буквально воспринимаемого смысла. Никто не будет обвинять метеорологов во лжи, когда они объявляют о восходе солнца в 6.34 утра, а мы все знаем, что это вовсе не солнце восходит, а вращается Земля.

Ириней и его последователи рассматривали гностические мистические и мифологические тексты как содержащие противоречивые утверждения, а потому заслуживающие издевки. Но это вовсе не казалось смешным гностикам, которые видели в мифах верные высказывания о той реальности, в которой они жили каждый день, в этом материальном мире, который необходимо было преодолеть, чтобы обрести истинный мир и покой.

Был еще один фактор, который Ириней проигнорировал, и этот фактор касался выстраиваемых в гностическом мире этических отношений друг к другу. Ириней знал, что гностики находились в оппозиции к материальному миру, и потому полагал, что, с их точки зрения, в итоге все телесное должно быть преодолено ради спасения. Иными словами, телесное не играло существенной роли. Из этого Ириней сделал вывод, что раз гностики не придавали значения телесному, не имело особого значения то, что они со своими телами делали. В своих обвинениях Ириней указывал на аморальный распутный образ жизни гностиков, наиболее явно выражавшийся в их способах богослужения, во время которого они предавались оргиям.

Находка собрания текстов в Наг — Хаммади показала, что это представление, каким бы обоснованным оно ни казалось Иринею, полностью искажало реальное положение вещей. Как раз по причине того, что гностики не признавали за телом особой ценности, они

полагали, что человек не должен быть порабощен импульсами и желаниями тела. Гностики не только не распутничали, а вели крайне аскетичную жизнь, призывая своих последователей не поддаваться желаниям плоти, поститься, воздерживаться от обильных трапез, выпивки и даже от сексуальных отношений. Телесные удовольствия привязывают человека к телу, а в гностическом представлении людям необходимо было вырваться из-под власти телесного.

Ириней Лионский, каиниты и Евангелие от Иуды

Не в каждом гностическом тексте можно найти упоминания о гностических мифах, точно так же, как не все современные писатели — марксисты будут полностью воспроизводить «Манифест коммунистической партии». В большинстве гностических текстов мифологическая составляющая религии подразумевается; а речь идет о совершенно других вещах. По этой причине некоторые исследователи, как мне представляется, весьма ошибочно полагают, что такие тексты, как Евангелие от Фомы, обнаруженное в Наг — Хаммади, или Евангелие от Марии, которое было найдено за 50 лет до этого, не являются гностическими. Ведь в них, как полагают исследователи, не излагается ни один из гностических мифов. Но в этих книгах содержатся намеки на подобные мифы. Я объясняю своим студентам, что для правильного прочтения этих книг необходимо понимать их мифологическую составляющую, хотя автор текста ее перед нами не раскрыл. Точно так же, читая спортивную рубрику, нужно знать правила и основные моменты истории баскетбола, не ожидая, что автор расскажет об этом, прежде чем перейти к репортажу о вчерашней игре.

Так или иначе, существовало большое количество гностических течений, основывавшихся на различных мифах. Одно из этих течений, упоминавшееся Иринеем, представляет для нас особый интерес в связи с центральной темой этой книги. Эти гностики известны как каиниты[10] Они представляют для нас особый интерес, поскольку среди их текстов было названо Евангелие от Иуды. Основываясь на том, что Ириней пишет об этой книге, мы можем сопоставить сказанное им с содержанием вновь открытого Евангелия.

Каиниты

Ириней упоминает о каинитах уже почти в самом конце первого тома своей книги «Против ересей». Их назвали так, поскольку они считали себя потомками Каина, первого сына Адама и Евы. По канонад библейской истории, Каин всегда считался «плохим парнем». Он находился в ссоре со своим младшим братом Авелем и, когда Бог высказал свое предпочтение Авелю, поскольку ему больше понравились принесенные Авелем в жертву животные, чем принесенное Каином в жертву зерно, Каин вышел с Авелем на поле и убил его. Иными словами, Каин был первым братоубийцей, и Бог наказал его отлучением от земли и наложением проклятия (Быт. 4:1-16).

По какой причине группа верующих может захотеть отождествить себя именно с Каином, а не с кем другим? Напомним, что каиниты были гностиками, полагавшими, что создатель этого мира, тот, который наказал Каина за неповиновение, был не истинным Богом, а низшим божеством. Каиниты, очевидно, предполагали, что для того, чтобы следовать истинному Богу, необходимо противостоять богу этого мира. И если этот бог был против Каина, значит, Каин был на стороне истинного Бога.

Так же обстояло дело и с другими библейскими персонажами, которых традиционно считали противостоящими Богу. Если верить Иринею, каиниты считали Корея одним из религиозных героев. Корей был противником Моисея и поднял против него восстание. В ответ Бог заставил землю разверзнуться, и Корей со всей своей семьей были поглощены живьем (Числа 16). Самое удивительное, что каиниты также почитали жителей Содома и Гоморры, которые в иудейско — христианской традиции воспринимались как абсолютные

безбожники и распутники, за что Господь наказал их разрушением этих двух городов огненным дождем (Быт. 19).

Таким образом, в соответствии с Иринеем, каиниты причисляли себя к тем, кто заявлял о своей борьбе с Богом евреев, создателем этого мира. Они также считали, что все они «гонимы Творцом» («Против ересей» 1.31.1).[11] Но никому из них не было нанесено реального ущерба, поскольку защищающий их эон София принимает обратно в себя их частицы.

После предоставления нам этой информации Ириней описывает еще одного из героев веры каинитов:

И это, учат они, хорошо знал предатель Иуда, и так как он только знал истину, то и совершил тайну предания, и чрез него, говорят они, разрешено все земное и небесное. Они также выдают вымышленную историю такого рода, называя Евангелием Иуды. («Против ересей» 1.31.1)

Итак, перед нами первое в каких-либо древних текстах упоминание Евангелия от Иуды. Ириней не упоминает о том, читал ли он сам эту книгу, так что нам неизвестно, описывал ли он ее, исходя из собственного опыта прочтения, из дошедших до него слухов, или он просто высказывал предположение о том, что должно находиться в подобного рода книге.[12]

Евангелие от Иуды

То, что говорит Ириней о книге, во многом соответствует определенным частям документа, полное содержание которого я буду освещать в шестой главе[13] Но для дальнейшего обсуждения необходимо упомянуть о некоторых моментах, связанных с содержанием вновь открытого Евангелия от Иуды.

1. Это Евангелие носит такое же название, как и Евангелие, упоминавшееся Иринеем.

2. Это, безусловно, гностическое Евангелие, которое было написано гностиками и для них же и предназначалось.

3. Иуда является «героем» повествования.

4. Он единственный смог понять Иисуса и смысл его миссии; другие апостолы поклонялись богу этого мира, который не есть Бог Иисуса.

5. Предательство является благим деянием, совершенным Иудой ради Иисуса. Как говорит Иисус: «Ты превзойдешь всех остальных (то есть всех остальных апостолов), потому что ты принесешь в жертву человека, в обличии которого я нахожусь» (иными словами, именно предательство позволит Иисусу избежать оков его материального тела).

6. Поступок Иуды позволит вырваться из материального мира, поскольку и остальные последуют за Иисусом обратно в их небесный дом (именно поэтому он «разрушает» все, что на небе и на земле).

Мы видим явное соответствие между описанием Евангелия от Иуды в книгах Иринея и тем текстом, который стал удивительнейшим археологическим открытием XX в.

Высказывания других авторов о каинитах

Ириней дает о каинитах еще пару нелестных отзывов. При этом они настолько похожи на все остальные течения, о которых он говорит, настолько злостны в своих намерениях, что некоторые из современных исследователей сделали вывод, что каинитов на самом деле как отдельной социальной группы и не существовало, а они были всего лишь плодом воображения самого Иринея.[14]

Ириней в частности указывает, что каиниты были схожи с другими гностиками в том, что доводили свои противоречия с богом — создателем до предела. Раз этот бог призвал Израиль

быть его народом и потом через Моисея даровал им законы, каиниты соответственно полагали, что лучший способ демонстрации своей независимости от бога этого мира — это неподчинение его заповедям. Таким образом, если, например, еврейский Бог повелевает своему народу соблюдать субботу, не есть свинины и не совершать прелюбодеяние, наилучший способ демонстрации того, что ты следуешь единому истинному Богу, противоположному еврейскому богу, это работать в субботу, есть свинину и совершать акты прелюбодеяния. Ириней указывает, что каиниты, благодаря своему совершенному «знанию», дошли до столь аморальных поступков, что о них даже нельзя упоминать. Я полагаю, что мы можем быть уверены, что если Ириней и не хотел упоминать эти поступки, по крайней мере он о них думал.

Вслед за Иринеем два других церковных автора обсуждали каинитов: автор книги, написанной в начале III в., называемой «Против ересей», которого некоторые ошибочно принимают за знаменитого Тертуллиана, и автор IV в., неистовый Епифаний, о котором я уже упоминал. Однако непохоже, чтобы кто-то из этих авторов обладал собственной информацией о данном религиозном течении, даже если оно действительно существовало. Вместо этого они просто расширили те отрывки, которые написал Ириней, добавив живописные детали от самих себя, к тому, что они считали здесь уместным. Первый автор (псевдо — Тертуллиан) не упоминает о том, что каиниты обращались к Евангелию от Иуды. Епифаний упоминает об этом. Но, судя по всему, он извлек эту информацию из текстов Иринея.

Вопрос о каинитах и Евангелии от Иуды

Необходимо коснуться еще нескольких важных моментов, прежде чем в следующей главе перейти к истории открытия Евангелия от Иуды. Необходимо разобраться, действительно ли именно эту книгу использовали каиниты. Одна из проблем состоит в том, что во вновь открытом Евангелии нигде не встречается упоминаний о самих каинитах.

Но при ближайшем рассмотрении это оказывается не столь существенным. Евангелия, как и большинство других книг, практически никогда не упоминают течения, которые обращались к этим текстам. Однако разве нельзя было ожидать подробного обсуждения Каина в книге, которая была частью каинитских текстов? На это, я полагаю, есть три основных ответа: (1) в Евангелии от Иуды, которое у нас есть, отсутствуют, как мы впоследствии убедимся, некоторые части текста, в которых, возможно, упоминался Каин. (2) Ириней нигде не упоминает о том, что Евангелие от Иуды было написано каинитами. Он лишь говорит, что они обращались к этому Евангелию. Для сравнения: сам Ириней обращался к Евангелию от Иоанна, но, разумеется, Ириней нигде в Евангелии от Иоанна не упоминается. (3) Как я уже и упоминал, ряд исследователей выражают сильно сомнение в том, что каиниты вообще существовали.

Но разве существование Евангелия от Иуды, упоминавшегося Иринеем, не доказывает существования религиозного течения, представители которого, по его словам, обращались к этому Евангелию? Как выясняется, совсем не обязательно. Отцы Церкви, обличавшие ереси, имели обыкновение, как хорошо известно, по небольшому количеству информации, которым они реально обладали, создавать для читателя полный подробный рассказ. Иногда эти углубления в обсуждаемый материал имели историческое обоснование. Но нередко дополнительные детали были выдумками самих борцов с ересью.

В данном случае можно предположить следующий сценарий. Предположим, что Ириней знал о существовании Евангелия, написанного с позиции Иуды, предавшего Иисуса. Независимо от того, читал он эту книгу или нет, он прекрасно поиимал, что это одно из мерзких гностических Евангелий, которое описывает еврейского бога не как единого истинного Бога, а как низшее божество. Создатель этого мира не был Отцом Христа, но богом, от власти которого Христос и его последователи должны были избавиться. Мало того, в данном Евангелии предатель Христа представлен как его единственный истинный ученик,

который один сумел понять смысл его миссии и преданно выполнил его волю. Это Евангелие, которое извращает истину наизнанку, объявив все истинное фальшивым.

Раз Ириней знал о таком Евангелии (или читал его), нет ничего удивительного в том, что ему необходимо было воссоздать реальный социальный контекст, внутри которого эта книга могла быть создана, прочитана и сделана объектом поклонения. Он мог представить себе религиозное течение, ассоциировавшееся у него с Каином, и привести некоторые объяснения мерзких верований, основанных на представлениях, которые он обнаружил в этом Евангелии. Другой возможный вариант заключается в том, что действительно существовала гностическая группа верующих, почитающих память о Каине, о жителях Содома и об Иуде и что это действительно было их Евангелие.

В любом случае мы обладаем теперь свидетельством Иринея, написанным примерно в 180 г. н. э., в котором впервые упоминается данное Евангелие от Иуды. Оно не было Евангелием, написанным много столетий спустя после жизни Иисуса. Оно было написано вскоре после написания новозаветных Евангелий, которые были созданы во второй половине I в., в период примерно между 65 и 95 гг. н. э. Данное Евангелие могло быть составлено на 50 лет позже, в середине II в., если не еще раньше. Оно возникло в совсем другом контексте, чем новозаветные Евангелия. Оно было написано в других обстоятельствах и с совсем иными целями. Его автор обладал совершенно другим видением мира. Автором текста был гностик, который хотел, чтобы его гностическое понимание истины было отражено в Евангелии, обладающим апостольским авторитетом. Апостолом, от лица которого было написано Евангелие, был не кто иной, как предатель Иисуса. С точки зрения этого автора, предатель совершил то, что надлежало. Иуда в этом Евангелии — самый верный ученик Иисуса, единственный, которому он открыл всю истину, необходимую для того, чтобы спастись. Иуда действовал, исходя из знания, которое дал ему Христос, и исполнил свою судьбу деянием, которое было предусмотрено самим Христом. Он передал Иисуса верховным властям, чтобы те казнили его, дав возможность его душе избегать ловушки тела и вернуться в свой небесный дом. В этом Евангелии Иуда не был врагом Христа. Он был его самым близким другом.

Глава 5. История открытия Евангелия от Иуды

Впервой главе я описал свою поездку в Женеву в декабре 2004 г. Тогда я впервые своими глазами увидел Евангелие от Иуды. Разумеется, меня мучило множество вопросов. Но после возвращения из поездки у меня было еще больше вопросов, чем ответов. Мне удалось просмотреть несколько страниц коптского текста, но не было возможности его изучить и перевести. Что может быть найдено на страницах, которые я увидел? Будет ли это одно из величайших открытий на земле, которое станет главной новостью крупных журналов и всколыхнет весь христианский мир? Или это будет представлять интерес только для небольшой группы исследователей, которые изучают коптский язык и написанные на нем древние тексты?

Все зависело от того, с каким именно документом мы имели дело. Если это гностическое откровение, подобное десяткам уже обнаруженных, оно вызовет определенный интерес ученых. Но текст подобного рода не будет обладать такой исключительной ценностью, как, например, свитки Мертвого моря. Если, с другой стороны, в Евангелии действительно содержались древние представления о взаимоотношениях Иисуса и его предателя Иуды Искариота, описанные с позиций самого Иуды, тогда дело могло приобрести совсем другой оборот. [1]

Разумеется, я в любом случае не рассчитывал на то, что написанное во II в. Евангелие о взаимоотношениях Иисуса и Иуды заставит нас пересмотреть все, что мы знаем об Иуде. Я не мог надеяться на то, что это Евангелие создал сам Иуда или что живший во II в. автор имел какой-либо доступ к реальным историческим фактам, касающимся взаимоотношений между Иудой и его учителем за столетие до этого. И все же обладание Евангелием настолько

раннего происхождения, раньше времени жизни Иринея, раньше времени создания большинства известных нам Евангелий древности, да еще с альтернативным взглядом на Иуду, которого превозносят как единственного понимавшего своего учителя… Подобное Евангелие могло бы стать большой сенсацией. Оно открыло бы нам совершенно другой подход к пониманию раннего христианства и всего разнообразия этой религии в первые века ее существования. Если существовала группа христиан, почитавшая, в отличие от всех, Иуду Искариота, насколько странной она была на общем фоне?

Первоначальное разочарование

Продолжая рассуждать о возможных перспективах, я обнаружил в сети Интернет форум, который заставил мое сердце замереть.

У голландского блоггера по имени Мишель ван Рийн есть своеобразный веб — сайт, специализирующийся на опровержении утверждений, касающихся современного искусства и древних артефактов. Ван Рийн буквально помешался на истории с Евангелием от Иуды, нашел несколько источников, сумел узнать, что Национальное географическое общество собирается заняться публикацией документа и его перевода — и, предположительно, заработать на этом. Ван Рийн решил сорвать планирующуюся акцию, опубликовав все существующие материалы, прежде чем Национальное географическое общество будет иметь возможность это сделать.

Ван Рийн сумел найти американского ученого Чарли Хедрика, исследователя Нового Завета, которого я знал и уважал долгие годы. Чарли Хедрик заявил, что у него есть фотоснимки Евангелия от Иуды и что он сделал предварительный перевод текста. Чтобы разрушить все возможные спекуляции относительно Евангелия, а также свести на нет усилия Национального географического общества, ван Рийн опубликовал фотографии и переводы. Во время прочтения я был сильно разочарован.

Текст, судя по всему, не имел никакого отношения к истории взаимоотношений Иуды и Иисуса. Это был гностический документ, главным героем которого был некто, именуемый Аллоген, который молится Богу и получает ответы. Текст похож на гностический и представляет определенного рода интерес для исследователей гностицизма. Но в отношении образов Иуды и Иисуса он был абсолютно лишен какого-либо интереса.

Поразительно, как часто преподаватели забывают следовать собственным советам. Каждый семестр, читая курс в Чапел Хилл, я считаю необходимым сообщить своим студентам, что они не должны доверять всему, что найдут в сети Интернет, поскольку там каждый может опубликовать все, что пожелает, и зачастую мы не можем знать, насколько источник достоверен или лжив. В данном случае я сам забыл следовать собственному совету.

Тогда я не знал, но вскоре сумел понять, что Хедрик перевел неверный источник.

Первое ощущение, что что-то не так, возникло у меня 1 июля 2005 г. Я был в Нью — Йорке по делам и назначил встречу за ланчем в гарвардском клубе с Хербом Кросни, о котором я уже упоминал, опытным журналистом, который первым вышел на след текста Евангелия от Иуды, сумел узнать, что оно принадлежит фонду Maecenas в Женеве, заинтересовал этим проектом Национальное географическое общество и подстегивал процесс вплоть до моей срочной поездки в Женеву шесть месяцев спустя. Во время этого ланча я высказал свое сожаление по поводу близящегося провала проекта и отсутствия у него перспектив. Ведь я читал перевод Хедрика и искрение не мог понять, почему Национальное географическое общество продолжает интересоваться этим делом.

Херб уже был осведомлен о том, что содержалось в тексте, однако не имел права предоставить мне информацию во всех деталях. Несколько раз подмигнув мне, он предложил мне не верить тому, что я читаю в Интернете (тот самый совет, который я даю студентам чуть ли не каждую неделю). Но я настаивал на своем: я же видел фотографии коптских текстов. Они были очень похожи по своему качеству на те страницы, которые я видел в

Женеве. Я видел перевод этих страниц, сделанный Хедриком, и я проверил этот перевод. В нем не было ничего особенного. Все, что мог ответить в тот момент Херб, это намекнуть, что, возможно, Хедрик переводил другую часть книги.

Только впоследствии я понял, что на самом деле случилось: как мы убедимся в этой главе, когда исследователи впервые получили доступ к рукописи и имели возможность определить ее основное содержание, они решили, что перед ними фрагментарные копий трех текстов, два из которых уже были известны из более ранних археологических находок. А именно, это были: Послание Петра к Филиппу и Первый апокалипсис Иакова, копии которых были обнаружены среди других текстов библиотеки Наг — Хаммади в 1945 г. Третий текст и был тем самым золотым кладом: это было Евангелие от Иуды. Но только впоследствии, когда Флоранс Дарбр, эксперт по реставрации, и Родольф Кассер, знаменитый коптолог, который стал ответственным за издание и перевод текста, провели трехлетнюю работу по обработке текста, они узнали то, о чем никто, включая ван Рийна и Хедрика, не подозревал. Заключительная часть рукописи заключала в себе не один документ — Евангелие от Иуды, а два. Вторым оказалась копия фрагмента из ранее неизвестного гностического трактата об уже упоминавшемся Аллогене. Хедрик предполагал, что используемые им фотографии были взяты из Евангелия от Иуды. Но это было не так. Это были фотографии другого текста, что в корне меняло дело.

Как выяснилось впоследствии, хотя страницы, посвященные Аллогену, очень интересны, текст Евангелия от Иуды является просто завораживающим. Как и остальные три текста, найденные в манускрипте, он относится к гностической традиции, и значительная его часть посвящена достаточно сложным моментам гностического откровения о возникновении мира и создании людей (их создал не истинный единый Бог). Но в нем содержатся также ранее не обнаруженные диалоги между Иисусом и Иудой, в которых Иуда оказывается истинным героем среди других апостолов, единственным, кто смог понять и выполнить волю Господа.

Прежде чем полностью погрузиться в содержание этого Евангелия, что станет темой следующей главы, я хочу вернуться к началу, к времени до того, как я впервые увидел этот текст в декабре 2004 г., и до того, когда он попал в умелые руки Флоранс Дарбр и Родольфа Кассера, и до того, когда кто-либо из западных исследователей узнал об этом документе. Каким образом документ был обнаружен и как он оказался в собственности фонда Maecenas? Чтобы отдать должное тем, кто этого заслуживает, нужно признать, что историю нахождения и последующих приключений Евангелия мы узнали благодаря усилиям Херба Кросни, чья книга «Утраченное и обретенное Евангелие от Иуды» исчерпывающе описывает этот вопрос. Я написал эту главу на основе его собственных рассказов, в том числе наших с ним частных бесед, в которых участвовали и другие лица, и на основе комментариев издателя и переводчика текста Родольфа Кассера. Необходимо добавить, что существуют большие лакуны в наших знаниях об обстоятельствах обнаружения и дальнейших приключений текста Евангелия, поскольку многие основные действующие лица этой истории остались неизвестны или их более нет в живых.

Открытие

Одним из самых удивительных фактов, касающихся археологических находок ранних иудейских и христианских манускриптов, является то, что самые знаменитые находки были сделаны отнюдь не командой профессиональных археологов. Большинство находок были сделаны чисто случайно. Мало этого, как правило, такие документы находили люди, не имеющие ни малейшего представления об их реальной ценности и о том, что именно они обнаружили. В 1945 г. библиотека Наг — Хаммади, состоящая из ранних гностических текстов, была обнаружена группой феллахов, крестьян, копавших удобрения на холме посреди пустынного египетского ландшафта к северу от реки Нил. Феллахи были неграмотны и не могли найти применения тринадцати томам, которые они нашли внутри глиняного кувшина. Спустя полтора года, в 1947 г., мальчик — пастух обнаружил несколько документов

в пещере, в весьма пустынном месте, к западу от Мертвого моря. Впоследствии были исследованы и другие пещеры (как бедуинами, так и археологами), и в еще одиннадцати пещерах были обнаружены сокровища, которые в наше время получили известность как свитки Мертвого моря.[2]

То же случилось и с Евангелием от Иуды и другими найденными вместе с ним документами. Они были обнаружены неграмотными крестьянами, которые набрели на пещеру, за много веков **До** этого служившую местом захоронения. Они перевернули все содержимое пещеры в поисках безделушек, которые они могли бы продать. Так они обнаружили рукописи.

Вне всякого сомнения, это случилось в 1978 г., в провинции Аль — Минья в Среднем Египте, примерно в 120 милях южнее Каира, неподалеку от скал Джебель — Карара рядом с городом Магага. Мы не знаем имен тех, кто нашел документы.

Внутри пещеры было несколько корзин, в которых лежали древние римские стеклянные флаконы. Также были обнаружены человеческие захоронения. Рядом с одним из них стояло два короба из известняка. Открыв коробы, крестьяне обнаружили несколько древних манускриптов.

Это был не первый случай, когда важные документы раннехристианского периода были найдены рядом с человеческими останками, принадлежащими, судя по всему, владельцам этих документов. Я уже упоминал о том, что в 1886 г. было найдено Евангелие от Петра. Это был один из редких случаев, когда открытие действительно было сделано археологами, ищущими древности. Евангелие находилось рядом с захоронением монаха, возможно, потому, что это была его любимая книга, или потому, что он был писцом, который ее переписывал. Схожим образом обстояло дело и с библиотекой Наг — Хаммади. Прежде чем феллахи нашли глиняный кувшин с тринадцатью книгами, они обнаружили человеческое захоронение. Возможно (хотя нельзя знать наверняка), что библиотека Наг — Хаммади имела какое-то отношение к личности человека, захороненного рядом. Был ли он владельцем этих текстов? Спрятался ли он в глуши, чтобы скрыть их? Была ли его смерть случайной? Умер ли он естественной смертью или был убит? Этого мы знать не можем. Исследователи, открывшие эту историю, оказались на месте спустя двадцать лет, и останков уже не было.

Так же было и в данном случае. Впоследствии мы узнали, что ходили слухи об обнаружении рядом с документом человеческих останков, но их уже не нашли.

В известняковом коробе находилось четыре различных рукописи в виде кодексов (то есть книг, а не свитков). Впоследствии исследователи смогли их идентифицировать. Ни один из них, за исключением кодекса, содержащего Евангелие от Иуды, еще не был опубликован и не стал известен общественности:

1. Математический трактат, написанный по-гречески.

2. Фрагменты ветхозаветной книги Исход в греческом переводе.

3. Фрагменты нескольких новозаветных посланий апостола Павла в коптском переводе.

4. Кодекс, содержащий в себе Евангелие от Иуды. (Как я впоследствии объясню более подробно, у нас целиком есть только начало и конец Евангелия и достаточно большая часть текста из середины. Но некоторые отрывки на сегодняшний день утрачены из-за дурного обращения с манускриптом после его нахождения. На сегодняшний день мы не можем восстановить примерно 10–15 % текста.) Вместе с Евангелием там были еще три фрагмента текста, все на коптском: Послание Петра Филиппу (версия слегка отличается от той, что была найдена в Наг — Хаммади), Первый апокалипсис Иакова (тоже отличается, от версии Наг — Хаммади) и гностический трактат об Аллогене (полностью отличается от трактата Наг-Хаммади с названием «Аллоген»).

Вне всякого сомнения, эти рукописи пролежали в этом известняковом коробе более шестнадцати столетий в нетронутом виде. Они смогли уцелеть в течение столь долгого срока

благодаря месту: рукописи могут сохраниться в течение долгого времени при сухом климате, характерном для пустынных мест Египта, где никогда не бывает серьезных изменений во влажности. К сожалению, как мы впоследствии убедимся, как только они были изъяты из тайника и стали перемещаться по разным климатическим зонам, в частности, 16 лет пролежали в сводчатом подвале магазина на Лонг — Айленде, они стали быстро портиться, и некоторые их части теперь невозможно восстановить.

В любом случае, безымянные феллахи, найдя книги, продали их человеку по имени Ам Самия (это псевдоним), местному торговцу безделушками, бусами и древними тканями. Самия понемногу приторговывал антиквариатом. Если кто-либо в городе находил то, что выглядело древним, то Самия эту вещь покупал и перепродавал другому поставщику, работающему на рынках Каира или Александрии. Самия не намного превосходил по мировоззрению своих партнеров: он был неграмотен и в основном зарабатывал фермерством, выращивая местный деликатес — чеснок.[3]

В руках Ханны

У Ам Самии были связи с более крупными торговцами антиквариатом, которым он перепродавал все, что попадалось к нему в руки (разумеется, с наценкой), а они поставляли это на рынки больших городов (с дополнительной наценкой). Иногда, когда ему удавалось приобрести что-то действительно ценное, он входил в контакт с торговцами международного уровня, которые перепродавали товар музеям или частным коллекционерам (с очень большой наценкой; к сожалению, торговля антиквариатом гораздо больше определяется коммерческими целями, чем заботой о найденном антиквариате).[4] Так или иначе, Ам Самие удалось осуществить продажу книг (напрямую или через посредников) мелкому торговцу антиквариатом в Каире, которого звали Ханна Асабил (еще один псевдоним). Очевидно, цена была не очень высокой. Судя по более поздним свидетельствам, Самия получил за книги порядка восьми тысяч египетских фунтов, что в то время составляло примерно две тысячи долларов. Для него это была действительно крупная сделка. Больше мы ничего не знаем об этой перепродаже, в частности потому, что Самия умер десять лет спустя, в конце восьмидесятых годов.

Ханна вовсе не был высокоинтеллектуальным торговцем антиквариатом с международными связями. Но он находился в постоянном поиске чего-нибудь, способного принести ему состояние. Известно, что он специализировался на продаже древних папирусов на рынках Каира. Мы не знаем точно почему, но он решил, что эти рукописи могут стоить невероятно много. Те, кто занимался расследованием этой истории, предположили, что он оценил рукописи, пригласив приезжавшего в Каир исследователя древних текстов, хотя имена, которые упоминались при этом, например Людвига Кенена, немецкого профессора классических языков из Мичиганского университета, принадлежат специалистам по древнегреческому языку, хотя большая часть коллекции была написана на коптском.[5] Так или иначе, Ханна дал понять потенциальным покупателям, что он готов расстаться с приобретенными им документами ни больше ни меньше, чем за три миллиона долларов.

Это была немалая сумма, особенно учитывая, что Ханна не имел ни малейшего представления о том, что было в этих текстах. Он только знал, что они очень древние, и кто-то сообщил ему о том, что они стоят целое состояние. Наибольшая сложность заключалась в том, что в тех торговых кругах, в которых вращался Ханна, не было действительно крупных клиентов, которые могли бы этим заинтересоваться. Поэтому пришлось войти в контакт с тем, кто обладал такими связями, весьма успешным торговцем антиквариатом международного уровня, который, помимо связей, обладал умением продавать товар за высокую цену. Это был Николас Кутулакис из Женевы, который считается одним из наиболее удачливых торговцев древностями наших дней. Ханна и раньше имел дело с Кутулакисом, продавая ему товар, который попадал ему в руки. Впоследствии Кутулакис продавал эти вещи за много большие деньги. Будучи уроженцем Крита, Кутулакис

знал много языков и чувствовал себя уверенно в высших кругах общества. У него не было формального образования, но он обладал незаурядным природным умом и нередко проворачивал сделки на миллионы долларов.

Однако Ханна не хотел продавать свои драгоценные рукописи самому Кутулакису. Он хотел, чтобы Кутулакис нашел ему покупателя. В ходе переговоров Ханна продал Кутулакису другие вещи, но сделки кончились неудачей. У Ханны была статуя египетского фараона Аменемхата II периода Среднего царства, и она была приобретена Кутулакисом. Когда Кутулакис впоследствии провел экспертизу, оказалось, что статуя подделана. Разумеется, он потребовал свои деньги обратно, но Ханна отказался их отдавать. Это сильно ухудшило их взаимоотношения. Некоторое время спустя, в 1979 г., Ханна снова перешел дорогу могущественному Кутулакису, попытавшись договориться о продаже рукописей с одним из его партнеров по бизнесу. То, что случилось впоследствии, могло быть чисто случайным совпадением, но Ханна так не думал. Неизвестные вторглись в квартиру Ханны в Гелиополисе (пригород Каира). Взломщики взяли все, что у него было: куски золота, статуи, ювелирные изделия, ткани, монеты и рукописи на папирусе. Это была очень крупная кража. Ханна оценивал убытки, даже не включая в цену рукописи, в несколько миллионов долларов. Он не перестал подозревать, что в деле был замешан Кутулакис. Но доказать этого он так никогда и не смог.

У Ханны не было возможности компенсировать потери, причем он полагал, что самой большой утратой были именно рукописи на папирусе. Если бы только он мог их вернуть, то быстро бы нашел покупателя, поспешно заключил бы сделку и вышел бы из этого дела с неплохой суммой денег. Но рукописи даже не были изучены исследователями, которые могли бы понять их содержание. А теперь они были, видимо, потеряны навсегда.

Ханна униженно взмолился о помощи, надеясь, что Кутулакис найдет документы (в определенном смысле это было логично, учитывая, что он полагал, что они и находятся в собственности самого Кутулакиса). Кутулакис так ни в чем и не сознался и ни разу не признал факт своей связи со взломщиками. Но он пообещал провести свое собственное расследование и постараться что-нибудь разузнать. Три года спустя, в 1982 г., Кутулакис вернул рукописи Ханне, как будто бы получив их при обмене товаром с дилерами из Женевы. Для большей безопасности Ханна поместил рукописи в отдельный сейф швейцарского банка.

Поиски покупателя

В 1983 г. Ханна вышел на потенциального покупателя. Людвиг Кенен часто посещал Каир и другие города Ближнего Востока, надеясь приобрести греческие папирусы в знаменитую коллекцию папирусов Мичиганского университета. Хотя Кенен родился и воспитывался в Германии, получив степень доктора классической филологии в Колонне, с 1975 г. он преподавал в Мичигане.

Судя по всему, Кенену позволили взглянуть на рукописи, поскольку он сообщил Ханне, что хотел бы собрать небольшую группу экспертов из Америки, чтобы выяснить содержание текстов и добиться правильного ведения переговоров.

Поскольку один из текстов был, очевидно, книгой Исход, Кенен попросил принять в этом участие Давида Ноэля Фридмана, исследователя Ветхого Завета, его коллегу в Мичиганском университете. Поскольку тексты были написаны на коптском, он пригласил Джеймса М. Робинсона, профессора античного христианства из Клермонтского университета в Калифорнии; Робинсон возглавлял группу ЮНЕСКО, которая исследовала рукописи библиотеки Наг — Хаммади, и, разумеется, был ведущим экспертом в этой области. К сожалению, у Робинсона были другие дела, и он прислал вместо себя молодого, но многообещающего доктора из Йеля, Штефена Эммеля, который был уже восходящей звездой коптологии.

Итак, Кенен, Фридман и Эммель согласились встретиться с Ханной в Женеве, чтобы посмотреть на рукописи и договориться о цене. Они понятия не имели, что Ханна мечтает о миллионах. Они считали, что речь идет где-то о 50 000 долларах.

Эта встреча произошла 15 мая 1983 г., в комнате Ханны в женевском отеле «Дель Юнион». Позже, вспоминая эту встречу, Эммель объяснил, при каких условиях происходил осмотр манускриптов:

Нам было разрешено осматривать папирус в течение нескольких минут. Не было разрешено фотографировать и не разрешалось ничего записывать; нам сказали об этом заранее, поэтому у нас не было бумаги и никаких пишущих инструментов.[6]

Единственный раз взглянув на то, что было у Ханны, они должны были попытаться договориться о сделке.

Осмотр документов Эммелем значил для нас больше всего, потому что ему было позволено посмотреть на кодекс, который включал в себя текст, позже идентифицированный как Евангелие от Иуды. Но в тот момент он не знал, что перед ним. Рукописи были упакованы довольно безалаберно, в три картонные коробки, размером с обувные, и накрыты газетами. Чтобы не нанести уже поврежденным рукописям большего вреда, Эммель открыл коробку и осторожно переворачивал страницы пинцетом, который он специально для этого взял с собой. Даже за то короткое время, которое ему было предоставлено, он сумел опознать большую часть содержимого кодекса. Как впоследствии он указал в письменном свидетельстве, Эммель обнаружил в кодексе Первый апокалипсис Иакова, Послание Петра Филиппу и, как он выразился, «беседа Иисуса с учениками (по крайней мере с “Иудой”, предположительно, с Иудой Фомой), напоминающая по жанру “Диалог Спасителя” и “Премудрость Иисуса Христа”».[7]

Это был более чем проницательный комментарий. Эммель смог понять, быстро читая страницы на коптском, которые по его свидетельству уже были в очень плохом состоянии, что «третий» текст представлял собой беседу Иисуса с учениками, что наводило на аналогию с двумя другими трактатами, обнаруженными среди текстов библиотеки Наг — Хаммади. Вместе с тем данный текст отличался от них по содержанию. Поскольку в данном тексте Иисус разговаривал с «Иудой», Эммель довольно логично предположил, что речь идет об апостоле Иуде Фоме, которому приписывалось авторство Евангелия от Фомы. Если бы Эммель располагал большим количеством времени, он бы вне всякого сомнения осознал, что на самом деле речь шла не об Иуде Фоме, а об Иуде Искариоте. Перед Эммелем лежало давно утраченное Евангелие от Иуды.

Однако предоставленное время быстро подошло к концу. Хайна хотел знать, сможет ли он заключить с ними сделку. Однако когда он назвал свою цену, то ошеломил американцев, которые не располагали подобными средствами. Ради сохранения формальности Фридман предложил 10 процентов от названной суммы, то есть 300 тысяч долларов вместо трех миллионов, хотя и такого количества денег у них не было. Ханна воспринял предложение как оскорбление и отказался от дальнейшего ведения переговоров. Американцам пришлось уехать с пустыми руками, и рукопись осталась в руках торговца антиквариатом, который так и не знал, с чем имеет дело.

В следующем 1984 г. Ханна предпринял поездку в США с намерением продать рукопись там. Возможно, его надежды были связаны с местной общиной коптских христиан, которых в одном только Нью — Джерси насчитывалось двадцать тысяч, которые могли бы помочь ему выйти на контакт с местными торговцами редких книг и антиквариата. В апреле того же года он встретился с торговцем редкими книгами из Манхэттена. Это был Ханц П. Краус — младший, австрийский еврей, переживший Холокост, известный в своей области и обладавший значительными контактами с большинством крупных американских университетов. Особо тесные связи у него были с Йелем: в течение многих лет Краус

поставлял книги и рукописи университетской библиотеке редких книг и рукописей Бейнеке, а также делал туда пожертвования. Утратив надежду, Ханна снизил свою цену до одного миллиона долларов. И все же речь шла о большой сумме денег, особенно в случае не идентифицированных текстов. Краус пригласил известного лингвиста, специалиста по древним языкам из Колумбийского университета Роджера Бегнелла, чтобы тот помог ему определить время создания рукописей и их содержание. Немного поразмыслив, Краус отказался от сделки. Запрошенная цена была слишком высокой, и требовались бы немалые деньги для реставрации рукописи. Многие страницы были уже серьезно повреждены. Не зная, что делать, Ханна просто — напросто решил оставить рукописи в сейфе на неопределенный срок. У одного из его американских знакомых был друг, который работал в отделе Сити — банка, расположенного внутри галереи магазинчиков в Хиксвеле на Лонг — Айленде. Тогда же, весной 1984 г., Ханна арендовал сейф, в котором разместил свои драгоценные рукописи, и вернулся в Каир. Ханна отсутствовал 16 лет. В течение этого времени рукописи приходили все в худшее состояние в условиях повышенной влажности нью — йоркского пригорода.

Возрождение рукописи

Следующим героем нашего сюжета становится нынешняя владелица рукописи Евангелия от Иуды. Это Фрида Чакос — Нуссбергер, уроженка Египта, по национальности гречанка. С самого раннего возраста Фрида ездила по разным странам. Она училась в Школе перевода и интерпретации в Женеве и продолжила свои занятия в Луврской школе в Париже, где изучала египтологию. В начале 80–х гг. Фрида вышла замуж за Вернера Нуссбергера, швейцарского художника и ювелира.

Благодаря своим международным контактам и неиссякаемому интересу к Египту, Греции и другим древним цивилизациям, Нуссбергер легко вошла в среду антикваров и сама начала работать посредником начиная с 70–х гг. Она услышала о манускрипте Ханны в 1982 г., когда ей была показана фотография одной страницы текста, которая потом оказалась страницей 5/19. Она была названа, потому что, как мы узнаем потом, рукопись порвалась (или была порвана) на две части: верхнюю, которая составляла примерно треть страницы, и нижнюю примерно в две трети. После того как страницы были порваны, торговец антиквариатом, который ненадолго приобрел манускрипт, очевидно, перемешал страницы, положив наиболее хорошо сохранившиеся наверх и вниз в расчете, что кто-то будет смотреть только на верхние и нижние страницы, чтобы проверить состояние манускрипта. Таким образом верхние и нижние части оказались разделенными. Нет ничего удивительного в том, что ван Рийн и Хедрик не смогли по фотографиям распознать, что к чему относится.

Так или иначе, Нуссбергер видела фотографию страницы и знала, что в свое время Ханна запрашивал 3 миллиона за все рукописи. Тогда ее это не заинтересовало. А теперь, спустя 18 лет, в 2000 г., в связи с совсем другой сделкой она приобрела несколько страниц коптских текстов и хотела узнать, могли ли они быть из того же манускрипта, который раньше продавал Ханна. У нее были основания полагать, что Ханне так и не удалось продать рукопись. Иначе она бы об этом наверняка узнала.

Она решила выяснить, не захочет ли он сильно снизить запрашиваемую цену. Теперь он был, конечно, уже не так молод, к тому же теперь у него была семья, а надежда на получение огромной суммы денег за рукописи давно была утеряна. Ни Нуссбергер, ни Ханна не знали, что манускрипты были — уже в совсем плохом состоянии.

Нуссбергер согласилась купить манускрипты, которые не видела, за цену, которую она отказывается называть (торговцы антиквариатом могут быть в подобного рода вещах до смешного упрямы). Так или иначе, теперь ей необходимо было забрать товар, встретившись с Ханной в Нью — Йорке. Ханна нелегко пошел на это. Он не знал английского и ненавидел самолеты. Но деньги важнее слов. И в итоге они совершили эту поездку. В банке они были 3 апреля 2000 г. После стольких лет банк сменил замки всех сейфов. Хорошо еще, что

сохранился сам банк. Но с помощью специалиста по сейфам они смогли сейф открыть. Когда они его открыли, то испытали глубокий шок. Манускрипты были отнюдь не в том состоянии, в котором их видели в последний раз. Древние папирусы плохо сохраняются при повышенной влажности, даже если до них не дотрагиваются. Было непонятно, удастся ли их спасти.

Но Нуссбергер не хотела вести себя совсем бессердечно. Она забрала манускрипты и сразу отправилась в Йельский университет, чтобы оставить их тому, кому можно было их доверить — главному куратору библиотеки древних книг и манускриптов Бейнеке, Роберту Бэбкоку, известному исследователю древности. Именно здесь, в Бейнеке, смогли понять реальную ценность рукописи. Бентли Лейтон, профессор коптологии в Йеле, исследовал текст манускрипта и понял, что третий по счету текст представляет собой Евангелие от Иуды.

Манускрипты оставались в Йеле несколько месяцев, пока Нуссбергер пыталась убедить библиотеку Бейнеке их приобрести. Но в итоге администрация вынуждена была отказаться. Судя по всему, проблема снова заключалась в деньгах. Было непонятно, насколько легальным владельцем рукописей является Нуссбергер, поскольку из Египта они были доставлены нелегально (Ханна не вносил их в декларацию, когда перевозил их из Египта 16 лет назад).[8] Если бы библиотека приобрела Евангелие от Иуды в свою собственность, к чему, разумеется, все стремились, это могло бы привести к международному скандалу, в результате которого библиотека потеряла бы и документы, и деньги. Бэбкок вернул рукописи Нуссбергер, которой все еще было необходимо найти для них покупателя. Но теперь она знала о том, чем обладает: единственной сохранившейся копией знаменитого Евангелия периода раннего христианства, в котором евангельская история предательства Иисуса была рассказана с позиций Иуды. Это представляло колоссальную ценность и, кроме того, могло стоить большую сумму денег. Но как же найти подходящего покупателя?

Она воспользовалась связями и нашла подходящий вариант. Речь шла о — торговце манускриптами в Кливленде, в штате Огайо, которого звали Брюс Феррини. О нем было известно, что у него свои контакты с коллекционерами — миллиардерами, в том числе и с Биллом Гейтсом. Нуссбергер отправилась в Кливленд, чтобы показать ему рукописи. Феррини сразу загорелся идеей дальнейших перспектив. Ведь он мог не только продать манускрипты, но и выставить их на международное обозрение. Поэтому он сразу же согласился приобрести их за 2,5 миллиона долларов. 8 сентября 2000 г. Феррини выписал Нуссбергер два чека, составляющие вместе указанную сумму. Один был отложен для платежа на 15 января 2001 г., другой на 15 февраля 2001 г. По непонятной причине Нуссбергер полностью ему доверяла. Возможно, ей уже очень сильно хотелось избавиться от рукописей. Так или иначе, она оставила их у Феррини и даже не получила расписки, что было серьезной ошибкой.

Феррини решил, что сможет сразу найти покупателя рукописей среди своих постоянных клиентов. Свои надежды он связывал с обладающим миллионным состоянием коллекционером древностей Джеймсом Ферреллом, владельцем ведущей газовой компании Америки. Феррелл действительно заинтересовался предлагаемой сделкой и идеей демонстрации рукописи. Но прежде чем сделка была завершена, он посоветовал Феррини попытаться предохранить манускрипты от дальнейшей порчи, заморозив их. Феррини так и сделал, что было весьма глупо. Теперь манускрипты вобрали в себя еще больше жидкости, что привело к невосполнимому ущербу. Как впоследствии объяснял их издатель, переводчик и помощник по реставрации Родольф Кассер:

После того как рукопись пережила не одно мокрое американское лето, эта ужасная заморозка практически разрушила вещество, скрепляющее волокна папируса, сделав его листы в десять раз более хрупкими и крошащимися. Некоторые листы находи — лись в самом худшем состоянии, которое только доводилось видеть исследователям, настоящий кошмар для реставраторов. Кроме того, из-за заморозки вся жидкость из волокон переместилась на поверхность папируса, перед тем как испариться, и принесла с собой большое количество

пигмента; из-за этого многие страницы манускрипта потемнели, и читать их стало чрезвычайно трудно.[9]

Однако распадались не только листы рукописи, но и отношения Феррини с потенциальным покупателем. По непонятным причинам Феррелл стал подозревать Феррини в незаконных финансовых сделках и решил прервать контакты. Он больше не соглашался на заключение с ним крупных сделок, что по времени совпало с необходимостью выплаты чеков Нуссбергер.

Нуссбергер почуяла, откуда дует ветер, и начала сомневаться, что чеки будут оплачены. Это могло бы стать очень крупной проблемой не только из-за утраты денег, но и потому, что она больше не располагала манускриптами. Вне себя от тревоги, она обратилась к своему другу Марио Роберти, о котором мы уже упоминали в начале книги. Марио Роберти — женевский юрист с обширными связями на европейском рынке предметов искусства и антиквариатом — в 1994 г. основал фонд Maecenas, целью которого стало сохранение древних находок и их возвращение странам, которым они изначально принадлежали. Роберти мудро посоветовал Нуссбергер вернуть манускрипты себе, отдав потерявшую ценность чеки. Однако Феррини не хотел отказываться от сделки в надежде, что ему еще удастся продать рукописи. Роберти подозревал, что у него вряд ли это получится, и когда Феррини отказался от чеков, Роберти решил применить санкции.

В начале главы я упомянул о Мишеле ван Рийне, голландском блоггере, создавшем интернет — сайт, посвященный скандалам в мире искусства и антиквариата. Роберти обратился к ван Рийну в надежде, что тот выставит на общее обозрение нелицеприятное поведение Феррини, и Феррини в страхе за потерю репутации вернет манускрипты. Ван Рийн взялся за дело и принялся агрессивно нападать на Феррини на своем сайте, информируя читателей о сомнительных делишках Феррини, его неоплаченных чеках, финансовых крахах и фактах личной жизни.

В итоге Феррини поддался давлению, и 15 февраля 2001 г. Нуссбергер и Роберти прилетели в Кливленд, чтобы получить обратно рукописи. Феррини также согласился передать все фотографии и копии фотографий, которые он сделал, пока рукописи были в его владении. Сам по себе обмен был весьма проблематичен, ведь сама Нуссбергер не знала коптского и раньше не догадалась пересчитать страницы рукописи. Никто не мог удостовериться, что Феррини не оставил что-то у себя. Возможно, это были страницы рукописи. Или фотографии.

Как впоследствии выяснилось, именно так он и сделал. Поэтому Чарли Хедрик смог получить фотографии нескольких страниц из трактата об Аллогене (и последнюю страницу Евангелия от Иуды), потом ***о*** них узнал ван Рийн и опубликовал их на своем вебсайте. Судя по всему, Феррини передал ему фотографии. Возможно, что он также оставил у себя несколько страниц рукописи.

Нуссбергер позволила Феррини приобрести один из текстов — а именно, написанный на греческом математический трактат. Все остальное (или точнее, большинство остальных текстов) она забрала с собой. Но она оказалась в той же ситуации, что и до сделки Феррини. У нее были манускрипты, но не было покупателя. К тому же теперь манускрипты находились в еще худшем состоянии, чем раньше, поскольку во время пребывания у Феррини они были заморожены, а потом, размороженные, подвергались дальнейшим манипуляциям. Страницы были сломаны и сложены в случайном порядке. Теперь текст был раздроблен на мелкие детали, причем невозможно было понять, к каким страницам они изначально принадлежали.

Нуссбергер решила, что этой проблемой может заняться основанный Роберти фонд Maecenas. Рукописи были отправлены в Швейцарию, где находятся до сих пор. По совету Роберти Нуссбергер решила заручиться поддержкой одного из самых известных коптологов мира, которого мы уже упоминали, Родольфа Кассера, бывшего профессора Женевского

университета, который жил неподалеку от Женевы в городке Ивердонле — Бен. Они договорились о встрече, которая произошла 24 июля 2001 г.

Пожалуй, стоит целиком процитировать высказывание Кассера о том, какое первое впечатление произвели на него остатки рукописи:

Невыносимо было видеть столь ценный предмет, с которым так плохо обращались. Смятый и изорванный, он крошился при малейшем прикосновении. Древняя рукопись, которая позднее получит название «Кодекс Чакос», в тот вечер лежала передо мной жалким комом, упакованным в картонную коробку.[10]

Перед моими глазами побывало много греческих документов на папирусах, порой весьма «подпорченных». Но такой степени ущерба я не видел никогда! Во многих местах папирус почернел до такой степени, что чтение стало практически невозможным. Папирус уже был настолько изношен, что не выдерживал ни малейшего прикосновения — страницы могли рассыпаться в прах. Это был явно безнадежный случай.[11]

Кассер сразу позвонил Флоранс Дарбр, одному из лучших в Европе экспертов по сохранению манускриптов. Дарбр живет в Ньоне, маленьком городке на Женевском озере, и имеет ряд степеней в Женевском университете и в Институте искусств в Берне. Она согласилась участвовать в проекте на первой стадии процесса опубликования и исследования рукописи: ее необходимо бьгло восстановить и держать в сохранности.

Дарбр отличается особым талантом в подобного рода вещах. Кассер говорит, что она «своими волшебными пальцами сделала возможным то, что на первый взгляд казалось обреченным на провал».[12] Прежде всего нужно было поместить каждый фолио (страницу, исписанную с обеих сторон) и каждый фрагмент (насколько бы он ни был мелким) под защитное стекло и потом сфотографировать все, что возможно. Затем начиналась трудоемкая работа по восстановлению манускрипта, одного фолио за другим, и затем принятия решения о том, как отдельные фрагменты соотносятся с существующими фолио. Это было совсем не просто. Иногда Кассер и Дарбр могли увидеть, что чернила, которыми написана страница, являются теми же, которыми написан один из фрагментов, так что если фрагмент поместить в существующую лакуну, новообразованное слово имело бы смысл. Иногда можно было сопоставить фрагменты, исходя из соответствия волокон папируса. **А** очень часто они лишь в отчаянии разводили руками и возвращались к фрагменту позднее. Достаточно полная реконструкция текста заняла большое количество времени, и в итоге возникло то, что во многом соответствовало изначальной находке — сравнительно неповрежденному манускрипту. К их работе присоединился Грегор Вюрст, главный помощник Штефена Эммеля, который стал известным профессором коптологии в Мюнстерском университете в Германии. Вюрст мог использовать детальные фотографии фрагментов, чтобы попытаться на компьютере восстановить возможные текстуальные связи между фрагментами. Работа продвигалась быстро. Спустя примерно три года специалистам удалось понять, что кодекс, содержавший Евангелие от Иуды, включал в себя не три отдельных текста, а четыре, и тот отрывок, который стал известен Хедрику от Феррини, был частью отдельного трактата.

На данный момент Кассер полагает, что примерно от 10 до 15 процентов манускрипта были утрачены из-за неправильного обращения с ним после обнаружения. Реставрация теперь почти подходит к концу, но, пока я писал эту главу, я получил письмо от Мервина Мейера, который сделал отличный английский перевод текста для Национального географического общества. Мейер сообщил, что удалось правильно разместить еще один фрагмент, который сильно меняет весь смысл текста и его перевод. Так или иначе, можно надеяться на то, что вскоре вся работа будет завершена.

Обнародование рукописи и привлечение Национального географического общества

После трехлетней работы над реставрацией, сохранением, транскрибированием и переводом рукописи Кассер, посоветовавшись с Фридой Чакос — Нуссбергер и Марио Роберти, принял решение, что пришло время заявить миру о находке Евангелия от Иуды, потерянного много веков тому назад. Это было сделано во время важного мероприятия, мало известного широкой публике. Речь идет о VIII международном конгрессе коптских исследователей в Париже, небольшой академической встрече специалистов — коптологов, в основном из Европы, США и Канады. Это не то собрание, о котором оповещают в «Таймс».

Однако ведущие коптологи присутствовали на встрече, в том числе Бентли Лейтон из Йеля, Джеймс Робинсон из Клермонта и Штефен Эммель из Мюнстера. Обо всех них мы уже упоминали в нашем рассказе. К отчаянию многих присутствовавших в зале, во время своей речи Кассер не рассказал о содержании Евангелия, а ведь именно это представляло наибольший интерес. Вместо этого он заявил о находке, а потом перешел к деталям самого манускрипта, рассказывая о том, что потребовалось для его сохранения, и о том, когда следует ожидать публикации перевода.

В дополнение он раздал информационный листок следующего содержания:

1. Рукопись в форме кодекса, изначально переплетенного в кожу. Он состоит из 31 листа (62 страниц), размером примерно 16 на 29 сантиметров.

2. Сохранились отдельные части кожаного переплета и примерно 60 страниц, которые были разорваны на три пятых по низу страницы. Большинство страниц находятся в весьма фрагментарном виде и очень хрупки, все они были помещены под стекло. Для чтения доступны примерно две трети текста. В рукописи, судя по всему, отсутствует по крайней мере один лист и несколько фрагментов.

3. В кодексе содержится три трактата (обратите внимание: это написано до того, как Кассер понял, что страницы об Аллогене взяты из другого трактата):

а. Послание Петра Филиппу (известно нам в другой версии из библиотеки Наг — Хаммади).

б. Первый апокалипсис Иакова (который также известен нам в другой версии из Наг — Хаммади).

в. Евангелие от Иуды (до сих пор совершенно неизвестное).

4. Текст написан на диалекте коптского, известном как саидский, с некоторыми региональными изменениями, по которым можно предположить, что он был написан в Среднем Египте. Лингвистические исследования показали, что это перевод текстов, изначально написанных по — гречески.

5. Примерная дата составления рукописи, если исходить из стиля письма, — IV или V в. (радиоуглеродный анализ был проведен позже и показал III или начало IV в.).

6. Рукопись была найден в провинции Аль — Минья на территории Среднего Египта.

7. История рукописи хорошо известна и документально подтверждена с 1982 г.

8. Рукопись находится во владении швейцарского фонда, владельцы которого на данный момент предпочитают оставаться анонимными (впоследствии стало известно, что это фонд Maecenas). Целью фонда в данном случае является реставрация и публикация рукописи с дальнейшим возвращением ее властям Египта, где она была изначально найдена.

9. Реставрация рукописи проводится в Швейцарии.

10. Публикация рукописи доверена Родольфу Кассеру, предполагаемое время издания 2005 г. (в итоге рукопись была опубликована в 2006 г.).

Информация о находке весьма неспешно распространялась в академических кругах. Должен признаться, что сам ничего не знал об этом, пока делом не занялось Национальное географическое общество, которое попросило меня помочь им проверить время создания рукописи и дать им информацию о возможной исторической значимости документа. Никто из

моих знакомых или тех, кто работает в этой сфере, не знал об этом. Коптологи знали, но больше никто.

Национальное географическое общество заинтересовалось рукописью не потому, что знало о сообщении на VIII международном конгрессе коптских исследователей, а потому, что Херб Кросни, о котором мы уже говорили, занялся расследованием и рассказал им о случившемся. Кросни участвовал в ряде телевизионных документальных и авторских проектов, а также общался с Брюссом Феррини, когда тот «приобрел» (в некоторой степени) рукопись и надеялся выставить ее на международное обозрение. Он хотел узнать, не захочет ли Кросни заняться телевизионным проектом о рукописи, но после первой встречи Кросни больше о нем не слышал. Вскоре после этого Феррини вернул манускрипт Нуссбергер, и идея телепередачи растаяла в воздухе.

В 2004 г. Кросни снова услышал о рукописи, что теперь она снова находится в Швейцарии, поскольку об этом публично заявил Кассер. Это вызвало у Кросни немалый интерес, и он начал задавать вопросы. Ему удалось узнать о фонде Maecenas и выйти на след того, что могло стать, по его мнению, завораживающей историей.

К тому времени Кросни уже был в контакте с членами Национального географического общества и обсуждал с ними возможность телевизионного проекта, связанного с текстами Нового Завета. Но его интерес сразу сместился в другую сторону, когда он понял, что речь может идти о новой сенсации. Он заинтересовал в находке членов Национального географического общества, и когда они узнали, о чем идет речь, то сами загорелись энтузиазмом. Они связались со мной, чтобы я помог им сформировать группу специалистов. Мы прилетели в Женеву и увидели Евангелие собственными глазами.

Но только спустя значительное время у меня появилась возможность прочесть перевод текста. Это очень редкий момент в жизни ученого — если он случается вообще — прочесть перевод только что найденного текста, который еще не издан. Степень волнения, которая охватывает вас по мере прочтения, невозможно передать словами. Вы читаете и перечитываете фразы, чтобы убедиться, что правильно поняли, вы сверяете их с оригинальным текстом, в данном случае с коптским, с которого был сделан перевод. Вы обдумываете их смысл и то, как он может пересекаться с содержанием других известных текстов того же периода. И вы задаетесь вопросом о том, как эта информация может повлиять на понимание всего, чем вы занимаетесь, в данном случае раннего христианства и тех Евангелий, которые использовались первыми христианами для выражения их собственных представлений об Иисусе. Для меня это был особый момент — момент изумления и открытия. В следующих главах я расскажу о том, что мне удалось обнаружить.

Глава 6. Евангелие от Иуды: обзор

Некоторые из древних Евангелий, вновь найденных в современную эпоху, из-за многочисленных проблем при их хранении дошли до нас в крайне фрагментарном виде. У них отсутствует начало или конец. Примером этому может послужить Евангелие от Петра, найденное в 1886 г. Оно начинается с середины фразы, в которой речь идет об осуждении Иисуса перед Пилатом:

Из иудеев же никто не умыл рук, ни Ирод, ни кто-либо из судей Его.

И когда никто не захотел омыться, поднялся Пилат.

В данном случае нам относительно повезло, поскольку мы по крайней мере можем легко установить, что случилось до начала фрагмента: Пилат омыл свои руки от «крови праведника сего», о чем мы знаем из другого источника, из Евангелия от Матфея (27:24). Но мы не знаем о том, насколько большая часть текста утрачена в начале Евангелия от Петра. Содержалось ли в данном Евангелии повествование о всей жизни Иисуса, начиная с момента его рождения (как у Матфея и у Луки) или его крещения (как у Марка и Иоанна)? Или это был исключительно рассказ о его суде, смерти и воскресении[1]

Мы имеем некое представление о том, чем заканчивается Евангелие от Петра, хотя сохранившийся фрагмент тоже обрывается на середине фразы. После рассказа о распятии и воскресении Иисуса сообщается следующее:

Я же, Симон Петр, и Андрей, брат мой, взяв сети, отправились к морю. И был с нами Левий, сын Алфеев, которого Господь…

Здесь все обрывается. Но не возникает сомнений в том, что воскресший Иисус появится перед рыбаками на Галилейском озере, как в двадцать первой главе Евангелия от Иоанна. Но на этом ли заканчивается Евангелие или в тексте присутствовали другие описания воскресения? Об этом мы не знаем.

Несколько лучше обстояло дело с другими Евангелиями, найденными в наши дни. Наиболее выдающееся из них — Евангелие от Фомы, обнаруженное среди других книг библиотеки Наг — Хаммади в 1945 г. Мы располагаем и началом, и концом данного Евангелия. Текст начинается с самого начала, с определенного зачина, которое ученые называют инципитом:

Это тайные слова, которые сказал Иисус живой и которые записал

Дидим Иуда Фома.

За этим следует ряд высказываний Иисуса, всего 114, которые перечисляются друг за другом, вплоть до завершающего текста последнего. И это само название текста: «Евангелие от Фомы» (в древности названия обычно указывались в конце книг, а не в начале). Не только начало и конец, но и большая часть текста сохранились в этой сравнительно полной копии Евангелия от Фомы. Не хватает только нескольких слов (и в середине текста есть странно расположенная белая страница). Но все же оно достаточно целостно.

Вновь открытое Евангелие от Иуды в данном контексте сильно напоминает Евангелие от Фомы. У нас есть начало и конец, и большинство самого текста, хотя и не весь целиком. Из-за дурного обращения с рукописью в течение 23 лет, прошедших с момента ее обнаружения до научной обработки, в тексте утрачено множество слов, предложений, абзацев и некоторые страницы. Издатель рукописи Родольф Кассер предполагает, что утрачено от 10 до 15 процентов текста. Но по крайней мере инципит и финал в целости и сохранности, и многие (хотя не все) страницы расположены в правильном порядке (хотя раньше они были перемешаны и рассыпаны на мелкие кусочки). Таким образом стало вполне возможным изучение данного текста и понимание его смысла в целом. В этой главе будет приведен обзор документа от начала до самого конца, я постараюсь объяснить структуру текста и его содержание. В следующих двух главах я подробнее остановлюсь на некоторых важных смысловых моментах, постараюсь выявить ту гностическую доктрину, которая лежит за ним, причем особое место в анализе будет отведено двум главным персонажам рассказа: самому Иисусу и Иуде, который единственный среди учеников понял учение Иисуса и выполнил его волю.

Краткое содержание Евангелия от Иуды

Прежде чем дать детальное описание Евангелия от Иуды, остановимся подробнее на основных моментах сюжета. Евангелие состоит из нескольких бесед между Иисусом и его учениками, и в первую очередь, Иудой Искариотом, за несколько дней до ареста Иисуса во время пасхального празднества в Иерусалиме. Текст начинает с инципита, в котором указывается, что это.

Тайное сообщение об откровении, которое Иисус высказал в беседе с Иудой Искариотом в течение недели за три дня до еврейской

Пасхи (33:1–6).[2]

Эти слова не полностью соответствуют истине. В Евангелии Иисус говорит не только с Иудой Искариотом, но порою и со всеми двенадцатью учениками, хотя в большинстве

случаев эти групповые сцены заданы лишь для того, чтобы показать невежество других учеников по сравнению с Иудой. Фраза, которая была переведена как «в течение недели», может быть также переведена как «в течение восьми дней», что является отсылкой к рассказу о последних днях Иисуса на земле, перед его распятием. Сам рассказ о распятии, однако, не включен в данное Евангелие. История завершается описанием предательства Иуды, что для этого автора и является развязкой всей истории об Иисусе (и, разумеется, об Иуде). Но так или иначе, в этом Евангелии нет описания всей жизни Иисуса или всей его миссии в целом, как это было у Матфея, Марка, Луки и Иоанна. Это Евангелие повествует о последних днях Иисуса на земле и тех речах, которые он вел в то время.

Вслед за инципитом идет очень яркое описание всей предшествующей жизни Иисуса, в переводе оно укладывается в четыре предложения. В этих предложениях указывается на время Иисусова «появления на земле», а также на то, что он совершил множество чудес, «ради спасения человечества». Мало того, «поскольку иные [шли] праведным путем, а другие пребывали во грехе», Иисус призвал двенадцать быть его учениками (33:10–15). Остается непонятным, почему существование святых и грешников на земле привело к необходимости призыва двенадцати апостолов.

Дальше мы узнаем о том, что Иисус рассказывал своим ученикам «о тайнах потустороннего [или «над»? — ***Б. Э***.] мира и о том, что должно быть в конце». И, наконец, в кратком рассказе упоминается о том, что Иисус часто являлся ученикам не в своем телесном обличил, а «находился среди них в образе ребенка» (33:19–20).[3]

После описания общественного служения Иисуса начинается серия встреч и бесед Иисуса со своими учениками, и прежде всего с Иудой Искариотом, единственным учеником, который упоминается в тексте по имени.

Во время первой встречи Иисус застает своих учеников за ритуальной трапезой (буквально «евхаристией»), во время которой они благодарят за хлеб свой (в коптском тексте используется заимствованное греческое слово для благодарения — ***eucharisto).*** К их огорчению, Иисус смеется над ними, что приводит к обсуждению «их» бога и утверждению Иисуса, что его Бог отличается от их бога. По его словам, они не поняли, кем действительно является Иисус. Эти слова вызывают у них гнев, но Иуда поднимается со своего места и возвещает правду об Иисусе. Он говорит, что на самом деле Иисус произошел из другого мира, из мира Барбело, божественной сущности, известной по другим гностическим текстам как мать всего живущего, пребывающая в Плероме, расположенной значительно выше реальности мира этого бога. Сообщение о том, кем является Иисус, приводит к частной беседе между Иисусом и Иудой. Но прежде чем Иисус даст ему многочисленные объяснения, он неожиданно исчезает.

На следующий день Иисус возвращается к своим ученикам, которые спрашивают его, где он был. Он провел ночь в других реалиях, и они хотят об этом больше узнать. Иисус говорит им, что простым смертным туда вход заказан. После чего он покидает их снова.

После его возвращения ученики просят его объяснить видение, которое на них снизошло. Они видели, как жрецы совершают жертвоприношение в Храме. Иисус объясняет их видение, указывая, что речь шла о них самих, что принесение ими в жертву животных на алтаре отражает то, как они сбивают с пути истинного своих последователей. Эти слова побуждают Иуду задать вопрос о другом типе людей — и о тех, кто добьется конечного спасения, и о тех, кому не удастся этого сделать. Ответ Иисуса сложнее всего реконструировать, потому что в этом месте манускрипт серьезно поврежден.

Потом Иуда поведает Иисусу о том, что и его посещало видение, которое он хотел бы разъяснить. Он видел, как его побивают камнями все остальные апостолы; а потом он увидел огромный дом, внутри и вокруг которого было много людей. Он хотел войти внутрь. Иисус объясняет Иуде, что его посетило видение собственной судьбы. Остальные будут ненавидеть

и преследовать его, но никто из смертных не может войти в тот дом, «ибо это место священно» (45:18–20).

Потом Иисус отводит Иуду в сторону и открывает перед ним таинственные истины, которые «никто никогда не познавал». Таинственное откровение занимает наибольшую часть рассказа. Его содержание сложно и необычно. Эта версия гностического мифа, объясняющего, как возникла божественная реальность эонов (то есть божественных существ), составляющих Плерому («полноту» божественного бытия), и как уже потом возникли мир и люди. Я постараюсь подробно изложить содержание этого яркого откровения несколько позднее. На данный момент достаточно выявить его основную идею: этот мир не есть творение единого истинного и великого Бога. Этот мир — дело рук существ, которые гораздо ниже его, глупы и кроваво жестоки. Из этого явно следует: люди, заявляющие о своей преданности богу (богам), создавшему этот мир, одурачены и поклоняются ложному богу (богам). Целью спасения является выход за пределы этого творения и власти сущностей, которые привели к его появлению.

В ответ на это Иуда желает знать, будет ли человек существовать, когда распадется этот мир. Иисус отвечает, что некоторые люди существуют лишь временно в этой жизни. Но есть и другие, обладающие божественной искрой, которая позволит им подняться над этим миром и обрести вечную жизнь в великой реальности, превосходящей этот мир. Это будет возможно после того, как это творение и создавшие его боги будут разрушены.

Иуда в первую очередь будет среди тех, кто спасется, потому что он единственный понимает смысл этих тайн и выполняет то, что от него требуется. В ключевой фразе текста Иисус говорит Иуде: «Но ты превзойдешь их всех, ибо ты принесешь в жертву человека, чьим телом я облечен» (56:17–21). Иными словами, «предательство» Иуды есть акт его глубочайшей преданности воле Иисуса. Иисусу необходимо умереть, чтобы избежать материальной ловушки своего тела и вернуться в божественную Плерому, из которой он произошел. И Иуда позволит этому случиться.

Иуду посещает новое видение, видение его собственного прославления. И это приводит нас к заключительной сцене Евангелия — к рассказу о том, как Иуда передает Иисуса еврейским властям. За этим следует название Евангелия: «Евангелие Иуды».

Ключевые моменты Евангелия от Иуды

Описав вкратце содержание Евангелия, теперь я хочу подробно остановиться на ключевых моментах.

Начало повествования

Как мы увидим из следующей главы, гностический характер этого Евангелия прослеживается во всех его частях. Самое начало не является исключительным. Повествователь сообщает, что он пишет «тайное сообщение об откровении» (33:1–2), которое Иисус передал Иуде. Гностические тексты наполнены тайным знанием (гнозисом), которое божественное существо открывает своим верным последователям. Часто эти откровения трудно понять читателю, и это не удивительно. Особенность секретных знаний, или тайн спасения, состоит в том, что они недоступны и непонятны нормальному человеку. Они предназначены только для гностиков, для тех, кто знает.

В начале рассказа Иуда Искариот однозначно называется восприемником этого тайного знания, потому что он один из всех учеников понимает, кто такой Иисус и откуда он пришел. Это становится очевидно в начале повествования, где Иисус видит своих учеников, собравшихся на евхаристию, во время которой они благодарят Бога — Бога — Творца, конечно же — за хлеб. Рассказчик говорит, что ученики «сидели в благочестивом внимании»,

эта фраза может быть также переведена менее красиво как «сидели, воспитывая в себе благочестие» (33:24–26), то есть они молились их Богу, совершая священную трапезу. Когда Иисус увидел, как они благодарят, он рассмеялся. Он делает это первый раз из четырех в данном Евангелии — удивительный элемент текста, особенно если принять во внимание, что в канонических Евангелиях Нового Завета Иисус ни когда не показывается смеющимся. Однако здесь он смеется регулярно. В данном случае ученики находят его реакцию по меньшей мере странной: «Почему ты смеешься над нашей благодарственной молитвой [или «над нашей евхаристией» — ***Б. Э.***]? Мы поступаем правильно» (34:2–6).

Ответ Иисуса может показаться несколько неискренним: «Я смеюсь не над вами». Хорошо, он может смеяться не над ними, но он, очевидно, смеется над тем, что они делают. А почему? А потому, он объясняет: «Вы делаете это не по своей воле, а потому, что так ваш бог [будет] прославлен» (34:6-11). Иисус находит смешным, что тот бог, который дает хлеб, материальный творец материального мира, должен быть прославлен. Потому что, — как мы узнаем из дальнейшего текста, это низший, невежественный бог. Ученики, естественно, этого не понимают. «Ты сын Господа нашего» (34:1-13), — говорят они. Но оказывается, что нет. Они не знают, кто он на самом деле. Он говорит им: «Никому из поколения людей, что среди вас, не дано узнать меня» (34:13–17).

На протяжении всего Евангелия Иисус будет проводить различие между «этим» поколением, проживающим свои жизни в невежестве, и «тем» поколением, людьми истинного Бога, которые знают правду о мире, о божественном царстве и знают, кто они сами есть. Ученики, как ни странно, не принадлежат к числу избранных — за исключением Иуды.

Хотя ученики и не понимают, о чем он говорит, они понимают, что он не очень-то высокого мнения о них, а потому в ответ «гневаются и впадают в ярость» и начинают его оскорблять.

В ответ Иисус бросает им вызов: пусть тот из них, кто достаточно силен, «станет предо мной как человек совершенный» (35:3–6). Он имеет в виду, что и среди них может быть искра божественного, «совершенный человек». Если у них есть эта искра, они будут равными Иисусу, тому, который пришел сверху — и обоснуют это. С некоторой бравадой они ответили: «Мы столь сильны» (35:6–7), однако никто из них не мог предстать — за исключением Иуды Искариота, который один стал пред Иисусом. Но даже ему пришлось отвести глаза.

Это должно означать, что у Иуды была божественная искра (которая делала его равным божественному Ииссу), однако ему пока еще не было дано полного откровения свыше, и он пока не мог смотреть Иисусу в глаза. Потом, однако, Иуда будет вознесен, и предположительно после этого он тоже станет наслаждаться полной мерой божественного, которой он был сопричастен по природе.

Чтобы показать, что у него есть некоторое понимание правды, Иуда делает признание Иисусу:

Я знаю, кто ты и откуда явился. Ты из царствия бессмертных

Барбело. И я не достоин раскрыть имя пославшего тебя.

(35:15–21)

Барбело, как я уже упоминал, — это один из высших эонов в других гностических текстах, мать всего сущего. Иуда, таким образом, единственный из учеников, который знает правду. И Иисус отделяет его от других, чтобы научить «тайнам царства» (35:23–25). Он говорит Иуде, что тот сможет «постичь их», однако это действие будет связано с огорчением, ибо он будет заменен среди двенадцати, как только он отделится от них. Это отсылка к эпизоду из книги Деяния апостолов, которую мы рассматривали в третьей главе, где после смерти Иуды оставшиеся 11 учеников выбрали Матфия на место Иуды, чтобы восстановить

число двенадцать. Как Иисус говорит здесь, двенадцать — для того, чтобы они «снова могли соединиться со своим богом» (36:3–4). Очевидно, что их бог — это не Бог Иисуса и Иуды.

Иуда спрашивает, когда он получит необходимое *для* этого откровение, однако вместо ответа Иисус покидает его.

Эпизод второй: поколение бессмертных и видение Храма

На следующее утро Иисус вновь явился своим ученикам, которые хотели знать, куда он уходил. Он рассказал им, что он «уходил к другому великому и священному поколению» (36:15–17) — то есть покинул царство смертных, чтобы посетить обитателей духовного царства. Ученики захотели узнать о царстве, «которое превосходит нас и более священно, чем мы» (36:19–21). И во второй раз Иисус рассмеялся. Опять его веселье было вызвано их невежеством. Он сказал, что ни один из смертных не может увидеть или посетить это царство — этим царством не будут властвовать даже «ангелы небесные». Его ответ поверг учеников в безмолвие.

На следующий день Иисус снова к ним пришел, и опять у них был к нему вопрос. Они видели видение, которое нужно было истолковать. Рассказ о нем немного напоминает эпизод из новозаветных Евангелий. Согласно Матфею, Марку и Луке, Иисус с уче — пиками прибыли в Иерусалим на празднование Пасхи в последнюю неделю жизни Иисуса. Ученики, крестьяне из захолустных мест Галилеи, были поражены впечатляющими видами большого города и потрясающим Храмом. Они сказали Иисусу: «Посмотри, какие камни и какие здания!» (Марк 13:1) Иисус предрекает, что, какими бы удивительными они ни были, они будут разрушены по приказу Бога: «Все это будет разрушено, так что не останется здесь камня на камне» (Марк 13:2).

В Евангелии от Иуды ученики видят не само здание Храма, а то, что происходит внутри него: двенадцать священников убивают жертвенных животных, которых принесли к ним на алтарь, а люди их окружили и смотрят на это. Однако в своем видении ученики видят, что священники, которые, казалось бы, выполняют свой священный долг, на самом деле совершают это самым неподобающим образом. Кое-кто из них жертвовал своих детей, иные приносили в жертву своих жен… иные спали с мужчинами, иные вовлечены [в резню]; некоторые совершают множество грехов и беззаконных деяний. А люди, стоящие [перед] алтарем, призывают [имя] твое, и при всех недостатках приносятся жертвы. (38:16–39:3)

Некоторые части этого фрагментарного отрывка трудно понять, однако основной смысл ясен. Еврейские священники в Храме представляются нарушающими все правила приличий и морали и все это время называющими имя Иисуса. Поэтому жертвы их описаны как неполноценные.

Ученики могли ожидать от Иисуса объяснений, осуждающих еврейскую религию и ее жертвы. Однако толкование Иисуса оказалось совершенно не таким, как они ожидали. Он признает, что священники в видении — это те, кто называет его имя. Однако кто же они? Это сами ученики, последователи Иисуса:

Те, кого вы видели получающими дары у алтаря, это вы сами и есть. Это тот бог, которому вы служите, а вы — те двенадцать человек, кого вы видели. (39:18–25) Таким образом, двенадцать священников, совершающих омерзительные развратные действия — это ученики; и бог, которому они служат, — это, очевидно, не истинный Бог, которого подразумевает их религия. Однако что символизируют жертвенные животные? Это «многие, что сбились с пути» (39:27–28). Те, кто был принесен в жертву, иными словами, это последователи уче — ников — это христиане более поздних поколений, которые считали, что

ученики представляют правду (в противовес Иуде, который позже в этом тексте будет назван «тринадцатым»). Это толкование видения, иными словами, есть оскорбление традиционной христианской церкви, которая стала называться «ортодоксальной», а «гностики» в то время, когда была написана книга, были объявлены «еретиками». Согласно Евангелию от Иуды, это решение совершенно неверно. Именно гностики получили откровение Иисуса, Иуда и ему подобные имеют на него право. Напротив, это члены ортодоксальных церквей молятся ложному богу и совершают развратные действия, они убийцы детей, сексуально распущены, «творят грязь, беззаконие и совершают ошибки». Лидеры этих церквей, «священнослужители», являются «орудиями греха».

Большинство остальных ответов Иисуса, к сожалению, утрачены, так как в этом месте рукопись фрагментарна. Когда она опять становится читаемой, через несколько строк, Иуда спрашивает Иисуса о роде людском, интересуясь, «какие плоды принесет это поколение» (43:13–14). Иисус отвечает, что есть два типа людей. У тех, кто принадлежит к «поколению людскому», души умрут, прекратят существовать, когда умрут тела. Но есть другие, те, кто продолжат жить и после смерти: «Тела их умирают, а души остаются живыми и будут вознесены» (43:20–23). У людей из предыдущей группы не было бессмертной души, то есть частицы божественного внутри, потому что «нельзя засеять семя в [каменистую почву] и собрать урожай» (43:25–44:2). Не принося плодов, деревья большинства смертных засохнут.

И опять же, большой кусок текста, следующего за этим, утрачен. Однако Иисус упоминает об «искаженной Софии», которая, очевидно, была повинна в том, что некоторым людям были дарованы бессмертные души (44:3–4). Как я уже упоминал, София понималась некоторыми группами гностиков как падший эон, чье губительное действие привело к созданию этого мира и к пленению в нем божественных искр. Многое из того, что Иисус сказал о ней, к сожалению, утрачено. После своей речи Иисус опять ушел.

Эпизод третий: видение Иуды и рассказ Иисуса о творении

Иуда подошел к Иисусу и сказал, что теперь, когда Иисус истолковал видение двенадцати, у него тоже есть видение, которое надо объяснить. И в третий раз Иисус рассмеялся. И снова оказывается, что смех вызван невежеством собеседника. Но не потому, что Иуда лишен божественной искры, как это очевидно для других, а потому, что он еще не понял всех тайн, которые Иисус должен был ему открыть. Иисус слегка упрекает его: «Ты — тринадцатый дух, зачем ты так стараешься?» (44:20–21) Эту фразу трудно перевести на английский. Иуда назван «духом». В оригинале «даймон», слово, заимствованное в коптский из греческого. «Даймон» не несет таких негативных ассоциаций, как слово демон, которое из него произошло. «Даймон» — это духовное существо, которое выше простых смертных. Иуда тринадцатый из (двенадцати) учеников — он стоит вне их числа; однако в нем есть (или он есть) «даймон», правящий дух. Когда Иисус спрашивает «зачем ты так стараешься?», он использует то же самое слово, которое встречается раньше, когда ученики «возносили благодарственную молитву» в первом эпизоде. Другими словами, Иисус спрашивает, почему Иуда исполняет ритуалы своей религии с таким старанием. Ведь нужно не старание, а знание.

Видение Иуды

Но Иуда ищет именно знания, и Иисус объясняет ему его видение. Иуда видел, что двенадцать учеников побивают его камнями и преследуют; затем он увидел большой дом с большим количеством народа, и он хотел знать, сможет ли Иисус взять его туда.

Часть ответов Иисуса понять легко, но в других требуется разобраться. Начнем с того, что он отвечает Иуде: «Твоя звезда увлекла тебя с пути истинного» (45:13–14). Это замечание основано на представлении о том, что у каждого есть ангел, который его ведет, и что каждый ангел связан со звездой. Звезды на небе — это ангельские сущности, и каждая из этих сущностей надзирает за человеком здесь на земле и связана с душой этого человека.[5] Как мы сейчас можем говорить о «путеводном свете», так и древние люди, особенно те, кто находился под влиянием греческого философа Платона, в частности гностики, могли говорить о путеводной звезде.[6] В этом случае — в противовес тому, что сказано Дальше в тексте, — звезда Иуды сбила его с пути. Или Иуда сбился с пути вместе со своей звездой. В любом случае, он ошибался, думая, что может попасть в тот великий дом, который увидел. Никто из «смертных не достоин войти в дом, который ты видел, ибо это место священно» (45:15–19). Те, кто принадлежит божественному, будут жить там вечно, в вечном царстве за пределами этого мира, где «не властны ни солнце, ни луна».

Следующую часть разговора трудно проследить, потому что в тексте есть лакуны. Иисус начинает говорить о преследовании Иуды учениками. Как указывает Иисус, «Ты станешь тринадцатым и будешь проклят другими родами» (46:17–21). Это, как выясняется, не так уж плохо. Иуда превзойдет двенадцать, которые продолжают думать, что бог, создавший этот мир, есть истинный Бог, и войдет в истину. После смерти (когда они забьют его камнями), он взойдет «к священному [поколению]» (46:23–47:1).

Затем Иисус объясняет сокровенные тайны, которые лежат в основе этого Евангелия и касаются того, как появилось царство божественного (Плерома) и как был создан этот (низший) мир. Это сакральное откровение, которое «никто никогда не познавал». И, что вполне обоснованно, оно написано очень сложным и высоко символичным языком — видимо для того, чтобы заставить нас, простых смертных, почесать в затылке или всплеснуть руками, отчаявшись понять. Этим оно похоже на другие гностические мифы, которые дошли до нас в древних текстах.

Тайны творения

Откровение начинается с «великой и безграничной сферы, чьи пределы не познал ангельский сонм, [где] существует великий невидимый [Дух],

которого не зрели ангелы,

не постигала душа,

и никогда не называли по имени». (47:9-13)

Итак, еще перед самым началом существовал только один истинный духовный Бог, о котором не знал никто, включая ангелов. По сути он выше всякого знания. Это Великий Невидимый Дух, от которого произошло все остальное.

Внутри необъятного пространства этого изначального божества возникает «светоносное облако». Это самопроявление невидимого Бога, внутри которого и появятся все остальные сущности. Великий Дух говорит: «Да будет ангел при мне слугой» (47:16–18). Возникает ангел, и имя ему — Самозарожденный (буквально Аутоген). Он сумел породить самого себя, ибо он есть часть Великого Духа, который ничто не использовал для его возникновения, кроме собственной воли и повеления. Впоследствии возникают еще четыре ангела, чтобы служить Самозарож- денному.

И вот Самозарожденный вершит собственные акты творения. Он создает четыре великих зона, и каждому из них дано свое «светило», которое будет эоном управлять. А также в качестве слуг их он порождает бесконечные множества ангелов, «бесчисленные мириады».

Потом мы узнаем о том, что внутри изначального светящегося облака, то есть внутри самопроявления Великого Невидимого Духа, возникает существо по имени Адамас. (Как вы понимаете, имя этого существа напоминает имя первого человека Адама, который еще не

создан.) Этот Адамас есть божественный предшественник первого человека, и люди должны были быть созданы по его образу и подобию.

Но вначале на свет рождаются множества других божественных сущностей, в том числе и «неиспорченное [поколение] Сифа» (49:5–6). Оно представляет собой группу духовных существ, которые впоследствии появятся на земле только для того, чтобы избежать этой ловушки материального и вернуться в небесный дом, откуда они произошли.

В этом месте повествование делается еще более детализированным и сложным для понимания. Говорится, что были созданы двенадцать эонов, и у каждого из них по шесть светил (светящихся сущностей наподобие звезд). У каждого из этих 72 светил есть свои небеса, то есть всего 72 неба. Но у каждого из небес есть также пять «сводов», и всего получается 360 сводов. Разумеется, все приведенные числа не случайны. В тексте они не объясняются, но, очевидно, относятся к сфере астрономии: в году 12 месяцев и, соответственно, 12 знаков Зодиака. В египетском календаре насчитывается 72 «пентады» (звезд), которые правят днями недели, им соответствуют 72 светила. И наконец, зодиакальный круг состоит из 360 градусов (как и 360 дней в годовом календаре), и отсюда возникает идея 360 сводов.[7]

Все эти божественные сущности составляют космос, или Вселенную. Мы также узнаем о том, что этот космос «обречен на вечные муки» (50:14). Данное слово может быть переведено и как «испорченность». Причина этому заключается в том, что эта реальность бесконечно далека от светящегося облака, представляющего божественную реальность, и внутри нее возникнет наш мир как реальность разрушения и извращения.

После этого достаточно шокирующего описания творения божественных сущностей Иисус переходит к не менее шокирующим описаниям того, как был создан мир и человеческие существа. Внутри извращенной реальности возник первый человек. Это был не Адам, а небесный образ того, что потом станет первым человеком на земле. Но перед его появлением должно было свершиться творение нашего мира, мира низшего. И вот в истории появляется новое божественное существо, называемое Эль. Как знают все, изучающие Библию, Эль — одно из имен ветхозаветного Бога. В этом тексте говорится, что Эль создал 12 ангелов, которые будут управлять этой низшей реальностью хаоса.

И вот наконец появляются те божественные сущности, которые создадут этот мир. И первый из них — Небро, «с пылающим ликом, налитым кровью» (51:8-11). Имя его означает «мятеж». Его также зовут Ялдабаоф — имя, знакомое нам из множества других гностических текстов, которые описывают его как создателя- демиурга, то есть создателя наших небес и земли. У Ялдабаофа есть свои ангелы — помощники, и одного из них зовут Саклас — слово, которое в арамейском языке означает «дурак». Помощники Ялдабаофа, с Сакласом во главе, производят на свет двенадцать ангелов, чтобы управлять небесами, и пять, чтобы управлять подземным миром.

И вот потом Саклас, дурак, велит своим ангелам «создать человеческое существо по образу и подобию» (52:16–17). Итак, были созданы Адам и Ева. И было сказано Адаму: «Ты будешь жить долго».

Несмотря на то что многие детали этого сложного мифа до нас не дошли, основной смысл ясен. Этот мир был создан отнюдь не единым и истинным Богом, и даже не теми, кто близок к нему. Те божественные сущности, которые несут ответственность за творение мира, были сильно отдалены от конечной реальности божественного. Ветхозаветный бог, Эль, отнюдь не возглавляет божественную иерархию. Этот мир был создан испорченным мятежником — кровопийцей, а люди произошли от дурака. Другие ученики и, разумеется, их последователи внутри «ортодоксальной» христианской традиции настолько заблуждаются в своем представлении об этом боге, что непонятно даже, как начать им разъяснять их заблуждение. Они просто безнадежны. Только те, кто получит «тайное откровение», Иуда и

ему подобные, смогут осознать, как мы здесь появились, кем действительно является Иисус и как мы можем вернуться в наш небесный дом.

Именно слова о возвращении побуждают Иуду спросить у Иисуса: «Умирает ли дух человеческий?» (53:16–17) На это Иисус отвечает, что существуют два вида людей. Есть те люди, чей дух умрет, ибо им дано лишь краткое существование: «Господь приказал (архангелу) Михаилу дать людям души во временное пользование, чтобы они могли служить» (53:17–22). Но есть и те, кто будет жить далее: «Но Великий приказал (архангелу) Гавриилу предоставить души великому поколению без правителя над ним, то есть дух и душу» (53:22–25). Это тоже требует объяснений. В данном тексте подразумевается, что «истинное» человеческое существо состоит из трех частей. Оно состоит из тела, что является материей, из души, которая оживляет тело и дает ему жизнь, и из духа, который продолжает существовать и после того, как человеческая душа уходит в другие реалии, навлекая этим смерть на тело. У некоторых людей есть душа, «чтобы они могли служить». Иными словами, они могут только поклоняться богу — творцу во время их жизни. Другие обладают «и духом, и душой». Иными словами, в них есть божественная искра, которая будет существовать вечно и после ухода души, и после смерти тела.

Или, иными словами, как продолжает свои разъяснения Иисус, некоторые люди, «Адам и те, кто с ним», обладают знанием, гнозисом. Те, кто обладает этим гнозисом, то есть гностики, превыше правителей этого мира. «С тем, чтобы правители хаоса и преисподней не могли властвовать над ними» (54:9-12). И так будет продолжаться до самого конца, когда «завершается срок жизни, предназначенный Сакласу» (54:18–21). И тогда, в конце дней, хаос воцарится на земле до ее полнейшего исчезновения.

После своих объяснений Иисус смеется снова, в четвертый и в последний раз. Теперь он смеется не над невежеством учеников, но над невежеством правителей этого мира, которые не понимают, что «все они будут уничтожены со своими созданиями» (55:19–20).

Иуда хочет узнать о судьбе тех, кто был крещен именем Иисуса, но, к сожалению, строки, содержащие ответ Иисуса, в рукописи отсутствуют. Когда текст возобновляется, он возобновляется прекрасным образом. Какую радость мы испытываем, найдя главный отрывок всего текста полностью сохранившимся! Потому что Иисус переходит от разговора о тех, кто крещен его именем, к самому Иуде, сообщая ему о его превосходстве над другими: «Но ты превзойдешь их всех. Ибо ты принесешь в жертву человека, чьим телом я облечен» (56:17–21).

Иуда выше остальных людей. Он получил тайное откровение Иисуса и готов выполнить тайную волю Иисуса. Это материальное тело, которое облекает его, должно умереть. Однако те из нас, кто избежал материальных ловушек этого мира, кто знает правду; которую открыл Иисус, выйдут за пределы этого мира и вернутся в светоносное облако, из которого в конечном итоге мы пришли. Иуда сделает это возможным для самого Иисуса, который является божественным существом, временно угодившим в ловушку из тела и плоти. Умерев, Иисус освободится; Иуда даст ему такую возможность. Иуда совсем не враг Иисуса; он его ближайший друг и верный ученик. Он даст возможность Иисусу вернуться в свой небесный дом.

Иисус начинает петь хвалебную песнь своему возлюбленному ученику:

Твое рождение уже состоялось, твой гнев нарастает, твоя звезда воссияла и твое сердце… (56:21–24)

На этом месте текст обрывается. Когда он возобновляется, Иисус продолжает восхвалять Иуду. Он отмечает, что «образ великого рода Адамова возвысится» (57:10–11) — то есть те, кто является настоящими людьми, кто был создан по образу прототипического небесного человека. Этот род «из вечных сфер» и начал существовать «прежде небес, земли и ангелов». Иуда во главе этого рода. Как говорит ему Иисус:

Подними взор свой и посмотри на облако и на свет внутри него, и на звезды, окружающие его. Звезда, что указывает путь, твоя звезда. (57:18–20)

Иными словами, душа Иуды — это путеводная звезда для всех тех, кто будет спасен, выйдя за пределы этой жизни. Иуду затем посетило видение о собственном вхождении в это царство благословенных: «Иуда поднял взор и увидел светоносное облако и вошел в него».

Заключительная сцена: Иуда предает Христа

Теперь, когда читатель знает, что Иуда единственный из учеников понял тайное учение своего учителя, акт предательства воспринимается совершенно по — другому. Это не акт злодейства, как он описан в более ранних Евангелиях от Матфея, Марка, Луки и Иоанна. Иуда делает это не из жадности, и не дьявол им движет, и он не злой человек, который делает дурные поступки по велению сердца. Он оказывает Иисусу самую большую услугу; какую только возможно. Он дает ему возможность спастись из этого злобного мира и вернуться в свой небесный дом.

История предательства рассказана прямолинейно и ничем не приукрашена. Она похожа на новозаветные истории, однако имеет и отличия. Здесь, как и в канонических текстах, присутствуют высшие еврейские священнослужители, которые арестовывают Иисуса, и Иуда передает его им. Но это происходит не в саду, а в гостиной дома, и священнослужители приходят одни, а не в сопровождении солдат.

Говорится, что первосвященники были недовольны, что Иисус ушел в гостиную молиться. Почему это их так расстроило, нам не сообщается. Некоторые из писцов следили за ним, потому что хотели арестовать, пока он молится наедине с собой и вокруг нет людей, «ибо они боялись людей, потому что все они считали его пророком» (58:17–19).

Первосвященники увидели там Иуду и были слегка шокированы; они его спросили: «Что ты делаешь здесь? Ведь ты ученик Христов?» (58:20–22) Очевидно, Иуда был один, все остальные убежали. Это могло быть заключительным намеком автора на то, что Иуда — единственный ученик, который остался верен Иисусу до конца. Другие убежали, спасая свои жизни, не понимая, что жизнь в этом материальном мире — это не истинная жизнь, а спасение приходит именно со смертью, когда душа может вырваться из ловушки материального мира и вернуться в свой небесный дом. Это то, что сможет сделать Иисус благодаря поступку Иуды.

Иуда дает своим собеседникам тот ответ, который они желают получить, однако нам не говорится, какой именно — предположительно, он сообщает им, где найти Иисуса в доме. Затем он получил от них некоторую сумму денег и «выдал им его» (58:25–26).

На этом Евангелие от Иуды заканчивается. Позже мы изучим любопытные выводы, которые можно сделать на основании такой концовки. Здесь нет рассказа о смерти Иисуса; это второстепенно. И конечно же нет рассказа о воскресении. Это бы нарушило всю концепцию Евангелия, ведь Иисус должен быть спасен — как и все мы — не ***во*** плоти, а ***из*** плоти.

Не имеет особого смысла точно цитировать название Евангелия, данное здесь в конце. Названия Евангелий Нового Завета даются по — разному в различных списках (у нас нет оригиналов многих из этих книг, только копии, сделанные позже — в большинстве случаев на несколько столетий позже — и все эти копии отличаются друг от друга, в том числе и названиями), однако в основном в дошедших до нас Евангелиях сказано, что они «от» Матфея, Марка, Луки и Иоанна.

То же самое верно в отношении других Евангелий, например Фомы, название которого, помещенное в конце, звучит как «Евангелие от Фомы». Другими словами, эти книги названы

не как Евангелия о Матфее, Марке, Луке и т. д., а как Евангелия, рассказанные этими людьми.

Может быть, этому и не стоило бы придавать большого значения, однако Евангелие от Иуды озаглавлено не так. В точности оно называется не Евангелием от Иуды (его версией истории), а не Евангелием Иуды (что можно понять как благую весть о самом Иуде).[8] Иуда, даже в большей степени, чем Иисус, является героем этого рассказа. Разумеется, Иисус — божественное существо, дарующее откровение, единственный, кто знает таинственную истину, которая может привести к спасению. Однако Евангелие говорит об Иуде: как он получил это откровение, о его превосходстве над остальными учениками, которые продолжали молиться ложному богу (или богам), создавшим этот материальный мир, о том, как он вышел за пределы этого мира и как в конце концов он войдет в «светоносное облако», в котором пребывает окончательный и истинный Бог.

Глава 7. Евангелие от Иуды и раннехристианский гностицизм

Будучи Специалистом по раннему христианству, я читаю много лекций по гностицизму. Многие годы я сталкиваюсь с тем, что люди — обычная непрофессиональная аудитория — любят говорить и слушать о гностицизме в общем и целом, потому что могут воспринять основную гностическую идею о мире и нашем месте в нем. Однако они не особенно интересуются подробностями гностических текстов, которые ничего не значат без детального исследования. Сложности этих текстов могут напрочь отбить охоту их изучать: все эти зоны, светила, архонты, своды, Плеромы и божественные сущности со странными именами: Аутоген, Барбело, Ялдабаоф, Саклас, Небруэль и так далее. Чтение этих текстов уносит в другой мир, и без карты почти невозможно по нему продвигаться. Обычно люди больше интересуются картой, чем миром, который она описывает. Мир гностицизма сложен, и в него почти невозможно проникнуть. Однако карта помогает в нем разобраться.

Карта показывает, что за всеми этими божественными сущностями, космическими оболочками, мифологическими тропами гностицизм подразумевает отчуждение от этого мира и необходимость нашего спасения из материальных ловушек этой жизни, чтобы вернуться к нашим духовным корням в другом мире. Гностики считали, что этот мир — чужая территория. Многим современным людям близка идея отчуждения. Многие из нас смотрят на этот мир и просто не понимают его. Мы чувствуем, что мы здесь чужие и мир не имеет смысла. Мы просто не принадлежим ему.

Гностики настаивали на том, что мы чувствуем себя чужими этому миру, потому что мы *чужие* ему. Это не наш дом. Мы здесь в плену, и нам нужно понять, как спастись из него. Как только мы получим знание (греческое *гнозис)* о том, как спастись, мы сможем выйти за пределы этих смертных тел, тю — рем, которые заключают наши души в мир ничтожности и страдания, чтобы вернуться в божественное царство, откуда мы пришли.

Таким образом, в целом гностическое мировосприятие имеет ценность для многих из нас. Проблема заключается в деталях.

Хотя непрофессиональная аудитория не очень-то жалует подробности гностических текстов, для исследователей гностицизма они являются самыми лакомыми кусочками. Ученые ломают головы над этими деталями, написанными на древних языках (обычно коптском), исследуют их, обсуждают, полемизируют друг с другом, учат им других, пишут о них. Дайте исследователю гностицизма новый гностический текст, напичканный зонами и тайнами космоса, и он будет на седьмом небе от счастья.

Со временем появятся сотни научных книг и статей о Евангелии от Иуды. Многие из этих ученых работ будут непостижимы для простых смертных. Большинство из них тем или иным образом будут касаться гностического характера текста, поскольку это Евангелие внесет свой вклад во множество жарких непрекращающихся споров о гностицизме. Я просто упоминаю об этих дебатах в связи с моим сюжетом. Однако сейчас я скажу нечто более конкретное по

поводу них и объясню, почему они имеют значение для понимания нами раннего христианского гностицизма в общем и для интерпретации Евангелия от Иуды в частности.

Нет ничего необычного в том, что у ученых существуют расхождения в мнениях по поводу такого важного исторического феномена, как гностицизм. Расхождения в мнениях — это то, чем ученые *занимаются.* Однако дебаты по поводу гностицизма именно в последние десять лет или около того увеличились и по масштабам, и по интенсивности. Возможно, это прозвучит иронично, но обнаружение новых текстов — то есть новых источников информации, дополнительных данных — не разрешает споры, но только усиливает их. До обнаружения тайника с основополагающими гностическими документами в Наг — Хаммади было гораздо меньше споров о том, что представляет собой гностицизм. Может показаться странным тот факт, что, чем большей информацией вы располагаете, тем меньше вы понимаете, что вы знаете, или же меньше соглашаетесь с другими по поводу того, о чем вы думаете, что знаете. Однако именно так иногда работают ученые.

Сейчас почти каждый аспект гностицизма горячо оспаривается. Ученые не соглашаются друг с другом по поводу таких базовых вопросов, как:

1. Откуда появился гностицизм? Он был изначально христианской ересью? Или возник из иудаизма параллельно с христианством? Или возник в теологических кругах платонизма и только потом претерпел влияние и сам оказал влияние на христианство (и иудаизм)? Или появился откуда-то еще?

2. Когда он появился? Был ли он отпрыском христианства, еретическим движением второго века христианской эры? Или появился в то же время, что и христианство? Или существовал до христианства и повлиял на христианскую теологию с самого ее начала?

3. Существовали ли хорошо определяемые группы гностиков с различными системами верований? Были ли отдельные группы, отождествлявшие себя с Сифом, сыном Адама и Евы (гностики — сифиане)? С учеником Иисуса Фомой (гностики Фомы)? С учителем и лидером Валентином (гностики — валентиниане)? С другими?

4. Какие тексты можно отнести к каким группам? Можно ли определить некоторые тексты как гностические, не относя их с полной уверенностью к какому-то определенному гностическому направлению? Могут ли некоторые тексты, традиционно считающиеся гностическими — например, Евангелие от Фомы и Евангелие от Марии, — больше не считаться таковыми, потому что в них отсутствуют важные для гностических текстов черты?

5. Поскольку термин «гностический» использовался для определения огромного спектра религиозных воззрений и практик древности, не стоит ли нам вообще отменить этот термин (или подыскать какой-нибудь другой)? Иными словами, если этот обобщающий термин объединяет настолько несхожие тексты и группы, не стал ли он слишком объемным для того, чтобы его использовать?

У каждого ученого, работающего в этой области, есть свое мнение по этим и связанным с ними вопросам.[1] Мне не нужно вдаваться в подробности этих споров, но я хочу обрисовать перспективы, которые, по моему мнению, наиболее убедительны.

Потом я попытаюсь показать, как эти перспективы влияют на наше понимание недавно открытого Евангелия от Иуды.

Во — первых, я не отношусь к тем ученым, которые считают, что мы должны пользоваться другим названием для гностицизма или вообще отменить этот термин. Некоторые альтернативные названия, предложенные вместо термина «гностицизм», не слишком симпатичны и не намного лучше его — например, «библейские демиургические религии».[2] Более того, я никогда не считал, что мы должны отказаться от обобщающих терминов, потому что под ними скрывается слишком много явлений. Вместо этого мы должны более тщательно решить, что этот термин будет обозначать, а что нет. Я уже отмечал, что ученым, которые считают, что термин «гностицизм» покрывает слишком большой объем,

иронически предлагают отменить заодно термины «христианство» и «иудаизм», не говоря уже о более проблематичных терминах «индуизм» и «религия». Все термины сложны, и всегда существует вопрос о правомерности их использования.[3]

Я считаю, что в использовании термина «гностицизм» польза есть; с его помощью можно указывать на множество религиозных групп древности, которые учили, что освобождение от материального мира приходит с помощью тайного гнозиса (знания). Эти группы обычно считали, что душа была пленена материальным миром, и они использовали мифы, чтобы объяснить, как это произошло. Эти мифы показывают, как божественная реальность (эонов) образовалась от первоначальной духовной божественной сущности и как в результате космической катастрофы появился материальный мир. Цель гностических религий — узнать правду об этих вещах, которая в конечном счете является правдой о нас, о том, что мы пришли из божественного царства и должны вернуться в него. Истина может прийти к нам только свыше.

Я должен подчеркнуть, что, по моему мнению, чтобы текст считался гностическим, он не должен обязательно содержать сами мифы. В некоторых текстах они содержатся, например в некоторых книгах, найденных в Наг — Хаммади, таких как Тайная книга Иоанна, или Евангелие египтян, или Евгност Блаженный, или Трактат о происхождении мира. Но есть и те, в которых этого нет. Мифическая основа содержится в них имплицитно. В таких случаях читатели смогут лучше понять смысл текста, если они разбираются в ключевых моментах мифологии, на которой текст основан. Так обстоит дело, например, с Евангелием от Фомы. Многие исследователи оспаривали представления о Евангелии от Фомы как о гностическом тексте в основном потому, что в нем пет (или почти что нет) следов гностических мифов. Но я полагаю, что это абсолютно неверный подход. В Евангелии от Фомы не ***излагается*** гностический миф, но во многих его высказываниях ***предполагается*** мифическая составляющая. Текст имеет смысл, только если его прочесть с точки зрения мифологии. Это был гностический текст, написанный для гностиков, предполагающий гностическую систему мира.[4]

В случае с Евангелием от Иуды, я полагаю (и надеюсь), будет гораздо меньше споров о его гностическом происхождении (по крайней мере у тех, кто продолжает использовать термин ***гностический***), поскольку в тексте непосредственно излагается гностический миф о том, как возникла божественная реальность (эоны, светила, своды, ангелы и т. д.) и как этот мир был создан низшим пантеоном богов.

Некоторые исследователи уже начинают утверждать, что в Евангелии от Иуды отражена сравнительно ранняя и примитивная стадия гностического знания, поскольку изложенная в нем мифология не столь хорошо развита, как в других текстах, как, например, в Тайной книге Иоанна и прочих, о которых я упоминал ранее. Но это мнение я считаю скорее ошибочным. Никто в наши дни не будет считать, что современный трактат о философии обыденного языка должен был быть написан до сочинений Витгенштейна, поскольку он менее сложный и в нем меньше нюансов. Также никто не станет утверждать о том, что некий современный роман должен был быть написан раньше «Мидддмарча» Джордж Элиот, поскольку образы его героев менее прорисованы, а сюжет не столь интересен.

С точки зрения хронологии разновидность гностицизма, представленная в Евангелии от Иуды, видимо, возникла после написания текстов Нового Завета, поскольку предполагается знание истории из Деяний апостолов о том, что новый ученик был добавлен к собранию апостолов после смерти Иуды, но раньше сочинений Иринея, который упоминает это Евангелие. Мы можем датировать эту разновидность гностицизма периодом от 90 до 180 г. н. э. Я предполагаю, что большинство исследователей отнесут время ее существования к середине этого периода, примерно 140–150 г. н. э.

Так или иначе, из этого текста нам не узнать, появился ли гностицизм раньше христианства, возник как родственное религиозное течение в то же время или уже после

христианства как еретическая разновидность христианской религии. В то же время из этого текста можно извлечь определенные аргументы в пользу того, что гностицизм, по крайней мере в той форме, в которой он проявляется здесь, не возник как реакция на христианство или как ответвление христианства, но что его истоки лежат в нехристианском иудаизме. Я укажу на факты, подкрепляющие данную позицию, в этой же главе.

Прежде чем перейти к вопросу о том, с каким видом гностицизма мы имеем дело в Евангелии от Иуды, необходимо дать общую информацию о разных видах гностицизма. Я согласен с теми исследователями, которые считают, что в древнем мире существовали обособленные группы гностиков. В то же время я считаю, что ситуация с гностицизмом была более запутанной, чем полагают ученые, для которых изучение данных текстов является смыслом жизни. Представление о том, что было несколько явно различавшихся групп гностиков: сифиане, гностики Фомы, валентиниане, — может быть, и верно, но не всегда точно отражает существующее положение вещей. Существует множество текстов, которые не подходят ни к одной из разновидностей. Другие же тексты несут черты сразу нескольких групп. Мне представляется, что было много групп гностиков в древнем мире, и между ними было много общего. Попытка четкого определения каждого текста с позиций одной из групп напоминает попытку спросить современную христианку: она баптистка, или мормонка, или католичка? Ответ, скорее всего, будет «никто из них». Однако это ведь не означает, что мы должны отказаться от термина «христианский», и также мы не должны отказываться от термина «гностический». Это просто означает то, что историческая реальность всегда гораздо более сложна, чем те категории, которые мы используем для ее понимания. При этом мы можем использовать более широкие или более узкие категории, которые в иных случаях перекрываются.

Евангелие от Иуды как сифианский гностический текст

Наиболее удачное представление о связях Евангелия с гностицизмом сразу после прочтения нами текста дал Марвин Мейер, который перевел текст Евангелия на английский (с помощью швейцарского редактора рукописи Родольфа Кассера и его немецкого помощника Грегора Вюрста). В замечаниях Мейера к переводу и в эссе, которое он включил в комментарий к тексту, он высказывает предположение о том, что Евангелие от Иуды можно счесть текстом сифианского гностицизма.[5]

Мейер является неоспоримым авторитетом. Его ранние труды в основном посвящены текстам из библиотеки Наг — Хаммади, которую он также помогал переводить. Он написал множество книг по раннему христианскому гностицизму и безусловно является одним из лучших исследователей этого направления в Северной Америке. Я полагаю, что со многими высказываниями Мейера можно согласиться и что читатели смогут понять гораздо лучше текст благодаря выявлению в нем характерных черт сифианского гностицизма.

Чтобы объяснить эти характерные черты, нужно сказать несколько слов о том, как сифианский гностицизм обычно определяется современными исследователями.[6] Данная разновидность гностицизма названа по имени Сифа, праведного сына Адама и Евы, рожденного ими после того, как их сын Авель был убит другим сыном Каином. Для этой группы гностиков Сиф стал мифологической фигурой. Он был не простым смертным, а первоначальным божественным существом, от которого произошли сами гностики и который пришел на землю, чтобы передать гнозис, который необходим для спасения. Иногда сифианские гностики называли себя «поколением Сифа» (что соответствует, по мнению Мейера, «тому поколению», упоминающемуся в Евангелии от Иуды в противовес «этому поколению» людей, не обладающих божественной искрой).

В сифианской версии гностического мифа существует своего рода божественная триада тех, кто возглавляет эоны Плеромы. Это Великий Невидимый Дух (Отец), Барбело (Мать) и Самозарожденный (Аутоген, Сын).[7] Все эти имена фигурируют в мифе о творении, изложенном в Евангелии от Иуды. К тому же изложение истории этих персонажей в

Евангелии от Иуды соответствует рассказам о них в более сложных сифианских мифологических текстах, таких как Тайная книга Иоанна.

Так, например, в самом начале рассказа Иисуса о том, как возникла божественная реальность, он упоминает о Великом Невидимом Духе. Гораздо больше говорится об этой верховной божественной сущности в Тайной книге Иоанна:

Он Дух незримый. Не подобает думать о нем как о богах или о чем-то подобном. Ибо он больше бога, ведь нет никого выше него, нет никого, кто был бы господином над ним. Он ни в каком бы то ни было подчинении, ибо все существует в нем одном… У него нет в чем бы то ни было недостатка, нет того, чем бы он мог быть пополнен. Но все время он полностью совершенен в свете… Он непостижим, ибо нет никого перед ним, кто постиг бы его… Он не телесный, не нетелесный. Он не большой, не малый. Нет возможности сказать, какого его количество… ибо никто не может постичь его. Он не из тех, кто существует, но много избраннее. Не так, как если бы он был избраннее по сравнению с другими, но то, что его, не причастно ни зону, ни времени. (Тайная книга Иоанна И, 3–4)[8]

К тому же в Евангелии от Иуды Иуда говорит Иисусу, что тот пришел из царствия Барбело. Она тоже часто присутствует в сифианских текстах. Опять-таки, из Тайной книги Иоанна становится понятно, что она первой возникла из Великого Невидимого Духа:

И его мысль выполнила действие, и она предстала перед ним в сиянии его света. Это первая сила, бывшая до всех эонов и открывшаяся в его мысли… Это… совершенная сила, то есть образ незримого девственного Духа совершенного. Она — сила, слава, Барбело, совершенная слава в зонах. (II, 4–5)

В тексте Евангелия от Иуды дело создания эонов и светил отводится Самозарожденному (Аутогену). Это верно и для Тайной книги Иоанна:

И святой Дух дал совершенство божественному Аутогену, сыну его и Барбело, так что тот предстал перед могущественным и незримым девственным Духом как божественный Аутоген, Христос, кому он (Дух) воздал славу громким голосом… Из света же, который есть Христос, и нерушимости через дар Духа (появились) четыре света из божественного Аутогена. (II, 7)

Другие части Евангелия от Иуды напоминают другие сифианские тексты, замечает Мейер. Например, в тексте из Наг — Хаммади, назывющемся Евангелие египтян, мы также можем найти упоминания Великого Невидимого Духа, Барбело и Аутогена (III, 40–41), а также великих светил и непогрешимого человека Адамаса (III, 51). Кроме того, глупые кровожадные боги — создатели Сак — Ла и Небруэль (в Евангелии от Иуды последний называется Небро) также присутствуют:

Затем Сакла, великий ангел, увидел великого демона, который был с ним, Небруэля. И они стали вместе порождающим духом земли. Они породили ангелов — помощников. Сакла сказал великому демону Небруэлю, пусть двенадцать эонов будут созданы в мире. (Евангелие египтян III, 57)[9]

В Евангблии египтян Сакла (также называемый Ялдабаофом в Евангелии от Иуды и других гностических текстах), очевидно, является ветхозаветным Богом: «После сотворения мира Сакла сказал своим ангелам: "Я, я ревнивый бог, и без моего ведома ничего не было создано"». Как и в Евангелии от Иуды, здесь он тоже дурак. Мы можем очень долго рассматривать параллели между Евангелием от Иуды и другими гностическими текстами, которые ученые относят к сифианским. Эти тексты помогают нам создать своеобразный контекст для понимания Евангелия: его мифология может показаться странной тому, кто знакомится с ней впервые, но для изучавших другие гностические труды, открытые в наше время, она не будет совсем непривычной.

В то же время я полагаю, что было бы ошибкой счесть Евангелие от Иуды сифианским текстом до мозга костей. Даже хотя в нем наблюдаются близкие параллели с другими

сифианскими текстами, некоторые различия также присутствуют. Возможно, эти различия проистекают из того, что у нас нет полного текста Евангелия от Иуды (как я уже говорил, утрачено 10–15 процентов из-за плохого обращения с рукописью в течение многих лет), или же, как я указывал раньше, из-за того, что некоторые гностические тексты (как Евангелие от Фомы) предполагают мифологические представления, которые они не описывают эксплицитно. Даже в этом случае маловажен тот факт, что имя Сифа играет самую небольшую роль в Евангелии °т Иуды. В фрагментарно сохранившихся отрывках Сиф, ***возможно***, упомянут как самый высокий правитель «того поколения» (49). Однако помимо этого его имя встречается только °Дин раз в числе пяти низших божеств, которые правят подземным миром и которые будут уничтожены в конце времен (54). Возможно, не стоит придавать такого большого значения тому факту; что рассказ о творении в Евангелии от Иуды отличается от других сифианских текстов — последние имеют множество отличий друг от друга. Однако примечательно, что многие из самых близких параллелей к творению божественного царства в Евангелии можно найти в текстах, которые обычно иг считаются сифианскими.

Как отмечает Мейер, многочисленные описания божественных эонов, светил и сводов в Евангелии от Иуды 49–50, к примеру, очень близки описаниям в гностическом тексте из Наг — Хаммади, не имеющем следов христианства, в несифианской книге, называемой Евгност Блаженный:[10]

Перворoдный, их отец, в скором времени создал двенадцать эонов для свиты двенадцати ангелов. И в каждом эоне — шесть (небес), общее число их семьдесят два — по числу сил, возникших из него.

И в каждом небе было по пять небесных сводов, всего — триста шестьдесят пять небесных сводов — по Числу сил, возникших из него. (III, 84–85)[11]

Это близкое сходство (некоторые из гностиков просто любили числа) привело меня к предположению о дополнительных связях с другими несифианскими текстами.

Темы, совпадающие с несифианскими текстами

Несложно провести основные параллели с некоторыми из наиболее известных несифианских текстов, просто для того, чтобы показать, насколько широкое поле для сравнений нам предоставлено.

Идея откровения

Большое количество гностических писаний содержит откровение, которое Иисус дает одному или нескольким своим последователям, часто (но не всегда) после воскресения. Такие тексты обычно называются диалогами откровения, они существуют во множестве отрывков и представляют собой множество учений. Евангелие от Иуды, очевидно, относится к такому типу текстов. В отличие от большинства остальных, оно содержит откровение, которое Иисус дал до своей смерти. Однако еще более необычным делает его то, что откровение дано не тому, кто всегда считался приближенным к Иисусу, но тому, кто всегда считался паршивой овцой в стаде. Откровение дано предполагаемому предателю.

Нет иичего похожего в других дошедших до нас гностических текстах, но есть нечто сравнимое. Как я упоминал ранее, Евангелие от Марии было обнаружено в 1896 г., хотя опубликовали его только через пятьдесят пять лет. Это Евангелие не так давно получило большую популярность у некоторых ученых и массы непрофессионалов, потому что в нем Марии Магдалине которая не была в числе двенадцати апостолов (мужчин), было отведено почетное место.[12]

Евангелие от Марии построено именно на том, что откровение Христа может быть даровано тому, кто не входил в группу одиннадцати верных учеников. У нас нет первых шести страниц текста, однако там, где он начинается, Иисус учит своих учеников, объясняя им, что материальный мир — вещь нестоящая, поскольку он совершенно испорчен. Затем он уходит от них, а они остаются в смятении, опасаясь за свои жизни («если они не сберегли его, как они сберегут нас») — забыв все, что Иисус говорил им о несущественности материального мира. Приходит Мария и утешает их, побудив Петра попросить ее рассказать им, что Иисус поведал ей. Мария начинает рассказывать видение, которое у нее было о Христе. К сожалению, недостает четырех страниц именно в этом месте, однако, когда текст возобновляется, Мария описывает, как человеческая душа, обладающая знанием, может преодолеть это материальное царство невежества и вернуться в свой небесный дом. Когда она заканчивает описывать откровение, среди учеников — мужчин начинается спор, некоторые (в том числе и вспыльчивый Петр) не могут поверить, что Спаситель дал такое важное откровение Марии, из всех людей — ***женщине.*** Почему он не открыл его им, мужчинам? В конце концов вмешивается Левий и убеждает их принять слова Марии и пойти проповедовать Евангелие, что они и делают.

Здесь, как и в Евангелии от Иуды, гностическое откровение дается тому, кто не входит в группу апостолов (в традиционном понимании), тому, про кого вы бы подумали в последнюю очередь — не предателю, так женщине.

Земные обличил Иисуса

Одна из первых вещей, сказанных об Иисусе в Евангелии от Иуды, это то, что «зачастую он не являлся своим ученикам в своем настоящем виде, а находился среди них в образе ребенка» (33:19–20). Это последнее слово трудно для перевода. Это коптское слово встречается крайне редко, и скорее может означать «призрак», чем «ребенок».[13] В любом случае ясно, что Иисус мог менять свой облик по желанию, как следует из этого текста — эту идею можно найти и в других раннехристианских сочинениях. Одно из мест, из которого она лучше всего известна — это не гностические сочинения из Наг — Хаммади, а вымышленная история о миссионерской деятельности апостола Иоанна, известная как Деяния Иоанна.

Деяния Иоанна — очень интересная книга, так как в ней описываются многочисленные чудеса, которые совершил апостол, когда распространял учение Иисуса после его смерти. В частности, как оказалось, у Иоанна была удивительная способность воскрешать мертвых. В Деяниях Иоанна есть одно место, которое не очень хорошо согласуется с остальной частью книги. Ученые часто думали, что этот отрывок взят из другой книги и добавлен в Деяния Иоанна неизвестным писцом по неизвестной причине. В этой книге Иоанн описывает свои отношения с Иисусом и отмечает, что Иисус мог изменять свой внешний облик, потому что не был человеком из плоти и крови. Одно из его обличий — ребенок.

Иоанн рассказывает, что он был в лодке со своим братом Иаковом, вместе с Петром и Андреем, когда увидели, что кто-то (Иисус) манит их с берега:

И мой брат сказал: «Тот ребенок на берегу, который зовет нас, чего он хочет?» А я спросил: «Какой ребенок?» Он ответил: «Тот, который зовет нас». И я ответил: «Мы слишком долго смотрели на море, поэтому ты видишь неправильно, брат Иаков; но разве ты не видишь, что там стоит мужчина, благообразный и спокойный?» (Деяния Иоанна, 88)[14]

Они подплыли к берегу и увидели того, кто звал их, однако его внешность опять изменилась:

Мне он показался бритым наголо, но с густой струящейся бородой; однако Иакову он явился в виде юноши, у которого борода только пробивалась. (Деяния Иоанна, 89)

Иоанн продолжает описывать замечательное тело Иисуса и его свойства:

Я старался разглядеть, каков он, и я никогда не видел, чтобы у него закрывались глаза: они всегда были открыты. И иногда он казался мне маленьким непривлекательным человечком, а затем снова как будто достающим до неба. Было в нем еще одно удивительно: когда я садился за стол, он привлекал меня к себе на грудь, и я дотрагивался до него; иногда его грудь казалась мне ровной и мягкой, а иногда твердой как камень, так что я изумился и сказал: «Что это значит?» (Деяния Иоанна 89)

Чудеса продолжались. Как скажет Иоанн позже:

Про другую удивительную вещь я расскажу вам, братья. Некогда, желая удержать Иисуса… я осязал Его в материальном теле; но когда в другой раз я осязал Его, то под моей рукой оказалось нечто невещественное и бестелесное и как будто бы даже ничего под нею не было… И часто, когда я прогуливался вместе с ним, я хотел увидеть, появляется ли на земле отпечаток его ноги — потому что я видел, как она отрывается от земли — но я никогда его не видел. (Деяния Иоанна, 95)

То же самое и в Евангелии от Иуды: Иисус предстает существом полиморфным, могущим изменять облик по своей воле, а не реальным человеком из плоти и крови.

Христос, облеченный плотью

Как я упоминал в более ранней главе, точка зрения, согласно которой Иисус не был реальным человеком, называется докетизм, от греческого слова ***dokeo***, которое означает «казаться». Для докетов, таких как авторы этих отрывков из Деяний Иоанна и Евангелия от Иуды, Иисус не был реальным человеком, но только казался им.

Отличная от этой докетическая точка зрения, которой придерживались другие гностики, состояла в том, что Иисус был человеком, в котором нашел себе временное обиталище божественный эон, Христос. Такое понимание тоже предполагает, что Христос не страдал по — настоящему. В этом случае не потому, что он был иллюзией, а потом); что Христос отделился от человека Иисуса перед смертью.

С логической точки зрения эти два вида докетизма весьма отличаются друг от друга. Однако на самом деле периодически в одном и том же гностическом тексте встречаются ***обе*** позиции. Это, судя по всему, происходит и в Евангелии от Иуды, поскольку в конце книги присутствует столь важная для нас фраза из отрывка, в котором Иисус восхваляет Иуду как превосходящего всех остальных апостолов: «Ты принесешь в жертву человека, чьим телом я облечен». В таком понимании тело Иисуса представляет собой временное вместилище его духа, которое должно быть уничтожено для возвращения духа в небесные реалии.

Другой гностический текст, в котором соединяются две разновидности докетизма, назван по имени Сифа, хотя в нем не так уж много очевидных параллелей с сифианскими гностическими текстами. Это Второй трактат великого Сифа (причем имя Сиф ни разу не встречается в тексте за исключением названия). И здесь мы встречаем фразы, из которых становится ясно, что тело Иисуса является лишь временным местом пребывания Христа. В начале трактата Иисус говорит: «Я посетил телесный дом, я изгнал того, кто был там изначально, и вошел (в него). И все множество архонтов встревожилось». (Второй трактат, 51)[15]

С Другой стороны, из некоторых отрывков мы можем сделать предположение, что тело Иисуса является не более чем призраком:

Но я нисколько не пострадал. Они… подвергли меня мучениям, и я умер, [но] не на самом деле, а только по видимости, так как они подвергли меня оскорблениям, но каждое из них исходило от меня самого. (Второй трактат, 55)

И здесь снова, как и в Деяниях Иоанна, Иисус умеет менять обличие: «Ведь я изменял свои формы, преображаясь из одного вида в другой». (Второй трактат, 56) Умение менять формы послужило основой для весьма странной и исключительной ситуации, связанной с распятием Иисуса:

Они видели, что я был подвергнут мучениям, [но] это был другой. Это был их отец, который пил желчь и уксус, а не я. Они били меня тростью, [но] это был не я. Тот, кто нес крест на плечах своих — это был Симон. Это был другой, на которого возложили терновый венец. Я же радовался в вышних над всем владением архонтов и семенем их заблуждения и тщеславия. И я смеялся над их невежеством. (Второй трактат, 56)

В Евангелии от Иуды мы тоже встречались со смеющимся Иисусом. Прежде чем я остановлюсь подробно на этом моменте, зададимся вопросом о том, какой смысл может быть вложен в то, что пытали и распяли не самого Христа? Этот отрывок напоминает учение гностического проповедника Василида, жившего в начале II в. Он упоминается в сочинениях борца с ересями Иринея. Согласно Иринею, Василид тоже проповедовал, что Иисус мог менять облик по желанию, и, когда Симон Киренеянин нес его крест на место распятия (см. Марк 15:21), Иисус совершил подмену. Он принял вид Симона Киренеянина и заставил Симона принять его (Иисуса) облик. Поэтому римляне распяли другого человека. Иисус стоял у креста в облике Симона и смеялся своей проделке (Ириней, «Против ересей», 1, 24, 3).

То же происходит и во Втором трактате великого Сифа: Иисус меняет свое обличие и, к великому ликованию, вместо него к кресту пригвождают Симона.

Христос смеется над невежеством

Что означает весь этот смех? В библиотеке Наг — Хаммади есть еще один текст, близкий Второму трактату великого Сифа, называющийся Коптский апокалипсис Петра.[16] И здесь Иисус смеется над актом своего распятия, но уже не по причине подмены облика, а потому, что те, кто думал, что ему вредят, не осознают его божественной сущности, которая находится за пределами страданий и боли. Его убить нельзя, убить можно только его смертную оболочку.

В этой истории апостол Петр беседует с Христом и вдруг неожиданно видит, что вдалеке толпа ловит и распинает Христа. Вслед за тем он видит еще и третьего Христа у креста, на котором висит второй, и этот третий Христос смеется. Не нужно объяснять, почему Петр абсолютно смущен и ошеломлен увиденным:

Как только он сказал это, увидел я, как он был схвачен ими. И сказал я: «Что я вижу, о Господи? Ты ли это, которого они хватают, когда ты держишься за меня? Или кто этот тот, который стоит у креста, радостный и улыбающийся? Это кто-то другой, а не тот, чьи ноги и руки они приколачивают гвоздями?» (Апокалипсис Петра, 8[1])[17]

Иисус объясняет, что тот, смеющийся у креста, и есть «живой Иисус». Тот же, кого распяли, не более чем «его плотская оболочка, которая всего лишь отражение. Они предают позору то, что является его подобием» (81). Впоследствии смеющийся поверх креста Иисус приближается к Петру со следующими словами:

Будь сильным! Ибо тебе были даны тайны познать через откровение, что тот, кого они распяли, является первородным, домом бесов и сосудом, в котором они обитают и который принадлежит Элохиму…

…Тот же, который стоит возле него, это живой Спаситель, первая часть от того, которого они схватили… Поэтому он смеется над их непониманием… Так вот останется то, что подвержено страданию, поскольку тело это подобие. А то, что было освобождено, это мое бестелесное тело.

В Евангелии Иуды одного из богов — создателей звали Эль. Здесь его называют Элохим, это множественное число того же слова, и в этом виде оно чаще встречается на страницах еврейской Библии. Этому создателю принадлежит тело, но внутренняя сущность — божественный элемент — внетелесен и неподвластен страданию. Когда убивают тело, подмену реальной личности, освобождается внутренняя сущность. Подобная трактовка весьма близка к тексту Евангелия от Иуды.

Обратите внимание, что и здесь Иисус представлен смеющимся. Его смех направлен против невежества этого мира, который считает, что знает Иисуса. Но те в этом мире, кто знал его «во плоти», не знают о нем ничего — равно как и ученики в Евангелии от Иуды, над которыми Иисус смеется, когда они заявляют, что он является сыном того Бога, который создал этот мир.

Полемика с представителями ортодоксальной церкви

Можно добавить еще несколько слов о смехе Иисуса. В Евангелии от Иуды и в обоих трактатах Наг — Хаммади, о которых я уже упоминал, во Втором трактате великого Сифа и в Коптском апокалипсисе Петра, Иисус смеется над теми, кто его не понимает. При этом меньше всего его понимают даже илимские легионеры, пытающиеся его распять, а собственные последователи, которые полагают, что хорошо знают его. Во время написания данных текстов считалось, что лучше всего знают Христа представители ортодоксального христианства. Но в соответствии с гностическими текстами эти христиане пребывают в серьезном заблуждении. Они перепутали внешнее обличье Иисуса с его внутренней реальностью.

Этот момент наиболее очевиден в Коптском апокалипсисе Петра. Спаситель начинает разговор с Петром со следующих слов:

Я говорил тебе, что они слепы и глухи. Теперь же послушай то, что будет сказано тебе в тайне, и сохрани это. Не рассказывай этого сынам века сего. Ведь они будут поносить тебя в этом веке… Но когда узнают, будут тебя прославлять. (Апокалипсис Петра, 73)

Так же как и Иуде придется пережить тяжелое решение в Евангелии от Иуды, так и на Петра будут гонения в соответствии с Апокалипсисом, названным его именем. Однако Иуда в первом тексте и Петр во втором находятся на стороне знания; и им будут открыты великие тайны; и они превзойдут всех остальных. Ведь остальные «неразумные» (Апокалипсис Петра, 74).

Коптский апокалипсис Петра дает нам следующее объяснение того, что не в силах понять невежественные. Они думают, что смерть Иисуса привела к спасению: «И они прославляют людей, которые распространяют ложь, те, которые будут после тебя [то есть представителей ортодоксальных церквей]. И они будут привержены имени мертвеца, думая, что они очистятся [то есть они думают, что спасительной является смерть Иисуса]». Впоследствии нам сообщают, что эти лживые лидеры — не кто иные, как епископ и дьяконы. Но они не могут быть источником живого учения истины: «Они — лишь каналы безводные».

Мы видели, что в Евангелии от Иуды представители ортодоксальных церквей подвергались критике за их неверное представление о Христе. В данном случае Евангелие от Иуды составляет часть традиции, известной из двух других (несифианских) гностических текстов, найденных в Наг — Хаммади.

Параллели с Евангелием от Фомы

Когда я впервые прочел Евангелие от Иуды, меня особенно поразило то, как много общего у этого текста с одним из других трактатов Наг — Хаммади, а именно с самым знаменитым из них, Евангелием от Фомы. Евангелие от Фомы, как я уже упоминал, является собранием 114 высказываний Иисуса. В Евангелии нет повествования как такового: ни о деяниях Иисуса, ни о его чудесах, превращениях, Тайной вечере, нет описания страстей, ареста, суда, смерти и воскресения. В книге одно высказывание следует за другим. Единственным повествовательным элементом являются вопросы учеников Иисуса, на которые он не отвечает.

Евангелие от Иуды, разумеется, принадлежит к совсем другому жанру. В нем есть повествовательное оформление рассказа — появление Иисуса перед учениками и его исчезновение. К тому же все его высказывания приведены в форме бесед, а не изолированных утверждений. Вместе с тем теологические концепции двух Евангелий во многом схожи, о чем я более подробно расскажу в следующей главе. Для обоих авторов не так уж важно, что сделал Иисус (творил ли он чудеса, о которых лишь вкратце упоминается в Евангелии от Иуды и вовсе не упоминается в Евангелии от Фомы), его смерть и воскресение (о которых также не упоминается) не наделяются центральным смыслом. Важно лишь то, что он сказал. И вечная жизнь за теми, кто поймет это учение.

Эти мысли подробно приводятся в начале Евангелия от Фомы, которое начинается со следующих строк:

Это тайные слова, которые сказал Иисус живой и которые записал Дидим Иуда Фома. И он сказал: «Тот, кто обретает истолкование этих слов, не вкусит смерти». [18]

Точно так же как Евангелие от Иуды начинается с фразы, что это есть «тайное сообщение об откровении, которое Иисус высказал», так и Евангелие от Фомы начинается с «тайных слов, которые сказал Иисус живой». И далее они во многом схожи, в частности одинаковым теологическим подходом к спасению.

Схожей является не только общая теологическая подоплека, но и отдельные эпизоды. Я приведу здесь лишь несколько примеров:

1. Когда Иисус открывает свое откровение о создании мира Иуде, он говорит о том, чего «не зрели ангелы, не постигала душа, и никогда не называли по имени». Это напоминает высказывание апостола Павла в Первом послании к коринфянам 2:9, когда он говорит: «не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку».

Но это также напоминает текст из Евангелия от Фомы, 18: «Иисус сказал: Я дам вам то, чего не видел глаз, и то, чего не слышало ухо, и то, чего не коснулась рука, и то, что не вошло в сердце человека».

2. Когда Иуда, единственный из учеников, умудряется выстоять перед Иисусом, он не может смотреть ему в лицо и отводит взгляд. Это сильно напоминает слова из Евангелия от Фомы, 51, о том, что никто не может посмотреть в глаза Иоанну Крестителю, ибо «из рожденных женами нет выше Иоанна Крестителя».

3. В Евангелии от Иуды только Иуда получает тайное знание; в Евангелии от Фомы знание получает только Фома. В обеих книгах другие ученики демонстрируют полное непонимание Иисуса. В Евангелии от Иуды они ошибочно полагают, что он сын их собственного бога (то есть создателя); однако Иуда заявляет о том, что Иисус пришел из царствия Барбело и что «Я не достоин раскрыть имя пославшего тебя». Так и в Евангелии от Фомы другие ученики, такие как Симон Петр и Матфей, неверно понимают личность Иисуса, Фома же говорит: «Господи, мои уста никак не примут сказать, на кого ты похож» (Евангелие от Фомы, 13). В обоих случаях после этого Иисус отводит своего ближайшего ученика в сторону, чтобы поведать ему о скрытых тайнах. В обоих случаях мы не узнаем, что это за тайны. Но в обоих случаях вернейший ученик Иисуса противопоставлен другим. В Евангелии от Фомы Фома говорит другим ученикам, что, если он откроет им то, что сказал Иисус, «вы

возьмете камни, бросите их в меня». В Евангелии от Иуды нам говорят, что Иуда будет заменен, чтобы «двенадцать [учеников] снова могли соединиться со своим Богом».

4. Предположение в Евангелии от Фомы, что Фому забросают камнями, напоминает видение из Евангелия от Иуды, в котором Иуда вынужден спросить у Иисуса, что означает видение других учеников, забрасывающих его камнями.

5. В Евангелии от Иуды ученики видят жертвоприношения, приносимые в Храме, и хотят знать смысл этих видений. Слова Иисуса отражают представление о том, что эта традиционная форма еврейского служения противоречит Богу и что его именем приносятся в жертву люди, которые последуют за его учениками с их ошибочным уче — нием. В Евангелии от Фомы традиционные формы поклонения евреев также подвергаются критике как противоречащие Богу: «Иисус сказал: Если вы поститесь, вы зародите в себе грех, и, если вы молитесь, вы будете осуждены, и, если вы подаете милостыню, вы причините зло вашему духу». (Евангелие от Фомы, 14)

Можно указать еще на множество параллелей, но я думаю, что этого достаточно. Евангелие от Иисуса обладает сходством не только с сочинениями сифианских гностиков (особенно в мифологической составляющей), но и с несифианскими гностическими текстами. Более того, оно обладает поразительным сходством с текстами религиозных движений того времени, которые вовсе не были гностическими.

Параллели с учением Маркиона

Маркион был вероучителем, жившим во II в., расцвет его деятельности пришелся как раз на время, когда, как считается, было написано Евангелие от Иуды — середину II в. Он не был гностиком: он не верил, что есть Плерома, наполненная множеством божественных эонов, светил, сводов и так далее, не думал, что спасение может прийти через получение тайного знания свыше. Однако некоторые его воззрения были похожи на воззрения гностиков.

Отправной точкой учения Маркиона стали Послания апостола Павла, который утверждал, что спасение пришло ко всем — и к евреям, и к неевреям — через Евангелие о смерти и воскресении Христа. Для Павла именно Евангелие, а не еврейский закон, спасает человека перед Богом. Маркион считал, что это различие между законом и Евангелием влечет за собой казавшийся ему естественным вывод: бог, который дал (суровый) еврейский закон, не может быть тем Богом, который дал (милосердное) христианское Евангелие. Бог Ветхого Завета — это совсем не Бог Иисуса и его последователя Павла.

Согласно Маркиону, бог Ветхого Завета — это тот, кто сотворил этот мир, выбрал евреев своим народом, дал им закон, а затем наказал их, а также и других за то, что они не исполняли его закона. Бог Иисуса никогда не действовал в этом мире до появления в нем Иисуса. Этот Бог выше ветхозаветного бога, он послал Иисуса в видимости человеческого облика (то есть как призрак, иллюзию), чтобы спасти людей от сурового правосудия еврейского бога. Этот Иисус очевидным образом умер на кресте. Люди смогли поверить в его смерть и были спасены, потому что справедливый бог, который создал этот мир, посчитал эту смерть спасительной для других (поскольку Иисус умер не за свои грехи).

Согласно Маркион), ученики Иисуса так и не поняли, что он не был сыном бога — творца. Они следовали еврейскому закону и после его смерти, и Богу Иисуса пришлось вмешаться еще раз, чтобы показать людям истинный путь к спасению. Иисус явился Павлу по дороге в Дамаск, сообщил ему правду о Евангелии и послал его обращать всех вере в Евангелие, а не следованию закону.

Даже краткое обобщение учений Маркиона показывает некоторое количество параллелей с Евангелием от Иуды:

1. Вог, который создал этот мир, не был истинным Богом и не был отцом Иисуса; Иисус представляет другого Бога.

2. Иисус — это не человек из плоти икрови (напр., в Евангелии от Иуды он может менять свой облик по своему желанию).

3. Те, кто молится еврейскому богу — творцу, отходят от пути спасения.

4. Ученики Иисуса так и не поняли правду, но решили, что им следует продолжать следовать еврейской религии (ср. видение о жертвах в Храме в Евангелии от Иуды).

5. Только один человек вне этих двенадцати понял правду об Иисусе (либо изгнанный Иуда, либо пришедший позже Павел).

Я, конечно, не хочу заявить, что Евангелие от Иуды является маркионитским (а не гностическим) текстом. Однако я утверждаю, что во II в. существовало множество религиозных воззрений и групп, влиявших друг на друга. Обнаружение новых текстов просто показывает нам, насколько пестрым был христианский мир II в. и насколько тяжело провести в нем четкие разграничения.

Параллели с еврейскими и христианскими апокалиптическими учениями

Читая и перечитывая Евангелие от Иуды, я наталкиваюсь еще на одну особенность, которая продолжает поражать меня. Это не показалось бы очевидным тому, кто читает Евангелие в первый раз. И, конечно же, это не стало очевидным для меня при первом прочтении. Но чем больше я читал, тем больше видел ее. Не очень далеко под поверхностью гностического текста, как оказалось, лежат останки того, что мы можем назвать апокалиптическим учением. Глядя на. эти остатки и понимая, что они собой представляют, мы можем понять, откуда появилось это Евангелие и (как утверждают некоторые) сам гностицизм.

Сначала мне нужно сделать некоторые вводные пояснения о том древнем религиозном явлении, которое ученые назвали апокалиптикой. Слово происходит от греческого ***apokalypsis***, которое означает «откровение». Еврейские апокалиптики считали, что Бог открыл им небесные тайны, которые придали смысл земной реальности.

Еврейская апокалиптика может быть твердо датирована II в. до Рождества Христова. Она появилась как интеллектуальное движение среди евреев, которые пытались объяснить страдания людей Бога в мире, которым предположительно Бог и управлял. Многие века еврейские пророки утверждали, что люди страдают, потому что они наказаны Богом, и, если люди вернутся к Богу и его путям, он облегчит эти страдания и позволит людям жить счастливо.

Однако почему именно ***праведные*** люди страдают? Как объяснить то, что некоторые страдают именно потому, что выполняют заповеди Бога — иногда страдают ужасно, болеют, их пытают и наказывают? Как объяснить, что, когда народ Бога — Израиль- вернулся к Богу, раскаявшись, он продолжал переживать болезненные неудачи: чума, засуха, голод, военное поражение, унижения в руках врага? Как можно объяснить, что те, кто на стороне Бога, продолжают страдать?

Примерно за 150 лет до Христа некоторые еврейские мыслители стали отрицать то, что утверждали пророки, и сказали, что страдание приходит не как наказание за грехи. Страдание, по их мнению, исходит не от Бога. Наоборот, страдания насылает враг Бога, дьявол. Те, кто на стороне Бога, страдают в этом мире, потому что есть силы зла, направленные против Бога, задача которых — стереть людей Бога с лица земли. Эти силы зла используют все формы боли и страданий, чтобы совершить свое мерзкое дело.

Еврейские апокалиптики, короче говоря, развили дуалистическое видение мира. Есть Бог и есть дьявол. Каждая сторона наделена сверхъестественными силами: как Бог и его ангелы, так и **дьявол** и его бесы. Более того, как Бог дает жизнь, так и дьявол приносит смерть. Так же, как праведность на стороне Бога, так и грех на стороне дьявола. Грех и смерть — это космические демонические силы, противодействующие Богу. Грехи порабощают

людей и удаляют их от божественного присутствия; когда они завершают свою работу, они передают людей силам смерти, и те их уничтожают.

Дуализм добра и зла нашел свое выражение в историческом сценарии, — в котором нынешняя эпоха — это эпоха зла, управляемая дьяволом и его приспешниками. Однако следующая эпоха станет эпохой добра, в которой Бог свергнет силы зла и принесет свое Царство добра. Апокалиптики не считали, что мы можем улучшить нашу судьбу в этом мире собственными силами. Зло правит миром, и оно будет усиливать свою хватку до самого конца, когда буквально весь ад прорвется наружу.

Однако потом, в конце, вмешается Бог. Он войдет в историю, сбросит силы зла и принесет на землю свое Царство, в котором больше не будет зла, боли, страданий, голода, засухи, эпидемий и войн, унижений и смерти. Более того, это утопическое Царство предназначалось не только для тех, кто окажется жив, когда придет конец; оно для всех тех, кто был на стороне Бога, потому что в конце времен Бог поднимет людей из мертвых для вечной жизни. Тем, кто был на стороне Бога и в результате страдал, будет дана вечная награда. Тем, кто был против Бога, будет послано вечное проклятие.

Когда это случится? Очень скоро. Еврейские апокалиптики утверждали, что конец света неизбежен и очень близок. Они утверждали: страдание достигло апогея и люди должны подождать еще совсем немного, пока Бог не вмешается в ход истории и не разрушит все, что противостоит ему, привнеся свое Царство. «Истинно говорю я вам, есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят, что Царствие Божие, пришедшее в силе». Таковы слова Иисуса (Марк 9:1), которые входят в целый ряд высказываний Иисуса, выражающих его апокалиптическое видение мира. В следующей главе я буду развивать мысль о том, что Иисус и его последователи, вместе с Иудой Искариотом, были по сути евреями — апокалиптиками, которые верили, что живут в конце времен. ческие тексты обычно содержали в себе апокалиптический элемент.[20] Но как такое могло быть, если учесть, насколько были различны представления о Боге у апокалиптиков и гностиков?

Стоит задать этот вопрос в более широком контексте, потому что апокалиптический характер некоторых гностических текстов — это не единственная их загадочная черта. Многие из этих текстов, конечно же, кажутся совершенно антиеврейскими. Еврейский бог, в конце концов, изображен как дурак или как кровожадный маньяк, и цель учения — избежать его владычества. Однако почему вообще гностические тексты одержимы еврейским богом? Почему не каким-то другим богом?

Поразительно, что многие гностические тексты кажутся основанными на некоторой разновидности еврейской мысли. Большая их часть представляет собой творческое прочтение книги Бытие, например. И не только это, некоторые слова и имена, часто встречающиеся в этих гностических тестах, имеют еврейские корни. Только в Евангелии от Иуды, например, есть бог Эль (имя Бога в Ветхом Завете), бог Сакла (арамейское слово в оригинальном греческом тексте), Ялдабаоф (который напоминает Яхве, Господа Саваофа), и так далее.[21]

Как я отметил в начале этой главы, ученые много спорили об истоках гностицизма. Я считаю, что гностицизм — или по меньшей мере некоторые формы гностицизма — появился как еврейская реакция на апокалиптические предсказания, которые так и не материализовались.[22]

Гностицизм как неудавшаяся еврейская апокалиптика

Как я указывал раньше, еврейская апокалиптика возникла из неудавшегося пророческого движения. Пророки говорили, что страдание приходит как наказание за грех, они призывали еврейский народ вернуться на путь Бога, чтобы страдания прекратились. Однако страдания не прекратились, даже когда сыны Израиля раскаялись. Это привело к радикальному изменению в сознании: может быть, Бог действительно не управляет этим

миром, а им управляет дьявол? Так начинается апокалиптическое мышление, согласно которому даже если Бог в конечном счете и управлял миром, он на время ослабил это управление. Согласно этой точке зрения, Бог не вызывал страдания; это делал дьявол и его силы. Однако скоро Бог вмешается, сбросит силы зла и принесет на землю прекрасное Царство.

Что происходит с еврейскими апокалиптиками, когда скорый конец, который они предрекают, так и не наступает? Что происходит, когда страдание продолжается, и даже становится сильнее, и конца ему не видно? Что происходит, когда оказывается, что сильг, которые правят этим миром, правят постоянно, а не временно, и материальный мир, в котором мы живем, сам становится источником страдания? Одна из вещей, которые происходят, — это радикальное переосмысление апокалиптической теологии.

Согласно этому все еще новому направлению мысли, Бог не полностью правит этим миром. Бог находится далеко от этого мира и никогда не интересовался им. Этот мир материален, но истинный Бог, поскольку он не связан с этим миром, должен быть полностью духом. И, кажется, материальный мир не создан истинным Богом. Материальный мир — это космическая катастрофа. Это то, что приводит к боли. Материальный мир мог быть явлен только силами зла или по крайней мере совершенно невежественными божествами. И мы здесь пленены этими существами, и нам нужно узнать, как спастись. Спасение не придет в какой-то момент в будущем, когда истинный Бог вновь утвердит свою власть над этим творением. Это не его творение, и он не собирается возвращать его себе. Спасение придет, когда он удалит нас из этого мира. Это может случиться, только когда мы узнаем, как мы сюда пришли и как мы можем отсюда спастись.

Различные гностические системы — хотя бы некоторые из них — были основаны на радикально новом мировоззрении. Их истоки можно найти в апокалиптической еврейской мысли. Тогда становится понятным, почему многие гностики испытывали столь жгучий интерес к первой книге еврейской Библии, книги Бытие, в которой описывалось «сотворение» материального мира. По этой же причине многие имена божеств в гностических текстах имеют арамейское происхождение (по языку палестинских евреев) или взяты из ветхозаветного текста. И это же причина того, почему в рассматриваемых нами гностических текстах много апокалиптических мотивов. Эти тексты были составлены людьми, которые отвернулись от своих корней в еврейской апокалиптической традиции.

Однако, как это всегда получается, когда люди переселяются на новую неисследованную территорию, они приносят с собой какой-то багаж. Для тех мыслителей, которые восприняли гностическое мировоззрение, этот багаж включал фрагменты более ранних апокалиптических воззрений, таких как те, которые содержатся в Евангелии от Иуды.

Глава 8. Иисус, Иуда и двенадцать апостолов в Евангелии от Иуды

Когда ученые разговаривают с обычными людьми, они очень часто указывают им на то, чем тем следовало бы заинтересоваться. И это не обязательно плохо. В конечном счете это может быть даже очень хорошо. Невероятное количество часов ученые проводят в исследовании таких тем, о которых большинство других людей думают лишь иногда по вечерам или в свободное время. Но еще одним существенным следствием этого разделения является то, что исследователи, как правило, на все смотрят несколько иначе и делают другие выводы. Так, большинство исследователей при прочтении Евангелия от Иуды захотят найти ответы на вопросы, касающиеся соотношения данного текста с другими историческими документами раннего христианства и точного определения формы христианского гностицизма, выраженного в Евангелии. Обычные же читатели больше всего хотят узнать, как в книге описываются основные герои: Иисус, двенадцать апостолов и Иуда. Оба подхода абсолютно законны.

Я уже написал определенные вещи о соотношении данного Евангелия с гностицизмом. А что можно сказать о главных героях текста, вопросе, вызывающем интерес у широкой аудитории? Как в тексте описывается Иисус и другие персонажи?

Иисус в Евангелиях

В Евангелии от Марка, которое является самым ранним из дошедших до нас Евангелий, Иисус вопрошает своих учеников: «За кого почитают меня люди?» (Марк 8:27) Этот вопрос возникал неоднократно в течение многих столетий, и те ученые, которые посвятили всю свою жизнь изучению древних текстов об Иисусе, написанных на языках оригинала (греческом, коптском, латыни, сирийском и др.), давали на этот вопрос совершенно разные ответы. Некоторые ученые утверждали, что Иисус был революционной политической фигурой, и его целью было освобождение Земли обетованной из-под ига римских завоевателей. Другие ученые настаивали на том, что его приоритеты находились в сфере радикальных социальных преобразований: в изменении общественных ценностей в жизни людей. Другие исследователи полагали, что ему было близко многое из того, что имеет отношение к современному обществу, что он был протомарксистом или протофеминистом. Есть и те, кто считает, что Иисус не интересовался политическими и социальными реформами, а был обычным еврейским раввином, ищущим внутреннего мира и гармонии, и его основной целью было создание отношений любви и заботы друг о друге среди последователей. Другие ученые полагают, что он был еврейским святым, который мог творить чудеса, показывая, насколько он близок к Богу, чтобы его последователи также захотели ощутить эту близость. Некоторые высказывают мнение, что Иисус во многом схож с философами школы киников, захотевшими внушить своим последователям идею о приоритете духовных реалий над миром материальным. Судя по всему, большинство исследователей последнего столетия склонялись к мнению о том, что в Иисусе можно увидеть проповедника апокалиптического толка, заявляющего о том, что Бог победит в этом мире силы зла и приведет к своему Царству на земле, чтобы более не было страданий, боли и несчастий.[1]

Мнения современных исследователей об Иисусе расходятся, так же обстояло дело и с ранними христианскими писателями. И точно так же, как в современных подходах есть много противоречий, мы находим противоречия в ранних источниках. Я не буду перечислять все возможные варианты противоречий: на эту тему потребовалась бы отдельная книга. Но я упомяну о нескольких представлениях того времени, которые находились на разных полюсах спектра теологических воззрений. Это поможет нам в кристаллизации тех воззрений, которые мы находим в Евангелии от Иуды.

Иисус в сочинениях апостола Павла

Апостол Павел не был последователем Иисуса при его жизни. В соответствии с книгой Деяния апостолов и сочинениями самого Павла, он был одним из главных врагов и гонителей последователей Иисуса вскоре после распятия. Но на одном из наиболее значительных витков христианской истории Павел сумел преобразиться из врага Христа в его главного последователя и проповедника. Гонитель стал приверженцем, и во многом именно усилия Павла по распространению евангельских идей среди неевреев (язычников) привели к десемитизации данной религии в первые десятилетия ее существования. Павел основывал церкви, приобщая бывших язычников к вере в единого Бога евреев и в его сына Иисуса, который умер за людские грехи и воскрес из мертвых. После основания церкви в одном месте он уезжал в другое с той же целью. Разумеется, он получал много информации о жизни тех общин, которые покидал, и поэтому написал много писем, чтобы ответить на вопросы и проблемы, которые возникали в общинах. Новозаветные Послания Павла составляют часть этих писем. Это отрывки из переписки, которая велась между основателем церкви и обеспокоенными представителями общин.

В этих Посланиях Павел разбирает большое количество вопросов, каждый раз исходя из поставленной перед ним проблемы. По этой причине в письмах не отражен весь комплекс представлений Павла о мире. В Посланиях разбираются только ситуации, которые были актуальны на тот момент. Однако Послания являются неоценимым источником для исследователей, интересующихся жизнью набиравших силу христианских общин в двадцати — тридцатилетний период, последовавший за смертью Иисуса. Эти Послания являются для нас наиболее верным (и, как правило, единственным источником информации) об основных идеях самого Павла.

Мысли Павла об Иисусе, особенно те важные аспекты, которые он выделял в учении Иисуса, разительно отличаются от представлений автора Евангелия от Иуды. Как и предполагалось, у Павла было множество идей относительно Иисуса. Ведь Павел был, по его собственному признанию, апостолом Христа, посланным с миссией распространения евангельского учения в средиземноморских странах, пока не наступит конец мира и Иисус не вернется в качестве судьи. При этом следует подчеркнуть, что Павел практически ничего не говорит о земной жизни Иисуса. Для Павла самым существенным в жизни Иисуса было его распятие и воскресение из мертвых Божией волей. Все предшествующие этому события особого значения не имели.

Студенты начальных курсов порой не верят этому. И тогда я даю им небольшое задание. Я задаю им прочесть Послания Павла и написать свой собственный перечень того, что он сообщает нам о жизни Иисуса, например, о чем Иисус говорил, что он делал и что произошло с ним с момента его рождения до самой смерти. Студентов зачастую очень поражает, что для составления полного списка нужно не больше библиотечной карточки.

Что же нам сообщает Павел? Он говорит, что Иисус был рожден от женщины (Гал. 4:4; важная информация, но поневоле задумываешься, какая могла быть альтернатива); что он был евреем (Гал. 4:4); что у него были братья (1 Кор. 9:5), одного из которых звали Иаков (Гал. 1:19); что у него было двенадцать последователей (1 Кор. 15:5); что его служение было предназначено евреям (Рим. 15:8); что он участвовал в Тайной вечере (1 Кор. 11:22–24) и что его распяли (Гал. 3:1). Вдобавок к тем словам, которые Иисус произнес над хлебом и чашей во время Тайной вечери, Павел также приводит еще два высказывания Иисуса: одно о том, что нельзя разводиться (1 Кор. 7:10), и второе указывает на то, что проповедники должны получать за свою работу деньги (1 Кор. 9:14). И более ничего.

Когда мои студенты выполняют данное задание, они удивляются полученному результату. Почему Павел ничего более не добавил? Почему он не желает подробно цитировать слова Иисуса? Почему он не описывает чудесные деяния — излечение больных, изгнание бесов, оживление мертвых? Почему он не описывает его искушения, его преображения, путь в Иерусалим? Почему он ничего не говорит о полемике Иисуса с фарисеями? О его аресте? Об учиненном над ним суде в еврейском синедрионе? О его разговорах с Пилатом или о чем-либо еще? Предполагал ли Павел, что его читатели уже все знают? Существует и такая возможность, но необходимо помнить о том, что сочинения Павла были написаны перед появлением на свет Евангелий, и у нас нет никакой уверенности в том, что его читатели знали все те истории, которые позднее были изложены в этих книгах. А знал ли сам Павел все эти истории? И если да, то почему он о них не упоминает? Очевидно, что не по причине их неуместности или малого значения. В тех редких случаях, когда он упоминает о событиях из жизни Иисуса, он это делает, чтобы подкрепить свои утверждения, как, например, что его читателям необходимо следовать тому, что Иисус сказал и делал. Поче**му** же он не обращается к этому приему более часто? Когда он уговаривает своих читателей не поддаваться искушениям, почему он не упоминает об искушениях Иисуса? Когда он рассказывает о своей полемике с нехристианскими евреями, почему он не говорит о полемике Иисуса с представителями еврейской общины? Когда он указывает на

необходимость уплаты налогов, почему он не упоминает высказывание Иисуса о том, что «отдайте кесарю кесарево»?

На эти вопросы сложно ответить. С течением времени исследователями было выработано несколько возможных решений. Но в любом случае все исследователи сходятся в одном пункте: даже если все детали жизни Иисуса не представляли для Павла особого интереса, и даже если он мало что знал о жизни Иисуса, в отличие от авторов Евангелий, было только одно, что имело для него огромную ценность, и, видимо, настолько абсолютную ценность, что все остальное блекло перед этим. Для Павла самым существенным было то, что Иисус был распят и воскрес из мертвых.

Причина того, что это имело столь важное значение для Павла, гораздо большее, чем, например, хождение Иисуса по воде или Нагорная проповедь, заключалась в том, что Павел считал, что посредством смерти Иисуса Бог вернул себе этот мир. Как я уже упоминал, до своего обращения в веру Павел был религиозным евреем, который считал слова христиан об Иисусе глупой выдумкой. Последователи Иисуса говорили, что распятый римлянами Иисус был божественным мессией. Но для большинства евреев, в том числе и для Павла, подобные высказывания в лучшем случае представлялись нелепыми, а в худшем — оскорбительными и безумными. Причиной этому было то, что евреи, как я уже упоминал в предыдущих главах, ожидали мессию, который будет могучей личностью, осуществляющей волю Бога на земле. Он будет тем, кто сможет победить Божьих врагов одной силой своего желания. Разве Иисус был на него похож? Совсем наоборот. Вместо того, чтобы быть могущественным воином, изгнавшим римлян из Земли обетованной, Иисус стал проповедником, оказавшимся по ту сторону закона, которого без церемоний пытали и распяли Божьи враги. Он был наиболее далек от представлений о мессии.

Я пытаюсь проиллюстрировать моим студентам, какая реакция могла быть у еврея первого века на заявление о том, что Иисус был мессией. Представьте себе, что кто-то сообщил вам о том, что Дэвид Кореш был могущественным сыном Божьим, спасителем мира. Дэвид Кореш? Парень из Вако, который был убит ФБР? Ага, конечно, он царь Вселенной! Ну разумеется!

Подобное утверждение большинству из нас показалось бы настолько абсурдным, настолько несоответствующим действительности, что мы бы даже не стали серьезно воспринимать подобного рода заявления. Так и большинство евреев отреагировало бы на слова о том, что Иисус был мессией. Он настолько отличался от того, каким должен быть мессия… ну, что если кто-то серьезно так думал, то это был либо сумасшедший, либо отступник. Утверждать, что мессия Господа был уничтожен врагами как букашка, является оскорблением не только людским умам, но и божественному авторитету. Какой бог будет посылать мессию, пригвожденного ко кресту?

До своего обращения в веру Павел выпячивал нелепую сторону подобных утверждений и преследовал тех, кто эти заявления делал. Но потом что-то произошло. По его собственному рассказу, Бог открыл ему истину, послав видение самого Иисуса после его смерти. Павел рассказывает об этом не так подробно, как мы бы этого хотели, но он явно полагал, что узрел Иисуса собственными очами (Гал. 1:16; 1 Кор. 15:8). Ниспосланное видение убедило его в том, что Иисус жив или, точнее, что он возродился для жизни. А если Иисус возродился для жизни, то это решительно меняло дело.

Единственным способом, которым Иисус мог возродиться для жизни, могло быть божественное воскрешение его из мертвых. Но если Бог его воскресил, то, значит, Иисус действительно был божественным избранником. Однако, если Бог выказывал особое расположение к Иисусу, то почему он был распят? Это не похоже на выражение милости со стороны Всемогущего. Чтобы придать этому смысл, Павел предположил, что распятие Иисуса Бог считал необходимым. Бог, по сути, повлиял на событие таким образом, чтобы Иисус умер ужасающей смертью. Но зачем? Очевидно, не из-за его ошибочных поступков, поскольку он

был Божьим избранником. Значит, должна была существовать другая причина. Иисус должен был быть убит не из-за собственных грехов, а из-за грехов других людей. Смерть Иисуса стала жертвой Богу, масштаб которой покрывал все грехи, которые совершили другие люди. И доказательством этому послужило воскресение Иисуса. Воскресив Иисуса из мертвых, Бог показал, что смерть Иисуса была частью его плана спасения всего мира (см. Рим. 3:21–28).

С точки зрения Павла, все являются грешниками и должны платить за свои грехи смертью. Но Бог заменил это смертью Иисуса. Все те, кто принимает факт искупления грехов через страдания Иисуса, искупают этим свои грехи. Благодаря вере в смерть Иисуса и в его воскресение человек оказывается на стороне Бога.

Когда Павел осознал это, для него все переменилось. Христос больше не был тем, кого проклял Бог. Он был божественным Христом, божественным мессией. И оказаться на стороне Бога можно было только одним способом — тем самым, который указал сам Господь через смерть возлюбленного Сына.[2]

Это по крайней мере частичная причина того, почему Павел практически не упоминает о других фактах жизни Иисуса. Они для него особо много не значили. Важна была смерть Христа. По этой причине в Посланиях к коринфянам Павел с определенной долей гордости говорил: «Я рассудил быть у вас не знающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого» (1 Кор. 2:2). Поэтому впоследствии он напоминает коринфянам основной смысл его проповеди:

Ибо я первоначально преподал вам, что и сам принял, то есть, что Христос умер за грехи наши, по Писанию, и что Он погребен был, и что воскрес в третий день, по Писанию, и что явился Кифе, потом двенадцати, а потом и больше чем пятистам единовременно.
(1 Кор. 15:3–5).

Именно смерть Христа и его воскресение, а не его рождение, жизнь, совершенные чудеса и учение принесли спасение. Для Павла только это имело наивысший смысл.

Иисус в самом раннем Евангелии

Я не буду останавливаться на том, какое значение имел Иисус для каждого из ранних христианских писателей. Но важно отметить, что некоторые из них разделяли воззрения Павла относительно смерти Иисуса и выразили это в письменном тексте. И нигде это не видно столь ясно, как у самого раннего христианского писателя, анонимного автора Евангелия от Марка.

Очевидная разница между воззрениями Марка и Павла на личность Иисуса заключается в том, что Марк не считал, что смерть и воскресение Иисуса являются единственно важными вещами. Важна была вся жизнь Иисуса. Поэтому Марк начинает свой рассказ с крещения Иисуса в самом начале его миссии Иоанном Крестителем. В самой большой части текста описываются учения Иисуса, акты исцеления и изгнания бесов, его встречи с оппонентами в еврейской среде, его последнее путешествие в Иерусалим для празднования Пасхи и т. д. Для Марка жизнь Иисуса имела значение, во многом поскольку это не был ***кто-либо,*** кто мог быть распят, а потом воскрешен из мертвых, это был единственный человек — Иисус, сын Божий, все деяния которого, а не только его смерть, отражали его особое положение по отношению к Богу.

И вместе с тем Марк (и авторы других Евангелий) иногда называется автором «страстей с длинным предисловием». Исследователи имеют в виду, что, несмотря на то что большая часть повествования посвящена жизни Иисуса, а не его смерти, реальным сюжетом в тексте становится рассказ о его смерти, что входит в намерения самого автора и становится очевидным из его текста с самого начала. Не менее шести из шестнадцати глав Евангелия от

Марка посвящены последним дням Иисуса в Иерусалиме. И в течение всех первых десяти глав Марк все время забегает вперед к событиям смерти Иисуса, постоянно напоминая о том, как все завершится. Как и Павел, Марк видит в этой смерти конечный смысл спасения. Как, по словам Марка, говорил сам Иисус: «Ибо и Сын Человеческий [т. е. сам Иисус] не для того пришел, чтобы ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Марк 10:45). Иными словами, жизнь Иисуса была служением другим (отсюда и чудодейственные деяния, и проповеди последователям), но к тому же она была завершена величайшим актом самопожертвования. Иисус с собственного согласия умер ради других, чтобы искупить их грехи.

Иисус у Марка очень человечен. Некоторые из читателей текстов даже считали, что он слишком человечен — как, например, в сцене в Гефсиманском саду, когда он трижды умоляет Бога избавить его от того, что уготовано ему судьбой. И все же он проходит через это. Хотя по ходу изложения страстей кажется, что он пребывает в шоковом состоянии, практически ничего не говорит во время суда и ничего во время пыток и распятия. И лишь в самом конце он взывает к Господу, вопрошая, за что ему было все это ниспослано. Но даже если это и есть реальный вопрос умирающего Иисуса (см. разбор данного вопроса в гл. 2), сам Марк и читатели знают божественный ответ. У Марка в момент смерти Иисуса происходят две вещи, указывающие на причину данного события. При последнем вздохе Иисуса занавес в Храме рвется пополам, а сотник признает, что Иисус действительно есть Сын Божий.

Никакие другие события не могут лучше объяснить то, как Марк понимал Иисуса. Тот занавес в Храме был плотной завесой, отделяющей помещение, называемое Святая Святых, от остальной части священного пространства. Считалось, что Святая Святых и есть место пребывания самого Бога (на земле). Никто не мог входить в это помещение, кроме как один раз в год в день покаяния, Иом — Киппур, когда туда входил еврейский первосвященник для принесения двух жертв: одной за свои собственные грехи и одной за грехи всего народа. У Марка при смерти Иисуса была разрушена завеса — и, соответственно, все то, что отделяло Бога от людей. Теперь Бог доступен всем; он не закрыт и не изолирован; ему была принесена наиболее совершенная из жертв; и все могут пребывать в Божественном присутствии.

Наблюдающий за распятием сотник понимает это. В течение всего евангельского рассказа никто не мог понять, кем является Иисус, что он есть Сын Божий, который должен умереть. Однако в момент его смерти сотник признается в том, в чем никто не мог признаться: Иисус есть Сын Божий не вопреки факту его вынужденной смерти, а как раз вследствие его смерти. Он есть Сын Божий, чья смерть имеет значение для Бога.

Подобный подход получает дополнительное подкрепление в следующей сцене рассказа, когда спустя три дня несколько женщин приходят к телу Иисуса, чтобы его похоронить, и обнаруживают, что он исчез. Тогда они познают сверхъестественную истину смысла Иисусовой смерти: Бог воскресил его из мертвых. Иисус есть Сын Божий, который умер и воскрес. Это точка зрения Павла, изложенная здесь в форме рассказа.

Иисус в Евангелии от Фомы

Представление Павла о Христе стало доминирующим в истории раннего христианства. По сути это стало каноническим представлением, каноническим с позиций Священного Писания, поскольку послания Павла вместе с Евангелием от Марка (а также Евангелиями от Матфея и Луки, основывающимися на Марке) составляют большую часть Нового Завета. Но существовали и другие представления о роли Иисуса, которые с теологической точки зрения были прямо противоположны выше указанным, представления, которые было запрещено излагать, и они не вошли в дошедший до нас канон.

Одно из таких представлений мы можем найти в коптском Евангелии от Фомы, о котором я уже несколько раз в течение рассказа упоминал. Автор Евангелия считает себя настолько же авторитетным христианином, как и Павел. Авторитет Павла был основан на его опыте

видения воскресшего Иисуса. Не так обстоит дело с автором Евангелия от Фомы, который нигде не упоминает о том, что он видел Иисуса живым после его смерти. Вместо этого его авторитет обосновывается тем, кем он является, или по крайней мере кем он считает, что является. Его зовут, по его словам, Дидим Иуда Фома. Имя Дидим по — гречески означает близнец, а Фома тоже означает Близнец, но только на арамейском, на языке Иисуса и его учеников. Итак, этот человек — Иуда — близнец. Но близнец кого?

В Новом Завете говорится, что у Иисуса было четыре брата (Марк 6:3), одного из них звали Иуда. В ранних легендах сирийской церкви указывается, что этот Иуда был не просто братом Иисуса, но идентичным ему близнецом. Не совсем понятно, как именно представляли себе подобное сирийские христиане: если мать Иисуса зачала его непорочным зачатием, как у него мог быть близнец? Возможно, они подразумевали другие мифы — например, греческие мифы о божественном Геракле, сыне Зевса, у которого был брат — близнец, рожденный в то же самое время от той же матери, женщины по имени Алкмена. Этот брат — близнец, однако, был сыном *мужа* Алкмены, Амфитриона. Это означает, что и Зевс, и Амфитрион оплодотворили Алкмену, в результате чего родились близнецы. Возможно, рассказывая о брате — близнеце Иисуса, сирийские христиане думали, что Мария зачала и от Святого Духа, и от Иосифа, в результате чего родились близнецы?

Какими бы ни были их мысли на данный счет, из таких апокрифических текстов, как Деяния Фомы, очевидно явствует, что Иуда Фома был братом — близнецом Иисуса. И вот получается, что автор коптского Евангелия от Фомы объявляет себя этим человеком. Как бы ни объяснялся феномен близнецов, мы понимаем, какой авторитет может придать данный факт автору Евангелия. Кто обладает большим авторитетом в понимании роли Иисуса, чем его собственный брат — близнец?

Обращает на себя внимание то, что автор высказывает ровно противоположные Павлу представления об Иисусе. В Евангелии от Фомы не только нигде не описывается смерть Иисуса и его воскресение, но нигде даже не упоминается.[3] Сам рассказ о распятии Иисуса автор, видимо, считает неподобающим. Уж явно не это делает человека правым перед Богом. Значение имеет тайное учение Иисуса, только ему посвящено все Евангелие: в нем нет сюжетов, в том числе нет рассказов о том, что делал Иисус в течение жизни, о его страстях и воскресении. В Евангелии содержится 114 его высказываний. Вечная жизнь уготована тем, кто их поймет.

Ключевая фраза находится в самом начале текста:

Это тайные слова, которые сказал Иисус живой и которые записал

Дидим Иуда Фома. И он сказал: «Тот, кто обретает истолкование

этих слов, не вкусит смерти».[4]

Спасение придет не через веру в смерть *Иисуса,* но через открытие истины его тайных посланий.

Я уже говорил о том, что Евангелие от Фомы лучше всего изучать с точки зрения гностицизма, хотя в нем нет подобного описания гностических мифов о создании божественного мира и о возникновении падшего материального мира, ставшего местом нашего заключения. Я полагаю, что автор Евангелия, вместо того чтобы углубляться в объяснения этого мифа, берет его за исходную точку своих рассуждений в тех высказываниях, которые являются тайными. Изучение значения этих высказываний, обладание истинным знанием (гнозисом) и открывает врата к вечной жизни.

В соответствии с данным Евангелием наш материальный мир мертв и бессмыслен: «Тот, кто познал мир» (высказывание 56). Этот мир вовсе не есть приятная обитель для духовных существ. Мир — место их заключения: «Если плоть произошла ради духа, это — чудо. Если же дух ради тела, это — чудо из чудес. Но я, я удивляюсь тому, как такое большое богатство заключено в такой бедности» (высказывание 29). Некоторые из нас не принадлежат этому

материальному миру. «Если вам говорят: Откуда вы произошли? — скажите им: Мы пришли от света, от места, где свет произошел от самого себя» (высказывание 50). Нам не нужно себя вести в этом месте как будто если бы это был наш дом: «Будьте прохожими» (высказывание 42). Ведь этот мир не более, чем наше временное место пребывания: «Это небо прейдет, и то, что над ним, прейдет» (высказывание 11). Чтобы избежать этого мира, необходимо превзойти физнческую обусловленность наших тел: «Когда вы обнажитесь и не застыдитесь и возьмете ваши одежды [т. е. физическую часть], положите их у ваших ног, подобно малым детям, растопчете их, тогда (вы увидите) сына того, кто жив, и вы не будете бояться» (высказывание 37).

Кто же тогда такой Иисус? Он тот, кто пришел свыше, чтобы обучить тех, кто заключен в материальном мире, истине, приносящей вечную жизнь, хотя сейчас они слишком крепко заключены в свои материальные оковы, чтобы это увидеть: «Иисус сказал: Я встал посреди мира, и я явился им во плоти. Я нашел всех их пьяными, я не нашел никого из них жаждущим, и душа моя опечалилась за детей человеческих. Ибо они слепы в сердце своем… Но теперь они пьяны. Когда они отвергнут свое вино, тогда они покаются» (высказывание 28). Но те, кто принял его учение и смог его понять, реализуют свою божественную природу и осознают приводящие к спасению истины: «Иисус сказал: Тот, кто напился из моих уст, станет как я. Я также, я стану им, и тайное откроется ему» (высказывание 108).

Иисус в Евангелии от Иуды

Теперь мы видим все разнообразие теологических мнений. Один из полюсов представляет апостол Павел, для которого смерть Христа и его воскресение были смыслом и конечной целью всего. То, что действительно имело значение, это смерть Христа во искупление грехов и его воскресение из мертвых. По сравнению с его страстями все остальные детали жизни Иисуса не имеют большого значения. Другой полюс представляет автор Евангелия от Фомы, для которого смерть и воскресение Иисуса не наделены спасительным смыслом. К вечной жизни можно приобщиться через понимание его тайных откровений, учений, освобождающих человека от ловушек нашего существования, материального мира и человеческого тела.

Если принять эту шкалу, становится очевидным, что Евангелие от Иуды гораздо ближе к полюсу Евангелия от Фомы. Основной смысл происходящего автор объясняет в самом начале:

Тайное сообщение об откровении, которое Иисус высказал в беседе с Иудой Искариотом в течение недели за три дня до еврейской

Пасхи.

Так же, как у Фомы были «тайные слова», которые были чрезвычайно важны, здесь упоминается «тайное сообщение». Несмотря на то что беседы с Иудой происходят за восемь дней до смерти Иисуса, в данном рассказе важна не сама смерть, но те откровения, которые к ней привели. Несмотря на то что здесь важность роли Иисуса выражена в повествовательной форме, как в Евангелии от Марка, этот рассказ ни в коем случае не является «предисловием к страстям», поскольку здесь нет страстей. Повествование завершается на акте предательства Иуды. Само распятие и воскресение не упоминаются — для этого автора подобные вещи не ведут к спасению. Спасительны тайные учения Иисуса.

Смерть Иисуса не имеет значения для автора отчасти и потому, что телу Иисуса придается мало значения. По сути у Иисуса нет реального человеческого тела. Он появляется перед своими учениками в разных обличиях («в образе ребенка»). Поэтому он и может покидать учеников, когда захочет, чтобы вернуться к «другому великому и священному поколению», то есть к божественным реалиям, своему месту происхождения и реального

проживания. Иисус произошел не из этого мира; он пришел свыше. Здесь он пребывает временно, чтобы раскрыть те истины, которые необходимы для спасения.

В определенном смысле его тело принимает любой образ, и это тело вовсе не обречено умереть ради других. Его тело не более чем средство, через которое он может сообщить свои тайные учения. Поэтому самое великое деяние, которое можно совершить ради Иисуса, — это предоставить ему возможность избегнуть ловушки этого тела и вернуться в свой небесный дом. Иуда и делает это возможным, и поэтому говорится, что Иуда «превзойдет» всех остальных: он единственный, по словам Иисуса, «принесет в жертву человека, чьим телом я облечен» (56:19–21). Тело Иисуса — это место временного пребывания. Будучи принесенным в жертву, Иисус избежит ловушек этого материального мира.

Поэтому в данном тексте мы не найдем ни малейшего намека на воскресение. В отличие от сочинений Павла и новозаветных Евангелий в этом Евангелии кульминацией истории Иисуса становится не момент его победоносного воскресения из могилы в сияющем теле на третий день. В этом Евангелии у Иисуса и не ***будет*** сияющего тела, не будет физического воскресения, физического вознесения на небеса и пребывания в телесном обличим по правую руку от Бога. Такого воскресения в этом Евангелии не может быть. Ведь для других раннехристианских писателей, таких как Павел, доктрина о воскресении — подтверждение присущей физическому творению благости. Утверждается, что, несмотря на то что материальный мир впал во грех, создатель мира его спасет и усовершенствует. Но с позиций Евангелия от Иуды творение не является благим и искуплению не поддается. Физический мир извращен с самого начала. Материальность сама по себе является проблемой. Иисус превзойдет материальный мир, этот низший вид существования, созданный кровопийцей — мятежником и дураком. Когда его тело умрет, его душа вернется в Плерому и будет вечно пребывать в мире духа.

Его последователи, чтобы спастись, тоже должны будут избежать ловушек собственных тел. И они должны вернуться к «тому великому поколению». Простые смертные этого сделать не могут. На такое способны только те, кто обладает божественной искрой. Тот, кто начинает осознавать, кем является Иисус, что он произошел из «царствия Барбело», начинает осознавать себя подобным ему: тогда они могут «предстать перед» Иисусом как «человек совершенный» (35:9-10, 18). Ученикам Иисуса не хватает силы, чтобы это сделать: они не знают ни его, ни самих себя. Знает только Иуда. Поэтому только он может предстать перед Иисусом и только он в итоге будет прославлен, избежав ловушек своего тела и вернувшись в реальность, из которой он произошел.

Откровение этого Евангелия о том, как возникли божественные и материальные реальности, безусловно, исполнено тайн и загадок. Его сложно осознать полностью и даже понять отчасти. Но кто сказал, что тайное знание о спасении должно быть легким? Только истинные гностики могут понять и осознать глубины данного учения. Те, кому этого не дано, живут с ошибочным представлением о том, что этот мир есть творение истинного Бога. Подобную ошибку совершают ученики, полагая, что нужно поклоняться Богу — создателю, например в церемонии евхаристии. Иисус находит эту ошибку смешной (34:1–3). Этот мир не добр. Не добры и те божества, которые его сотворили. Истинный Бог абсолютно внематериален, он есть великий невидимый Дух. Только те, кто первоначально произошел от этого Бога, могут знать, кто он такой. И только они могут знать, кто они сами такие. Они — падшие из небесной реальности духи, закованные в материю, но могущие освободиться через изучение смыслов тайных откровений Иисуса, которые тот передал своему самому близкому и верному последователю Иуде Искариоту.

Образы учеников

Мы уже неоднократно убеждались в том, что двенадцать учеников, в отличие от Иуды, не обладают положительными характеристиками в Евангелии от Иуды. Для того, чтобы внести их образы в определенный контекст, я снова представлю весь спектр мнений о них в

эпоху раннего христианства. Большинство ранних христиан, разумеется, считали апостолов посланниками Христа, авторитетами, знавшими Иисуса лично, которым он доверил свое учение. Но так думали далеко не все.

Двенадцать учеников в Деяниях апостолов

Самый ранний источник, повествующий о жизни апостолов, по крайней мере некоторых из них, — это новозаветная книга Деяния апостолов. Как и можно было предположить, в этом тексте ученики описаны самым положительным образом.

Как я уже упоминал, Деяния апостолов представляют собой второй том двухтомного сочинения Луки, автора третьего Евангелия.[5] В то время как в первом томе речь идет о рождении, жизни, смерти и воскресении Иисуса, во втором томе описываются последующие события: как евангельская весть о спасении распространялась на весь известный тогда мир, начиная с Иерусалима и заканчивая Римом, столицей империи. Как новозаветные Евангелия не являются отвлеченными описаниями жизни Иисуса, но написаны с теологических позиций евангелистов, так и книга Деяния апостолов — не просто подробное изложение событий, которые произошли в реальности (если такой вид повествования вообще возможен). События описываются с определенной точки зрения, отражающей теологические представления их автора.

В данном случае автор полагает, что распространение христианского вероучения на территории Римской империи было целиком и полностью вызвано волей Святого Духа, который направлял пути миссионеров и следил за тем, чтобы ничто не могло им воспрепятствовать. После вознесения Иисуса на небо ученики собираются вместе и, по инициативе Петра, кидают жребий, чтобы решить, кто заменит Иуду среди двенадцати. Сама по себе смерть Иуды, как мы уже убедились, считается выполнением божественного замысла, изложенного в Писаниях. Это же очевидно и в случае избрания его заместителя. Нам не сообщают, почему количество апостолов должно достигать двенадцати, скорее всего, поскольку такое число изначально было выбрано Иисусом. В любом случае оставшиеся в живых одиннадцать апостолов принимают решение о том, что должен быть избран кто-то из более широкой группы последователей Иисуса, кто был вместе с ними с самого начала миссии Иисуса после его крещения Иоанном и до воскресения (Деяния 1:21–22). Жребий брошен, и избранным оказывается человек по имени Матфий.

Можно было предположить, что, поскольку книга называется Деяния апостолов, вся остальная часть рассказа будет посвящена рассказам о деяниях двенадцати апостолов. На самом деле это не так. Большинство из двенадцати апостолов, включая новоизбранного Матфия, выпадают из общей событийной канвы и нигде больше даже не упоминаются. Только два апостола, Петр и Иоанн, играют важную роль в первых главах книги, а остальные две трети книги целиком и полностью посвящены апостолу, который не принадлежал к двенадцати, апостолу Павлу, который принимает христианство в Деяниях 9 и чьи миссионерские странствия для распространения евангельской вести и становятся темой большей части книги.

Вместе с тем все апостольское собрание двенадцати учеников имеет значение для автора Деяний апостолов, поскольку наличие подобного собрания является гарантом непрерывности, которая существует между миссией Иисуса во время его жизни (здесь апостолы — свидетели) и распространением евангельской вести после его смерти (здесь апостолы — посланники). Апостолы являются первыми, кто начинает проповедовать евангельскую весть после того, как на них нисходит Святой Дух на Пятидесятницу через пятьдесят дней после смерти Иисуса (Деяния 2). Чудодейственные знамения сопровождают принятие ими Святого Духа. Безбожники становятся свидетелями происходящего, и тысячи

людей принимают крещение. Апостол Петр показан как первый лидер группы апостолов, и его чудодейственные деяния и проповеди приводят к впечатляющим результатам — небольшая группа последователей Иисуса обрастает большим количеством людей (Деяния 3,4). Апостолы возводят церковь в Иерусалиме, а когда евангельская весть начинает распространяться по другим городам и землям, направляют миссионерские усилия других людей (Деяния 7-10).

Лука полагает, что апостолы являются вдохновленными Святым Духом лидерами последователей Иисуса после его смерти. Апостолы могут совершать чудеса и проповедовать большим собраниям людей, после чего невероятное количество людей. принимает крещение. И хотя Павел становится центральной фигурой в повествовании, одним из важных моментов в тексте является то, что Павел не провозглашает другой евангельской вести и в этом ничем особо от других не отличался. Просто он был избран для распространения евангельской вести дальше, он обращает в христианство язычников более далеких стран: в Малой Азии, в Македонии, в Ахее и, наконец, в Риме.

Одной из основных тем в книге Деяния апостолов становится единство Павла и двенадцати апостолов. Это единство имеет особый смысл, поскольку проповеди и миссия Павла в Деяниях отличаются от проповеди и миссии Иисуса в Евангелии от Луки. Павел проповедовал, что смерть и воскресение Иисуса принесли спасение всем народам, как евреям, так и язычникам. Далеко не все соглашались с этим, и Лука хотел показать, что разногласия были не слишком важны. Не было прерывания традиции среди апостолов, хотя очевидно, что тот, кто стоял вне основной группы, проповедовал с наибольшим усердием.

Однако в книге Деяния апостолов все же содержатся намеки на прерывание традиции. Проблема заключалась в том, что и в Деяниях апостолов, и в исторических документах упоминаются люди, которые полагали, что учение Иисуса имеет значение только для евреев. Некоторые из ранних последователей Иисуса подчеркивали, что Иисус был еврейским мессией, посланным еврейскому народу еврейским Богом во исполнение еврейского закона. Для этих людей естественным выводом становилось то, что те, кто хотел поклоняться еврейскому Богу через его мессию, непременно должны были сначала стать евреями. Однако Павел так не считал. Павел настаивал, как в своих посланиях, так и в тексте книги Деяния апостолов, что спасение было предназначено для всех народов, как для евреев, так и для язычников. Поскольку все люди согрешили перед Богом, все люди должны были быть очищены от своих грехов перед Богом. И способ спасения был одинаков и для евреев, и для язычников. Это было принятие смерти Иисуса и его воскресения. Таким образом божественное спасение распространяется на всех людей, и на евреев, и на язычников. Поэтому язычники не должны становиться евреями, чтобы стать христианами.

Это была идея самого Павла. Лука желает подчеркнуть факт того, что он никоим образом не противоречил изначальным проповедям двенадцати апостолов Иисуса. И многие истории, описанные Лукой, должны подкрепить данную точку зрения. В книге Деяния апостолов ученик Петр первым узнает о том, что Бог пожелал спасти язычников, не требуя от них, чтобы они становились евреями. Бог посылает Петру видение, отражающее смысл сказанного (Деяния 10). Поэтому Петр и становится первым, кто обращает язычников в христианскую веру (Деяния 10). Павел начинает свою миссию среди язычников уже после этого события (Деяния 13). Когда возникает вопрос, должны ли новообращенные язычники соблюдать еврейский закон, все апостолы собираются в Иерусалиме для решения и с большим энтузиазмом поддерживают идею Павла: неевреи должны оставаться неевреями. Они не должны обращаться в иудаизм. И в этом Павел и двенадцать апостолов едины (Деяния 15).

Не факт, что реальный исторический Павел и реальные исторические двенадцать апостолов были столь единодушны в данном вопросе. По крайней мере, как сам Павел упоминал в своем Послании галатам, у него с Петром произошла серьезная ссора по данному

вопросу (Гал. 2:11–14). Но, по крайней мере, для автора Деяний апостолов миссия Павла полностью соответствовала миссии двенадцати апостолов. Они все были наделены божественной силой для выполнения своей миссии. Сам Бог следил за тем, чтобы все происходило в соответствии с его замыслом. Все чудодейственные деяния, которые миссионеры могли продемонстрировать, были проявлением божественной заботы о них, и никто извне не мог остановить апостолов или даже замедлить темпы распространения миссии.

Таким образом двенадцать апостолов были единственными, кто осуществил божественную связь между миссией Иисуса и миссией ранней церкви.

Двенадцать апостолов в ортодоксальной традиции

Такое воззрение на апостолов в книге Деяния апостолов приобрело статус нормативного. В сочинениях Отцов Церкви, которые позже стали рассматриваться как «ортодоксальные» (т. е. имеющие правильное мнение), это фундаментальное воззрение углубилось и расширилось. Апостолы воспринимались как наследники учения Иисуса и гаранты его истинности. Это стало предметом горячей полемики в раннем христианстве, поскольку существовали различные виды «истинности», каждый из которых провозглашался ***настоящим***, и каждый утверждал, что именно он идет напрямую от Иисуса. Когда маркиониты провозглашали, что есть два бога, а не один, и что так считал Иисус, кто мог доказать, что они неправы? Когда появились различные группы гностиков, утверждавшие, что существует огромное количество божественных сущностей и что этот мир сотворили низшие и невежественные из них, почему было не поверить, что они правы? Более того, на практическом уровне управления церковью существовали различные церковные лидеры, провозглашавшие, что представляют истину Евангелия, данного Иисусом, но при этом расходившиеся во мнениях, и кого из них нужно было слушать?

Очень быстро проблема власти и лидерства в раннехристианских общинах стала актуальной. Обращения к апостолам по поводу поддержки какой-либо точки зрения встречаются уже в самом Новом Завете — свидетель тому книга Деяния апостолов. Автор другого текста, написанного вскоре после Деяний апостолов, озабочен этим вопросом напрямую. Это 1–е послание Климента, вполне «ортодоксальный» текст, не включенный, однако, в Новый Завет (даже хотя некоторые ранние христиане считали его относящимся к Писанию).[6] Это письмо написали христиане Рима христианам Коринфа. Поводом послужил переворот в общине Коринфа: старейшины церкви в Коринфе были смещены, а на их место встали новые лидеры. Римские христиане посчитали подобного рода политические междоусобицы оскорбительными и порочащими идею единства церкви, к тому же это было нарушением порядка, установленного Богом для общин верующих. Автор 1–го послания Климента настаивает, чтобы смещенные старейшины были возвращены на свои былые позиции. Частично его аргументация основывается на том, что представители христианских церквей были назначены теми, кто сам был назначен еще апостолами. Апостолы, в свою очередь, были избраны Христом, и Христос пришел от Бога. Таким образом те, кто противостоит представителям церкви, по сути противостоят Богу (1 Клим. 42–44).

Такова идея апостольской преемственности — авторитет христианских представителей передается в непрерывной линии наследования, истоками которой являются апостолы. Подобные представления мы находим в Римской католической церкви, поскольку папа считается прямым наследником длинной непрерывной традиции вплоть до Петра — первого епископа римской церкви.

Прежде чем появились какие-либо папы, некоторые христиане использовали идею апостольской преемственности, чтобы аргументировать отдельные идеи. Не сильно отличающуюся по форме аргументацию мы можем найти в сочинениях таких борцов с ересью, как Ириней, о котором мы уже упоминали, или автор III в. Тертуллиан. Когда Тертуллиан вел полемику с гностиками, он использовал очень простой довод, который

должен был свести на нет все их заявления. По Тертуллиану учение епископов ведущих христианских церквей могло быть единственным санкционированным самим Богом: Христос избрал апостолов, апостолы избрали своих последователей, а их последователи избрали нынешних епископов будущих церквей. Поэтому все, что проповедовали эти последователи, происходило напрямую из линии наследования, идущей от самого Христа. А кто-либо, кто проповедовал что-либо иное, как, например, эти нечестивые гностики, очевидно проповедовали враждебные Христу доктрины (Тертуллиан «Об отводе возражений еретиков»).

Как и можно было предположить, не все соглашались с тем, что только Тертуллиан и подобные ему христиане продолжали линию апостолов. Были, например, и такие гностики, которые утверждали, что их собственные идеи являются развитием апостольской традиции. Я уже ранее упоминал о гностике Василиде, который проповедовал, что Христос сменил свое обличие в момент распятия, приняв вид Симона Киренеянина (человека, который нес его крест) и заставив Симона принять его собственный облик. И римляне распяли другого человека, в то время как Иисус стоял в стороне и смеялся. Сейчас это может казаться достаточно странным (и жестоким) учением, но последователи Василида утверждали, что Василид был учеником Главка, который в свою очередь был учеником Петра. Также гностики — валентиниане придерживались учений Валентина, которого они считали учеником Февда, который в свою очередь был учеником апостола Павла.[7] Учение об апостольской линии преемственности могло быть, и действительно было, методом борьбы, используемым с обеих сторон, несмотря на разницу в теологических представлениях.

Двенадцать апостолов у Маркиона и в Апокалипсисе Петра

Однако другие христианские проповедники использовали альтернативную линию преемственности, чтобы сделать собственные воззрения авторитетными. Они противопоставляли себя тем, кто считал, что нужно прибегать к авторитету двенадцати апостолов, чтобы подтвердить правильность определенного мнения. Альтернативное восприятие апостолов могло основываться на раннехристианской традиции, например, мы видели, что в Евангелии от Марка ученики часто изображены не понимающими Иисуса и смысл его учения. С точки зрения, обсуждаемой ниже, ученики так никогда и не смогли «это понять».

Мы уже наблюдали подобный подход у некоторых авторов, рассматриваемых нами в более ранних главах. Теолог и проповедник II века Маркион, например, считал, что ученики Иисуса, постоянно подвергающиеся насмешкам их учителя из-за собственного невежества, продолжали думать, что Иисус пришел от еврейского бога, чтобы исполнить еврейский закон. Поскольку они так никогда и не поняли, что он был от другого Бога, который не создавал этот мир и не делал Израиль своим народом, Христу пришлось обратиться к другому апостолу, чтобы прояснить ему смысл своего учения. По этой причине он предстал перед Павлом на его пути в Дамаск и раскрыл перед ним евангельскую истину. По этой же причине Павел постоянно противопоставлял свои идеи тому, что было сказано в законе. Его сочинения пришли от Бога Христа, а закон пришел от бога евреев. Поэтому они неизбежно должны были оказаться противоречащими друг другу. По этой же причине Павел вел ожесточенную полемику с Петром по вопросу о необходимости язычникам становиться евреями, чтобы стать христианами (Гал. 2:11–14). В соответствии с Маркионом Павел был прав, а Петр не прав: истинная вера в Христа отменяла бога евреев, она ему не принадлежала. Целью истинной религии было избежать ловушек этого бога, а не подчиняться его правилам.

Совсем иной теологический подход мы встречаем в одном из документов в Наг — Хаммади, в Коптском апокалипсисе Петра. В этом гностическом тексте предполагается существование не двух, а множества божеств. Вместе с тем автор не менее жестко критикует лидеров христианских церквей, заявлявших себя последователями учения Иисуса. Эти

лидеры, «епископ и дьяконы», которые заявляют, что «получили свою власть от Бога», есть по сути «каналы безводные» (в них нет живой воды; Апок. Пет. 79). О них говорится, что «они слепы и глухи». Их представления осмеиваются. И осмеиваются они самим Иисусом, который смеется над их глупостью.

И они будут привержены имени мертвеца, думая, что они очистятся. И осквернятся они еще больше, и упадут в имя заблуждения и в руки злого мошенника и учения… и эти последние будут править ими еретически. Ведь некоторые из них будут осквернять истину и проповедовать дурное учение. И будут они злословить друг на друга. (Апок. Пет. 74)

Таким образом, не все были согласны с тем, что апостолы имели отношение к истине или что последующим лидерам церкви можно было доверять в том, что они провозглашают истинное послание Христа.

Двенадцать апостолов в Евангелии от Иуды

Мы уже видели, что двенадцать апостолов в Евангелии от Иуды показаны далеко не с лучшей стороны. Спектр раннехристианских воззрений простирается от книги Деяния апостолов и Тертуллиана, которые описывают апостолов как гарантов истины, до Маркиона и автора Коптского апокалипсиса Петра, которые считали, что апостолы до самого конца так и не поняли Иисуса, и Евангелие от Иуды занимает позицию ближе к Маркиону.

Это правда, что в Евангелии от Иуды Иисус избрал двенадцать апостолов, чтобы сделать благородное дело. Нам сообщается, что они были выбраны, «поскольку иные [шли] праведным путем, а другие пребывали во грехе» (33:9-14). Можно подозревать поэтому, что двенадцать были избраны как представители первой группы. Однако в последующем тексте о них не сказано ничего позитивного.

Рассказ начинается с описания очень простодушной евхаристической трапезы учеников, где они славят «своего» бога — то есть создателя этого мира. Иисус смеется и говорит им, что «именно так ваш бог будет прославлен» (34:6-11). Это приводит их в великое смущение, потому что они предполагают, что «ты… сын. Господа нашего». Нет, это совсем не так. А они не понимают. Иисус без колебаний сообщает им: «Никому из поколения людей, что среди вас, не дано узнать меня». Из этого выходит конфликт, потому что ученики «гневаются и впадают в ярость» и начинают «богохульствовать против него в душе» (34:13–22).

Когда Иисус вызывает их предстать перед ним, они заявляют с напускной храбростью: «Мы столь сильны». Однако на деле никто не «посмел предстать перед» ним, за исключением Иуды, героя текста. Другие не могли стоять перед Христом, потому что внутри них не было искры Божьей, которая могла сделать их равными ему (35:6-10).

С этого момента Иуда в рассказе отделяется от остальных. Иисус отводит его, и только его, в сторону, чтобы открыть ему «тайны царства». Иисус говорит, что он будет заменен в числе двенадцати, чтобы «снова могли соединиться со своим богом» (36:3–4). Поэтому позже Иисус говорит об Иуде как о «тринадцатом». Он стоит вне двенадцати, потому что единственный по — настоящему понимает, кто такой Иисус.

Они не только не могут понять Иисуса, но и ведут других кривыми путями и совершают дикие акты беззакония, что раскрывает их истинную природу. Когда у апостолов было видение первосвященников, приносящих жертвы в Храме, они видели, что некоторые из них приносили в жертву своих детей и жен, совершали прелюбодеяния и «множество грехов и беззаконных деяний» (38:22–23).[8] На одном уровне это, разумеется, является обличением евреев и их религии, достаточно яркий образец раннехристианской антиеврейской пропаганды. Но видение охватывает и другие уровни. Потому что в своем толковании Иисус объясняет апостолам, что двенадцать священников, которых они увидели, — не кто иной, как они сами. Те животные, которых они приносят в жертву, — это люди, которых двенадцать апостолов собьют с верного пути. Аморальные действия апостолов являются единственным

фактором, не имеющим символического значения. Как я уже упоминал ранее, это действительно богопротивные действия последователей Иисуса.

Ко всему прочему, поскольку Иисус весьма очевидно намекает, что последователи апостолов будут вести себя схожим образом, данный текст становится оружием не только против двенадцати апостолов, но и против так называемой идеи апостольских преемников. В ортодоксальных текстах того периода апостольская преемственность становилась гарантом истинности высказываний представителей христианских церквей. В этом тексте ясно показано будущее развитие невежественности и недостойного поведения тех, кто с удовольствием примеряет на себя апостольские мантии. Лидеры апостольских церквей проповедуют ложные учения и призывают к аморальным поступкам.

С другой стороны, Иуда представляет собой истину. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в его собственном видении он видит, как апостолы побивают его камнями. Ложь не может вынести горькой правды. Поэтому апостолы, «посланцы заблуждений», не могут вынести присутствия Иуды в своем окружении. Они убивают апостола истины и замещают его похожим на них человеком. И он становится тринадцатым. На чисто человеческом уровне подобное развитие может показаться весьма трагичным. Иисус говорит Иуде, что это принесет ему невероятную печаль. Однако на божественном уровне вся ситуация разрешается благостно. И Иуда выходит из места своего земного пребывания и узнает истину Христова откровения, которую Иисус открывает лишь ему одному. В итоге Иуда возвращается в божественную реальность, откуда он и произошел. А что же будет с другими? Они сильно привязаны к земле и к ее создателю. Они обречены на гибель как тела, не имеющие души.

В итоге только Иуда остается с Иисусом, когда враги приходят его арестовать. Судя по всему, остальные испугались за свою жизнь. Как существам сугубо материальным, что им дано, кроме жизни во плоти? Если от этого отказаться, то отказываешься от всего. Не понимая учение Иисуса, что материальный мир не есть творение истинного Бога, не обладая божественной искрой, которая позволит им подняться над собственными телами, не обладая никакой целью в жизни, кроме данного момента существования, они обращаются в бегство. И только Иуда остается до самого конца.

Иуда в Евангелии от Иуды

Итак, главным героем нашего Евангелия является Иуда. Как я уже отмечал, это не есть Евангелие, написанное от имени Иуды. Это Евангелие об Иуде.[9]

И для Иисуса, и для апостолов оказалось полезным проверить их характеристику в Евангелии через призму разных представлений о них в христианском мире. Было бы полезным создать такой же спектр представлений об Иуде. Но в данном случае никакого спектра не существует. Иуда всегда показан в абсолютно негативном свете во всех сочинениях всех христианских авторов, которых мы упоминали.

В самом раннем упоминании о нем, в Евангелии от Марка, не указывается причина его предательства Иисуса, но есть информация о том, что Иисус объявил, что «лучше было бы тому человеку не родиться» (Марк 14:21). Отсюда и возникла определенного рода традиция. В Евангелии от Матфея Иуда предает Иисуса, потому что он хочет получить за это деньги; в Евангелии от Луки он это делает, поскольку он одержим дьяволом, а в Евангелии от Иоанна выясняется, что он сам и ***есть*** дьявол. У Папия, автора II в., он страдает от страшных мучений — вздутия живота от червей и гноя. В Арабском Евангелии детства V в. с самого начала он отвратительный, одержимый сатаной и кусающий других ребенок. В средневековой «Золотой легенде» он братоубийца и отцеубийца, который спит с собственной матерью. В позднехристианской антисемитской риторике он становится прототипом всех евреев: жадный, вымогающий деньги, отрицающий Бога, христо- убийца. В христианской традиции Иуда очерняется постоянно и с нарастающей силой.

Евангелие от Иуды предлагает альтернативное видение ситуации. Действительно, на протяжении веков некоторые христиане задавались вопросом, насколько верно постоянно обвинять во всем Иуду. Некоторых волновала теологическая трактовка: если Христос должен был умереть за грехи всего мира, а Иуда сделал это возможным, не были ли его действия хорошими? Не хотел ли этого сам Христос? Мало того, некоторые исследователи отмечали, что с течением времени в древних текстах об Иуде ***постепенно*** начинали говорить все более грубо. Может ли случиться так, что в самых ранних текстах, которые на данный момент утрачены, Иуда считался близким учеником Иисуса, который просто выполнил волю Господа?[10]

Если Иуду когда-либо и показывали таким образом, свидетельства этому до нас не дошли — не было ни одного текста, в котором бы об Иуде говорилось позитивно, вплоть до настоящего момента. Евангелие от Иуды является единственным текстом, в котором утверждается, что Иуда не просто был близким учеником Иисуса, но и единственным учеником, кто понял личность Иисуса и выполнил его пожелания.

Евангелие написано для того, чтобы объяснить данное Иуде откровение, «тайное сообщение», которое может принести спасение. Только Иуда получает это откровение. Остальные ученики продолжают заблуждаться, думая об Иисусе как о сыне бога — творца. Только Иуда знает, что он происходит из «царствия Барбело», то есть из духовной реальности, которая намного превосходит сделанное творцом этого мира. Иуда единственный может предстать перед Иисусом, поскольку только он один обладает искрой божественного, сравнимой с божественной сущностью, которая находится в теле Иисуса. Верно, что в начале Евангелия Иуда не может смотреть Иисусу в глаза. На той стадии он еще не изучил тайное знание, которое ему должен был приоткрыть Иисус.

Ближе к концу Евангелия все меняется. После того как Иуда получает откровение Иисуса, ему говорят, что он «превзойдет их всех», то есть всех остальных так называемых последователей Иисуса. Иисус говорит Иуде, что «образ великого рода Адамова возвысится», то есть возвысится до той степени, которая возможна в «вечных сферах», которые предшествовали созданию «небес, земли и ангелов» (57:10–14). Это тот род, который происходит из божественной реальности, те люди, которым посчастливилось обладать божественной искрой. И кто является главой этого рода? Сам Иуда.

Подними взор свой и посмотри на облако и на свет внутри него, и на звезды, окружающие его. Звезда, что указывает путь, твоя звезда (57:19–20).

Каждая вечная душа имеет связь со звездой — с божественной сущностью, которая существует над этим миром. Иуде сказано смотреть на облако, которое есть проявление присутствия вел Мкого невидимого Духа. Звезды спасенного, «того поколения» окружают облако. И звезда Иуды направляет их всех. Как с немалой долей юмора отметил Марвин Мейер, Иуда действительно звезда данного текста.[11]

Это становится особенно очевидным из того, что происходит **впоследствии.** Иуда **смотрит** и видит облако. И потом «он вошел в него». Иуда наблюдает за собственными будущими изменениями — за своим вознесением из ужасного мира причинности. Он вернется в свой небесный дом, чтобы навеки существовать рядом **с** близкими ему божественными сущностями.

Глава 9. Кем был Иуда Искариот?

В курсе, который я читаю по Новому Завету, я обучаю двум разным подходам к раннехристианским Евангелиям. В одном предполагается рассматривать данные книги как отдельные литературные произведения, анализируя созданный ими образ Иисуса. Каждый из дошедших до нас рассказов из жизни Иисуса имеет внутренний посыл, который уникален, поскольку написан с позиций данного автора. Так, представление Матфея об Иисусе не то же, что у Марка, у Марка не то же, что у Иоанна, а у Иоанна не то же, что у Фомы, Петра или

у Филиппа. И так далее. У каждого автора есть свой замысел, свой теологический кругозор и своя основная цель в написании рассказов. В соответствии с другим подходом важно понять, кем действительно был сам Иисус, что он действительно говорил, делал и переживал. В данном подходе считается само собой разумеющимся, что у каждого евангелиста был свой смысл в создании образа Иисуса, а часто даже несколько смыслов. И все же в данном подходе важно рассматривать их не только как литературные произведения, но и пытаться понять, что могло происходить в истории на самом деле. Иными словами: одно дело — спросить, как Марк или Иоанн описывают поступки Иисуса, а совсем другое — понять, что Иисус действительно делал или говорил. В первом случае речь идет о литературном подходе, в другом случае о подходе историческом.[1]

Причина, по которой нам требуются оба подхода, заключается в том, что Евангелия не являются историческим свидетельством жизни Иисуса. Это не показания свидетеля или объективный отчет. Они не претендуют на объективное описание событий. Это литературные произведения, интенции которых осуществляются на теологическом уровне. По этой причине они называются Евангелия, а не истории. Слово «Евангелие» буквально означает «благая весть». В этих книгах дается благая весть о жизни, смерти и воскресении Иисуса. Они скорее напоминают проповеди или религиозные воззвания, чем фактологический обзор.

Очевидным свидетельством того, что Евангелия не являются объективно записанной информацией о жизни Иисуса, может послужить разница в их содержании, причем это различие проявляется и в существенных аспектах, и в мелких деталях. По сути, каждая история, изложенная в тексте, является отображением идей авторов, которые пересказывали сюжеты в свете собственных идей и представлений, которые они пытаются выразить. Некоторые из моих студентов начальных курсов требуют доказательств того, что Евангелия не являются обычным фактологическим обзором исторических событий, и тогда я предлагаю им простое упражнение по сравнению текстов: я указываю им на отрывок, который находится в нескольких Евангелиях, и они сравнивают высказывания каждого из авторов. При этом не имеет значения, выберут ли мои студенты рассказы о рождении Иисуса в Евангелиях от Матфея и Луки, о предательстве и аресте в Евангелиях от Марка и Иоанна, о распятии в Евангелиях от Матфея и Луки или о воскресении во всех четырех Евангелиях. Они всегда найдут разницу. Некоторые из этих различий очень сложно, я бы даже сказал, невозможно свести к чему-то единому. Почему? А потому, что каждый из авторов имеет свое собственное представление о жизни и смерти Иисуса. Это означает, что каждого автора стоит читать с позиции, которую он хочет изложить. Это и является литературным подходом. Это также означает, что для того, чтобы выяснить реальное положение вещей, мы должны к этим текстам применить критические методы исторического анализа, исходя из того, что в тексте события не представлены просто так, как они происходили. В этом заключается исторический подход. Оба подхода применимы не только для изучения личности Иисуса, но и других героев, описанных в ранних традициях, в том числе Иуды Искариота.

В предыдущих главах мы видели, как Иуда описывается в дошедших до нас источниках — в новозаветных Евангелиях, в текстах, не вошедших в Новый Завет, в поздних легендах о нем и, разумеется, в недавно открытом Евангелии от Иуды. Во всех случаях мы применяли литературный подход. Мы не задавали напрашивающихся исторических вопросов: кем на самом деле был Иуда? Какие идеи он пропагандировал? Что именно он совершил? И по какой причине?

К этим вопросам я хочу обратиться в данной главе, а также в последующих. Недавно открытое Евангелие вызвало новую волну интереса к личности Иуды Искариота и изображает его совсем непохожим на другие древние христианские источники образом. Но что мы можем сказать о нем как об историческом лице?

В поисках исторического Иуды

Очевидно, что единственный способ узнать о людях прошлого — обладание источниками того времени. Это верно как по отношению к Аврааму Линкольну, Марко Поло, Кесарю Августу, так и по отношению к Иисусу и Иуде. Существует два вида источников о людях из прошлого: истории, в которых содержится исторически точная информация, и тексты, в которых ничего подобного нет. Середины не существует. Все, что вы слышите о ком-либо в прошлом, будут ли это ваши прабабушка с прадедушкой или Чингисхан — или исторически верно, или сфабриковано.[2] Сфабриковано — не всегда значит «сделано со злым умыслом». Иногда просто случаются ошибки, например, когда рассказчики обладают неверной информацией. В других случаях рассказчики или авторы преувеличивают или включают свое богатое воображение для описания событий. Иногда они просто что-то выдумывают, чтобы высказать определенную мысль.

Учитывая, что большое количество свидетельств о людях прошлого не отличается исторической точностью, историкам необходимо каждый раз оценивать прочитанное и услышанное, чтобы распознать исторические факты, скрывающиеся за рассказами. Лучше всего помогают верные источники информации, и чем их больше, тем лучше.

К каким источникам информации прибегают историки, когда нужно получить информацию про людей из далекого прошлого, как в случае Иисуса и Иуды? Лучшими источниками, разумеется, будут тексты того времени, желательно написанные современником, знавшим данное историческое лицо лично. Если вы обладаете множеством свидетельств, то вашу ситуацию можно назвать хорошей. Если встречающиеся свидетельства описаны более поздними авторами, которые были знакомы с теми, кто видел эти исторические события собственными глазами, то это уже не так хорошо, но еще не плохо. А вот когда тексты написаны поздними авторами, которые общались с людьми, которые когда-то знали человека, заявившего, что он однажды сталкивался со свидетелем данных событий, тогда можно сказать, что ситуация не из легких.

Поэтому историки пытаются раздобыть наибольшее количество свидетельств современников — столько, сколько возможно. Желательно, чтобы источники информации не зависели друг от друга. Если вы обладаете двумя источниками информации о человеке из прошлого, но один из источников основан на информации другого, то по сути вы обладаете не двумя источниками, а одним. Если же у вас два независимых друг от друга источника, то на них значительно легче полагаться, чем на один, особенно если источники сходятся в описании событий. Мало того, очень важно, чтобы источники информации не были тенденциозны. Если источник очевидно тенденциозен и информация выстроена в пользу определенных мнений, необходимо реконструировать реальную историческую ситуацию и реальные исторические факты, которые кроются за построенным таким образом текстом.

Короче говоря, историки стремятся получить наибольшее количество источников, которые близки ко времени самих событий, которые не зависят друг от друга, однако в целом едины по предоставляемой ими информации, и в которых не заметно чрезмерной тенденциозности излагаемого материала.

В какой степени существующие источники информации об Иуде могут соответствовать данным критериям? К сожалению, не очень могут. У нас нет текстов свидетелей деятельности Иуды. В самом раннем христианском источнике — в сочинениях апостола Павла — Иуда не упоминается. И нашими первыми источниками по данному вопросу оказываются новозаветные Евангелия. А они никак не могут быть написанными свидетелями жизни Иисуса, и историки уже давно установили, что они были написаны христианами второго или третьего поколения, жившими в совсем других странах, чем Иисус (и Иуда), разговаривавшими на других языках (на греческом вместо арамейского), жившими в совсем другой исторической ситуации и обращавшимися к совсем другим читателям.[3]

Первый из евангельских рассказов — это Евангелие от Марка, которое было написано спустя тридцать пять или сорок лет после смерти Иисуса. Матфей и Лука использовали

Евангелие от Марка в качестве источника. У них, судя по всему, не было других источников информации об Иуде, хотя, как мы уже убедились, каждый из авторов видоизменил повествование Марка в свете собственных воззрений.[4] Судя по всему, Евангелие от Иоанна в изложении материала не основывается на других трех Евангелиях, так что перед нами независимое свидетельство о жизни Иуды. Но оно было создано в конце первого века, то есть спустя шестьдесят или шестьдесят пять лет после смерти Иуды.

Помимо текстов Нового Завета, есть сообщение Папия, про которое мы не можем сказать, насколько оно независимо от канонических Евангелий. Поздние традиции, такие как Арабское Евангелие детства или «Золотая легенда», были созданы через много столетий после описываемых событий и являются по большей части легендами. Евангелие от Иуды было написано гораздо раньше, и в тексте практически не встречается свидетельств того, чтобы при его создании использовались новозаветные Евангелия, хотя автор, судя по всему, был знаком с историей о смерти Иуды, изложенной в книге Деяния апостолов (так что все же, возможно, он читал Луку, а может быть, и других евангелистов).

Итак, мы не обладаем большим количеством ранних независимых друг от друга источников информации о жизни Иуды. У нас есть источники, написанные только спустя десятилетия после его смерти. Все эти источники основаны на устных традициях, которые бытовали в то время. Для историков это означает два важных момента: (1) если следы одной и той же традиции в отношении Иуды обнаруживаются более чем в одном независимом источнике, это увеличивает сходство содержания с исторической реальностью (маловероятно, чтобы события, одинаково излагаемые в независимых друг от друга источниках, были полностью вымышлены); и (2) если мы найдем в описании Иуды тенденцию, которая отклоняется от общей тенденции источника, данное свидетельство в большей степени приближено к истине (поскольку в таком случае источник не подгоняет все события под одну тенденцию).

Второе условие ставит под вопрос традиционные описания Иуды. Так, например, Иуда кажется выражением стереотипа евреев в тех источниках, которые и так представляются антисемитскими. В них он изображен вымогателем денег, отрицающим Бога, ведомым дьяволом, христоубийцей. Данную характеристику Иуды нельзя назвать объективной. Вдобавок к этому, в источнике, который назван его именем, в Евангелии от Иуды, он изображен как идеальный гностик. Но в Евангелии от Иуды высказываются гностические представления о мире и о месте человека в нем. Память об Иуде должна стать опорой данного понимания. Поэтому в данном Евангелии личность Иуды используется для укрепления собственных тенденций. Поэтому вряд ли это Евангелие можно считать достоверным историческим источником, насколько бы интересным оно ни было, с точки зрения понимания личности Иуды более поздними христианами.

После всех слов и усилий мы остаемся с ужасающе небольшим количеством информации об Иуде, которая бы относилась к той же эпохе и которую мы могли бы считать исторически достоверной. Но это не должно вводить нас в отчаяние, что мы не можем ***ничего*** о нем сказать, потому что то небольшое количество фактов, которым мы обладаем о нем, открывает перед нами громадные просторы, причем часто даже сами исследователи этого не замечают. Моим основным утверждением в данной главе и в последующей будет то, что мы можем извлечь очень много из той малой толики исторически достоверной информации, которой мы обладаем.

Если мы возьмем самый костяк всей исторической канвы жизни Иуды, то, исходя из критического анализа текста, мы сможем выудить по крайней мере три фактических момента: его имя было Иуда Искариот, он был одним из двенадцати учеников Иисуса, и он «предал» Иисуса, передав его в руки властей. Я займусь обработкой первых двух фактов в данной главе и третьего факта в следующей. Хотя первый факт не позволит нам углубиться в долгие дискуссии, мы потратим достаточно много времени на следующие два факта.

Имя — Иуда Искариот

Порой знание имени исторического лица позволяет нам получить дополнительную информацию о нем. Люди низших классов не имели фамилий, и поэтому, чтобы различить людей с одинаковыми личными именами, часто добавлялись дополнительные описания. Так, например, в Новом Завете упоминаются несколько разных Марий. Мария было одно из наиболее распространенных имен в Палестине первого века. Поэтому у каждой новозаветной Марии есть какое-то дополнительное описание: Мария мать Иисуса, Мария из Вифании, Мария Магдалина. Последнее описание Марии связано с названием города Магдала, который по сути был рыбачьим поселком у Галилейского озера. Таким образом, зная лишь ее имя, мы уже получаем о Марии определенную информацию.

Некоторые исследователи надеялись, что, может быть, так получится и с Иудой Искариотом. Все едины в мнении, что его имя было Иуда и что его звали Искариотом, чтобы отличить его от других Иуд в Новом Завете. Один из братьев Иисуса носил имя Иуда (Марк 6:3), так же звали еще одного из его учеников («не Искариота», Иоанн 14:22), и это же имя носит автор короткого послания в Новом Завете (это ни брат Иисуса, ни какой-либо другой известный нам Иуда).

Не приходится сомневаться в том, что тот Иуда, который интересует нас, был Иуда Искариот. Так его называют двенадцать раз в Новом Завете, и так его называют в других источниках, в том числе в Евангелии от Иуды.[5] Проблема заключается в значении описательного слова. Существует невероятное множество предположений, накопившихся в течение длительного времени. Но ни одно из них не получило общего признания.

Некоторые из предположений можно считать весьма творческими. Один исследователь XIX в. предположил, что Искариот происходит из еврейского слова, означающего «затыкать» ***(skr),*** поскольку он умер от удушения (то есть его горло было «заткнуто»). Столетие спустя другой исследователь предположил, что название происходит из семитских слов «isqa re ut» — которые могут означать что-то вроде «тот, кто зарабатывает на дружбе». Некоторые исследователи предполагали, что название отсылает к региону, из которого он мог быть родом. Регион называется Иссакар (то есть он был Иссакариот). Другие указывали на то, что слово «Искариот» напоминает во многом латинское слово «кинжал», «sika». Возможно, что оно относится к еврейским убийцам — кинжальщикам, которые назывались сикариями. Из этого можно сделать вывод, что Иуда был еврейским зелотом, который боролся против владычества римлян. Были и те, кто думал, что название происходит от еврейского слова «обманщик» — «saqqar» и что это отражает его истинную природу. Другие высказывали предположение, что это название уходит корнями к арамейскому слову «isqar», которое обозначало человека с рыжеватыми волосами, и значит, он был рыжеволосым. Возможностей бесчисленное количество. Но ни один из предполагаемых вариантов не убедил лингвистов, которые хорошо знакомы с правилами древних семитских языков.[6]

Возможно, наиболее часто встречающимся объяснением имени Искариот является отсылка к еврейским словам «ish Kereot», что должно обозначать примерно «человека родом из селения Кириаф». Если это предположение верно, то возникает вопрос: где находился Кириаф?[7] В книге Иисуса Навина упоминается город с таким названием в южной части Израиля, в области, которая позже стала называться Иудея (Иисус Навин 15:25), так что, возможно, название означает, что этот Иуда был из Иудеи. Но в таком случае Иуда был единственным южанином среди последователей Иисуса. И к тому же есть причины сомневаться [7] том, что Кириаф все еще существовал во времена Иисуса (спустя двенадцать веков после смерти Иисуса Навина). К тому кажется странным, что Иисус, который практически всю свою миссию осуществлял в Галилее вплоть до последней недели своей жизни, сделал своим близким последователем человека из совсем другой части страны. Был и другой город под названием Кириаф, за пределами Израиля в стране Моав (Иер. 48:24, 41), но кажется еще более невероятным, что один из еврейских последователей Иисуса был

оттуда родом. В итоге лучшие из исследователей сделали вывод, что мы просто не можем знать, что означает слово Искариот. К тому же некоторые полагали, что уже евангелисты, писавшие в период от 35 до 65 лет после смерти Иуды, уже не знали, что оно обозначает.[8] Впрочем, обладание информацией об имени Иуда все равно ничего особенного нам не дало с исторической точки зрения.

Иуда — один из двенадцати апостолов

Гораздо более плодотворной может стать работа над фактом, что Иуда был членом избранного круга Иисуса и одним из первых двенадцати учеников.

Все исследователи согласны в том, что он должен был быть одним из апостолов.[9] Это то, о чем говорят все традиции, не зависящие друг от друга, как Евангелия от Марка, от Иоанна, и Евангелие от Иуды, и зависящие друг от друга, как Евангелия от Матфея и Луки и сочинения Папия. К тому же вряд ли ранние христиане, рассказывая истории об Иисусе, захотели бы придумать факт, что один из избранных им же самим последователей выдал его властям. По этой причине исследователи практически всех школ и направлений считают данный исторический факт достоверным.

Однако многие исследователи не заметили, что этот факт может вызвать интересные предположения о том, кем был Иуда и что он на самом деле делал. Чтобы эти предположения имели смысл, нам необходимо в начале больше внимания обратить на личность самого Иисуса. Это будет ключом ко всему расследованию. И причина этому очевидна: ведь люди, которые следовали за Иисусом, были приверженцами его учения, а те, кого он избирал как ближайших к нему, его внутренняя группа из двенадцати учеников, были те, кто был в наибольшей степени привержен и предан идее учения. И чтобы больше узнать о ком-либо из ближайших последователей Иисуса, мы должны сначала больше узнать о самом Иисусе.

Этот вопрос занимал умы критически настроенных исследователей, начиная с конца XVIII в.[10] До этого исследователи более или менее буквально воспринимали данные Евангелий, считая их исторически достоверными и не касаясь проблемы рассмотрения их в качестве исторических источников. Как я уже упоминал, Евангелия не являются идеальными источниками для историков, которые хотят узнать, что же реально происходило при жизни Христа. Они были написаны через десятилетия после событий, которые описывают, их авторами были верующие в Иисуса, которые были заинтересованы в пропаганде собственных представлений о нем, и некоторые из них (например, Матфей и Лука) зависели от других (например, от Марка) при написании своих историй. Еще более проблематично то, что все эти источники часто противоречат друг другу по вопросам, касающимся жизни Иисуса.

Проблема источников информации об историческом Иисусе

Мы уже анализировали проблему текстуальных несоответствий в новозаветных описаниях смерти Иуды. Евангелисты Марк и Иоанн и автор Евангелия от Иуды вообще не сообщают о ней никаких деталей. Те два Евангелия, в которых события описываются более подробно, противоречат друг другу в различных моментах: вернул ли Иуда деньги, которые он получил за предательство Иисуса первосвященникам, как в Евангелии от Матфея? Или не возвращал, как сказано в Деяниях апостолов? Купили ли священники на эти деньги землю? Купил ли сам Иуда землю на эти деньги? Повесился ли Иуда? Или же он упал, споткнулся и все его внутренности вывалились наружу? Называлась ли земля кровавой, потому что была приобретена за «цену крови»? Или потому что Иуда vМер на ней кровавой страшной смертью? Во всех этих деталях смерти Иуды два источника, Евангелие от Матфея и Деяния апостолов, не сходятся друг с другом.

Немалые расхождения встречаются и в повествовании Еван**гелий** о жизни Иисуса. Просто сравните рассказы о страстях Иисуса, поскольку эта часть тесно связана с Иудой. Если подробно, умер ли Иисус после того, как пасхальная трапеза была съедена, как

утверждает Марк, или же за день до того, как она была съедена, как говорит Иоанн? Был ли он распят в девять утра или после полудня? Нес ли он сам собственный крест к месту распятия, как написано у Иоанна, или его нес Симон Киренеянин, как сообщается в других Евангелиях? Насмехались ли над ним два разбойника, которых распяли вместе с ним, как говорится в Евангелиях от Марка и Матфея, или только один из них это делал, навлекая на себя упреки другого, как написано у Луки? Присутствовал ли на казни кто-то из апостолов, или все они сбежали?

Вопросы можно продолжать до бесконечности, а ответы на них разнятся в зависимости от того, какой из рассказов читать. Точно так же можно сравнивать рассказы о его воскресении. На третий день кто все-таки пришел на могилу? Была ли это одна Мария Магдалина, или она пришла с группой женщин? Если были и другие, то кто именно, и сколько их было? Когда они пришли, был ли камень сдвинут с могилы или нет? Видели ли они одного человека на могиле, или двух людей, или двух ангелов? Что тот (те) сказал женщине (женщинам) делать? Выполнили ли это женщины или нет? Что, как предполагалось, делали ученики? Пошли ли они в Галилею или остались в Иерусалиме? Ушли они или остались? Явился ли им Иисус? Когда и сколько раз? Вознесся ли Иисус на небеса в день своего воскресения или через сорок дней?

Еще в XVIII в. ученые поняли, что эти несоответствия влияют на наше понимание Евангелий. Это не беспристрастные рассказы о том, что произошло: они не могут таковыми быть. Они слишком сильно различаются. И различия эти касаются не просто подробностей в том или другом Евангелии. На них построена концепция каждого Евангелия. Мы уже видели это на примере Марка и Луки. В Евангелии от Марка Иисус идет на казнь в состоянии шока, все время молчит и только в самом конце кричит в отчаянии, вопрошая, почему Бог его бросил. В Луке не так. Здесь он не молчит, а все время разговаривает с множеством различных людей, демонстрируя уверенность в себе, понимая, что с ним происходит и почему — вплоть до самого конца, когда вместо того, что вопрошать, зачем Бог его оставил, он молится своему Отцу о том, чтобы тот принял его душу. Это различные рассказы, и если вы сведете их в один, вы тем самым уничтожите то, на что делается упор в каждом из них.

Я должен подчеркнуть, что громадная разница между Евангелиями содержится не только в рассказе о страстях. На протяжении каждого Евангелия Иисус описывается по — разному: кем он был, что он говорил и делал. В результате ученые не могут читать эти рассказы просто как описания того, что Иисус говорил и делал. К этим описаниям нужно подходить критически, если мы хотим узнать о том, кем был исторический Иисус и каковы были его слова и поступки.

Жить исторического Иисуса

Именно потому, что источники так расходятся друг с другом, исследователи, которые их изучают, выдвинули столько объяснений того, кем был Иисус. Некоторые утверждали, что Иисус был еврейским раввином, который учил любить друг друга. (Если так, то за что же его распяли — за то, что он говорил: «Возлюби врага своего»?) Другие настаивали на том, что он был революционером, деятельность которого была направлена на то, чтобы сбросить римское владычество. (Если так, то почему же утверждения о его миролюбии обнаруживаются во всех источниках на всех уровнях?) Другие утверждали, что он хотел устроить социальную революцию как, к примеру, протомарксист или протофеминист. (Не кажется ли вам, что это больше имеет отношение к современности, чем к древности?) Недавно появились заявления, что Иисуса лучше всего рассматривать как еврейского философа — киника, побуждавшего своих последователей отринуть материальное и жить только жизнью духа. (Если так, где мог Иисус, бедный крестьянин из Галилеи, еврейской провинции, обучиться этим сложным греческим философским традициям?)[11]

Есть еще огромное количество возможностей, однако их поддерживает меньшинство ученых. Уже примерно столетие большинство критически настроенных ученых, работающих в

этой области, считает, что лучший способ понять, кем был исторический Иисус, — это поместить его в еврейский контекст его собственного времени и рассматривать его как еврейского апокалиптического пророка. Эту точку зрения впервые обнародовал еще в 1906 г. Альберт Швейцер, и до сих пор ее придерживается большинство ученых.

Как я показал в предыдущей главе, еврейские апокалиптики утверждали, что в мире действует только две силы: сила добра, движимая Богом, и сила зла, движимая сатаной. На стороне Бога добрые ангелы; на стороне сатаны — падшие бесы. У Бога сила справедливости и жизни; у дьявола сила греха и смерти. Поэтому в этом веке правят боль и страдания. Дьявол и его бесы утверждают свою власть над миром, и все становится хуже.

Будет все хуже и хуже, пока Бог не вмешается, совершив разрушительный акт правосудия, который уничтожит силы зла и всех, кто был с ними связан. В конце этого века Бог пришлет Спасителя, который исправит все, что было неправильно. Некоторые еврейские апокалиптики называли этого спасителя Сыном Человеческим, который упоминается в еврейских Писаниях как будущий наследник великого Царства Божия (Дан. 7:13–14); другие называли его будущим мессией, который низвергнет царства, противостоящие Богу; и станет править людьми Божьими по правде и справедливости. Когда он придет, Бог утвердит свою власть и силу над этим миром, своим творением. Утопическое Царство придет, и править им будут не цари, движимые силами зла, а правители, которые на стороне Бога.

И когда придет этот апокалиптический конец времен? Когда появится мессия Сын Человеческий? Согласно еврейским апокалиптикам, это произойдет очень скоро. Действительно, конец неминуем. Люди Бога уже достаточно страдали в руках своих врагов. Бог уже скоро что-то предпримет. Как было записано со слов Иисуса: «Истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие, пришедшее в силе». Действительно, «не прейдет род сей, как все это будет» (Марк 9:1; 13:30). Если критически настроенные ученые правы в том, что Иисус — еврейский апокалиптик, тогда он, как и другие евреи, жившие в то же время и в том же месте, считал, что конец неизбежен, что силы зла скоро будут свергнуты и Бог установит на земле свое Царство, в котором людьми будут править те, кто на его стороне.

Иисус как еврейский апокалиптик

Поскольку в этой главе я подчеркнул необходимость обращения к четким историческим критериям в наших источниках, для того чтобы увидеть, что они могут сообщить об исторических фактах, лежащих за литературными описаниями, правильно будет спросить, каковы свидетельства того, что Иисуса лучше всего считать еврейским апокалиптиком. Здесь я не дам полной картины — для этого понадобится целая книга. Но я могу перечислить несколько основных пунктов и чуть более подробно написать о них в следующей главе.[12]

1. С уст Иисуса слетает множество апокалиптических высказываний, если судить по ранним источникам. В эти высказывания Иисуса вплетаются слова о наступающем Царстве Божьем — реальном царстве на земле, которое будет управляться божественным представителем. В первых словах об этом он говорит: «Приблизилось Царство Божие» — то есть оно уже практически здесь, поскольку «исполнилось время». (Марк 1:15). Это царство наступит тогда, когда явится Сын Человеческий (тот самый, который упоминается в апокалиптическом видении Даниила (7:13–14) в Ветхом Завете). Сын Человеческий придет внезапно, как молния (Лука 12:8–9), чтобы учинить суд на земле (Марк 8:38; Матф. 13:40–43). И те, кто были на стороне Бога, будут вознаграждены, а те, кто не был на его стороне, понесут наказание: первые станут последними и последние первыми (Лука 13:30). Люди должны совершить акт покаяния, чтобы быть готовыми к приходу Царства (Марк 1:15). Ибо оно придет, когда еще «не прейдет род сей», до смерти апостолов (Марк 13:30; 9:1).

2. Подобного рода высказывания можно найти в ранних источниках (Марк, документ, который исследователи называют Q, Матфей, Лука). В поздних же источниках (например, у

Иоанна, в Евангелии от Фомы, в поздних гностических текстах) апокалиптические высказывания исчезают. Соответственно, в тех источниках, которые были ближе ко времени Иисуса, эта точка зрения была приоритетной. Когда же конец не наступил, авторы начали менять смысл слов Иисуса.

3. Практически невозможно объяснить, как Иисус приступил к выполнению своей миссии, а также все то, что произошло впоследствии, если бы он не обладал апокалиптическим видением мира. Как свидетельствуют все ранние источники, он начал свою миссию, сравнивая себя с Иоанном Крестителем, который был проповедником покаяния и апокалипсиса. Высказывания Иоанна сохранились в одном из ранних источников: «Уже и секира при корне древ лежит [то есть суд уже близок]; всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь» (Лука 3:7–9). Подобного рода высказывания привлекали Иисуса, и он стал последователем Иоанна. Поэтому Иисус и приступил к своей миссии, уже исходя из апокалиптического видения мира.

К тому же после смерти Иисуса его ранние последователи также верили в апокалипсис, например раннехристианский автор Павел полагал, что конец мира наступит еще при его жизни (Фесс. 4:14–18). Павел основывал общины верящих в наступление апокалипсиса христиан, и это происходило через некоторое время после смерти Иисуса. Важно понимать, что, если бы начало миссии Иисуса было бы окрашено в апокалиптические тона, а финал был бы другим, то можно было бы предположить, что Иисус просто поменял свои представления об этом. Или: если бы финал был апокалиптическим по своей сути, а начало бы таковым не было, то можно было бы предположить, что его ученики в конце его жизни верили в апокалипсис, но он сам не верил. Тот факт, что и начало, и конец его жизни были окрашены в апокалиптические тона, не оставляет сомнений в том, что так было на протяжении всего времени его жизни. Поэтому Иисуса лучше всего понять, имея в виду его апокалиптические взгляды — факт того, что он, как и Иоанн Креститель до него, и как Павел после него, верил, что живет в конце веков.

4. И наконец: многие действия Иисуса обладают смыслом, только если исходить из его веры в апокалипсис, как, например, в случае с «изгнанием из Храма», когда он продемонстрировал, что Бог сделает с теми людьми и учреждениями, которые действовали ему наперекор: над ними он учинит суд. Поэтому на протяжении всей традиции Иисус предрекает, что Храм будет разрушен, и это будет акт правосудия Бога (Марк 13:2–3).

Можно еще много чего сказать о том, почему Иисус наиболее адекватно воспринимается как еврейский апокалиптический мыслитель первого столетия. Но какое все это отношение имеет к Иуде Искариоту? Иуда был одним из ближайших учеников Иисуса. В этом сходятся все наши источники. Раз его привлекала личность Иисуса, то его должно было привлекать и его учение. Поскольку в учении Иисуса видна идея неминуемого конца времен, когда Бог одолеет силы зла и установит свое благое Царство на земле, то значит, с этими идеями соглашался и Иуда. Исторический Иуда Искариот, так же как и его учитель, исторический Иисус, был еврейским апокалиптиком первого столетия.

Иисус, Иуда и апостолы

Одним из наиболее незыблемых элементов традиции является представление о том, что у Иисуса был тесный круг последователей, известных как двенадцать апостолов. Информация об этом содержится не только в двух таких независимых друг от друга источниках, как Марк и Иоанн (а также и у Матфея, Луки, в Евангелии от Иуды и др.), но к тому же еще и имплицитно содержится в сочинениях апостола Павла (1 Коринф. 15:5). Но почему Иисус избрал двенадцать последователей? Почему не десять или не четырнадцать?

На самом деле в рамках апокалиптической мысли число двенадцать осмыслить несложно. Большинство исследователей сходятся на том, что двенадцать учеников были избраны, исходя из символического контекста. Число имеет отношение к тому, как люди Бога

должны быть организованы под властью Бога. В соответствии с традиционными представлениями, которые мы находим в еврейской Библии, народ Израиля был разделен на двенадцать колен, у каждого из которых был свой собственный предводитель. Разумеется, в истории народа на протяжении веков происходили многочисленные катаклизмы, десять из двенадцати колен исчезли в результате войн и разрушений. Но апока- липтически мыслящие верующие настаивали на том, что Бог останется привержен своим изначальным идеям отношений с его народом и создаст для него отдельное государство в наступающем Царстве Божьем. Иисус избрал двенадцать последователей в качестве особо близких ему учеников, на символическом уровне заявляя, что Царство Божие близко. Апостолы представляли всех тех, кто может войти в Царство Божие. Тех, кто был предан Богу в эру зла, кто сумел пережить охвативший землю мрак при появлении Сына Человеческого и кто смог по — новому воспринять реализующиеся на земле божественные законы. Двенадцать апостолов стали представителями тех истинно верующих из народа Израиля, которые еще остались.

Но более того, и это важно подчеркнуть, избранные двенадцать апостолов и должны были стать будущими правителями Царства Божия. Подобного рода высказывания зафиксированы как в Евангелии от Матфея, так и в Евангелии от Луки (скорее всего, и там и там они взяты из источника Q).[14] Иисус говорит своим ученикам:

Истинно говорю вам, что вы, последовавшие за мною, — в пакибытии, когда сядет Сын Человеческий на престоле славы своей, сядете и вы [ученики] на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых. (Матф. 19: 28; ср. Лука 22: 30)

Практически не остается сомнений в том, что именно это Иисус и сказал, то есть что это действительно историческое свидетельство. Это более вероятно, чем предположение о том, что поздние христиане выдумали эти слова и приписали Иисусу. После смерти Иисуса уже никто не думал, что двенадцать апостолов станут правителями будущего царства, потому в число двенадцати входил и Иуда Искариот, а уж ом, вне всякого сомнения, не мог быть будущим правителем. Он был предателем. Поскольку поздние христиане всячески клеймили Иуду за его неверность, за совершенный им непростительный грех против Иисуса, они бы не стали придумывать высказывания, которые предполагали его будущее славное правление. Это должно означать, что данное высказывание, найденное в традиционных источниках, было реальными словами Иисуса. Иисус избрал двенадцать апостолов и верил, что они, в том числе и Иуда, станут правителями наступающего Царства Божия.

Иуда как апокалиптик

Итак, мы можем сделать несколько важных и, как правило, игнорируемых выводов о том, кем был Иуда, исходя из жестко заданного факта, что он был одним из двенадцати апостолов. Как и другие, он следовал за Иисусом, потому что принял его учение. Он был настолько близок Иисусу и смыслу его учения, что Иисус избрал его в состав самого тесного круга учеников. Иисус воспринимал данный круг (быть может, так же воспринимали себя и двенадцать апостолов) как представителей тех, кто выживет при наступающем суде Сына Человеческого и кто вместе с ним привнесет на землю Царство Божие. Двенадцать апостолов представляли двенадцать колен Израилевых и, будучи преданными учению Иисуса, показали себя также преданными Богу Иисуса.

Как и другие, Иуда верил в то, что конец всему близок. Мало того, он взял с Иисуса слово, что он вместе с остальными апостолами станет правителем наступившего Царства Божия. Это должно было произойти скоро, еще на его веку.

Необходимо прояснить еще несколько моментов. Если двенадцать избраны Иисусом и он соответственно их учитель, если они единственные будущие управители двенадцати колен Израиля (то есть тех благочестивых евреев, которые вошли в Царство Божие), то кто будет править ими всеми? На данный момент их лидером является Иисус. Будет ли он и дальше их

лидером? Думал ли Иисус, что он будет управителем апостолов, верховным царем будущего Царства?

Если это так, то что именно предал Иуда, когда передал Иисуса в руки властей и привел его к смерти? И почему он предал это? Этими вопросами нам необходимо заняться в следующей главе.

Глава 10. Что предал Иуда и почему он это предал?

Успехи и достижения человека в течение всей его жизни могут быть перечеркнуты одним — единственным поступком. Большинство моих студентов начальных курсов знают о Ричарде Никсоне только по одной причине: Уотергейт. А кто из нас знает об актере Джоне Уилксе Буте что-нибудь кроме того, что он стрелял в Авраама Линкольна? Что знают люди об Иуде Искариоте? Что он предал Иисуса.

Но что именно он этим предал? И почему он предал это? Чтобы аргументировать мое основное предположение, что обычные ответы на данные вопросы, возможно, неверны или по крайней мере не всегда адекватны, мне необходимо осветить еще несколько моментов.

Апокалиптик Иисус и его последователи — апокалиптики

С моей точки зрения самое важное, что мы знаем об историческом Иисусе — это то, что он был евреем, жившим в Палестине[1] первого столетия. Вторая важная вещь, о которой мы должны знать, — что он, как и многие другие палестинские евреи того времени, обладал представлениями о Боге, мире и месте человека в этом мире, которые по духу своему были абсолютно апокалиптичны.

Как я уже начал объяснять в предыдущей главе, апокалиптическая форма иудаизма была сильно распространена в эпоху Иисуса в том месте, где он жил. Община евреев, известных как ессеи, которые создали свитки Мертвого моря, была настроена крайне апокалиптично, как и многие, если не все фарисеи. Этим же духом были проникнуты последователи различных еврейских пророков, действовавших в эпоху Иисуса, как, например, Иоанн Креститель, который осуществлял ритуал крещения, чтобы подготовить людей к наступающему концу времен. Используя легко понятный апокалиптический образ, Иоанн говорил, что уже «секира при корне древ лежит», что означает, что суд (вырубка древа) скоро начнется и что людям необходимо изменить свое поведение и приносить «плод добрый», если они хотят выжить в намечающемся божественном судилище (Лука 3:7–9). Иоанн крестил людей, которые покаялись в своих грехах, чтобы этим показать, что теперь они очищены и чисты и готовы к Царству Божьему, которое скоро придет.

Иисус из Назарета начал свою публичную деятельность с того, что прошел крещение у Иоанна. По крайней мере, это показывает, что он предпочел учение Иоанна учениям других евреев, живших в ту же эпоху. Иисус, как и Иоанн перед ним, проповедовал, что конец времен близок и что Царство Божье скоро придет. Как сказал Иисус в самом раннем из дошедших до нас Евангелий: «Исполнилось время [т. е. эта эпоха уже почти завершена] и приблизилось Царство Божие [т. е. Бог скоро вмешается в земные дела, чтобы установить новый порядок]: покайтесь и веруйте в Евангелие» (Марк 1:15).

Это была безусловно благая весть для людей, которые страдали от зла, все еще царствовавшего над миром. Бог должен был низвергнуть силы зла и установить свое Царство, в котором будут главенствовать любовь, милосердие и правосудие. Однако не все смогут войти в Царство Божие, а только те, кто себя к этому приготовил. Бог поэтому должен был послать с небес судью космического масштаба, которого Иисус называл Сыном Человеческим. Как мы знаем, мир должен был быть разрушен и избранные Богом должны были быть введены в новое Царство Божие. Как говорит Иисус в самом раннем из дошедших до нас Евангелий:

Но в те дни, после скорби той, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются. Тогда увидят Сына Человеческого, грядущего

на облаках с силою многою и славою. И тогда Он пошлет ангелов своих и соберет избранных своих от четырех ветров, от края земли до края неба. (Марк 13:24–27)

Не нужно считать подобные высказывания искусственными и метафорическими, как если бы Иисус этого реально не имел в виду. Он был апокалиптически настроенным евреем, который считал, что скоро наступят дни суда, и принесет их с небес Сын Человеческий. В самых ранних дошедших до нас свидетельствах его высказываний он, судя по всему, упоминает не о самом себе, а о ком-то другом, когда он говорит о Сыне Человеческом, ниспосланном с небес судье космического масштаба.[2]

Таково учение Иисуса во всех ранних дошедших до нас источниках: в Евангелии от Марка и в документе, который исследователи называют Q, на котором основаны Евангелия от Матфея и Луки.[3] Рассмотрим слова Иисуса в Евангелии от Матфея:

Посему как собирают плевелы и огнем сжигают, так будет при кончине века сего: пошлет Сын Человеческий ангелов своих, и соберут из Царства его все соблазны и делающих беззаконие, и ввергнут их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов; тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их. Кто имеет уши слышать, да слышит! (Матфей 13:40–43)

Некоторые из Иисусовых притч также выражали апокалиптическую точку зрения:

Еще подобно Царство Небесное неводу, закинутому в море и захватившему рыб всякого рода, который, когда наполнился, вытащили на берег и, сев, хорошее собрали в сосуды, а худое выбросили вон. Так будет при кончине века: изыдут ангелы, и отделят злых из среды праведных, и ввергнут их в печь огненную: там будет плач и скрежет зубов. (Матфей 13:47–50).

Кто выживет в наступающем судилище? Те, кто принял к сердцу слова Иисуса и следовал его указаниям, а также требованиям покаяния.

Ибо кто постыдится меня и моих слов в роде сем прелюбодейном и грешном, того постыдится и Сын Человеческий, когда приидет в славе Отца своего со святыми ангелами. (Марк 8:38)

Когда же наступит это судилище и придет Царство Божие? Очень скоро:

И сказал им: истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие, прпшедшее в силе. (Марк 9:1)

По Иисусу, должны наступить дни суда, и людям необходимо подготовиться к этому. Ведь с его наступлением произойдет велиний переворот: будут низвержены силы зла, а те, кто страдают сейчас, будут возвышены: «первые станут последними, последние первыми». Иисус провозглашает «заповеди блаженства». Почему же бедные и голодные, ненавидимые и гонимые «блаженны»? Потому что они единственные, кто унаследует Царство Божие с приходом Сына Человеческого. Готовясь к этому, люди должны вернуться к Богу, исполнять его волю, любить Бога превыше всего и «возлюбить ближнего как самого себя». Те, кто будет это делать, войдут в Царство Божие. А остальных ждет суд (Матфей 25:31–46).

Это Царство наступит скоро, еще при жизни его учеников. (Марк 13:30). К тому же апостолы станут правителями этого царства: «В пакибытии, когда сядет Сын Человеческий на престоле славы своей, сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых» (Матф. 19:28; ср. Лука 22:30).

Если сутью и сердцевиной учения Иисуса было, что кто-то, кого называют Сыном Человеческим, небесный судья космического масштаба, скоро прибудет, чтобы судить и утверждать Царство Божие на земле, то почему в настоящее время никто не считает это сутью его учения? Ответить на данный вопрос несложно. Ожидаемый конец не наступил. Иисус умер. Потом умерли его ученики. А конец так и не наступил. В итоге последователи Иисуса начали подчеркивать другие стороны его учения. Учение Иисуса было лишено его

изначального апокалиптического содержания. Христианская религия стала проповедью *об* Иисусе, о его смерти и воскресении, а не проповедью *самого* Иисуса об ожидающемся Сыне Человеческом. В тех рассказах об Иисусе и его учении, которые рассказчики излагали и пересказывали впоследствии, они убрали апокалиптическое содержание. По сути все учение Иисуса было лишено изначального апокалиптического смысла.

Мы можем обнаружить подобные изменения в уже дошедших до нас Евангелиях. Хотя апокалиптическое содержание учения Иисуса очевидно в самых ранних источниках, таких как Марк и источник Q, на котором основываются Матфей и Лука, в более поздних источниках апокалиптика практически не ощущается. В Евангелии от Иоанна, в самом позднем из канонических Евангелий, апокалиптические идеи, как правило, высказываются не самим Иисусом. Ну а позднее, в Евангелии от Фомы, Иисус *обличает* возможное апокалиптическое представление о мире (например, в высказываниях 3 и 113). В поздних Евангелиях не содержится никакого апокалиптического содержания. После того, как конец не наступил, последователи Иисуса изменили смысл его учения. Возможно, что некоторые из них были разочарованы. Возможно, что для некоторых из них разочарование наступило задолго до того, как оно наступило для других. И подобное может крыться за предательством Иуды.

Ученики ожидают наступления Царства Божия

В самом раннем из дошедших до нас Евангелий, от Марка, постоянным рефреном звучит мысль, что ученики не могли понять, что имел в виду Иисус, говоря, что ему придется отправиться в Иерусалим, быть отвергнутым еврейскими властями и распятым. Но почему так сложно было понять подобные высказывания? В чем заключалась проблема?

Может быть, ученики ожидали от Иисуса чего-то иного? Поражает то, что в соответствии с самыми ранними источниками ученики, являвшиеся бедными безграмотными крестьянами из деревенских низин Галилеи, лелеяли в отношении себя большие надежды. Они постоянно спорили друг с другом, кто из них «самый великий»; они хотели знать, кто из них будет главным в предстоящем Царстве Божьем; они хотят узнать о том, кому будет разрешено сидеть по правую и левую руку от Иисуса (Марк 9:34; 10:35–37).

Исходя из того, что рассказывал им Иисус об их будущем месте в Царстве Божьем, не удивительно, что они были захвачены мыслями о собственном величии: они должны были стать двенадцатью управителями утопического Царства Божия, которое должно было скоро наступить. Это само по себе является прекрасной иллюстрацией того, как Иисус проповедовал о Царстве Божьем. Когда прибудет Сын Человеческий, будут унижены все великие, богатые и сильные. А те, кто был покорен, беден и бессилен, вознесется. Кто мог бы быть более покорен и бессилен, чем бедные последователи Иисуса, ничего не значащие люди с самых окраин? Чтобы продемонстрировать смысл своего учения о будущем перевороте, Иисус избрал двенадцать из них и поведал им о том, что они будут могущественными управителями наступающего Царства Божия.

Итак, именно этого ожидали двенадцать апостолов, в том числе и Иуда Искариот. И тогда нет ничего удивительного в том, что они не могли связать вышеизложенное со словами Иисуса в конце его миссии, что он будет отвержен и убит. Убит? Как он мог быть убит? Наступает Царство Божие, и они будут его правителями. Иисус является их господином. Значит, он больше не будет их господином? Ученики так и не смогли понять, что Иисус должен был умереть. Они считали, что он будет с ними в Царстве Божьем. На самом деле он будет продолжать управлять ими. Они будут правителями над двенадцатью коленами, но он будет господином всего, царем Небесного Царства. А какой еврейский термин использовался для обозначения будущего царя будущего Царства, того, кто должен был править над всеми? Это слово — *мессия.*

Иисус как мессия

Между исследователями велись долгие и напряженные дискуссии относительно того, считал ли Иисус себя мессией. Для большинства людей, не посвященных в данную проблему, весьма проблематично понять смысл подобных дискуссий, отчасти потому, что большинство людей не знает о том, что слово «мессия» обозначало в древнем Израиле. Большинство моих теперешних студентов полагают, что мессия каким-то образом должен быть Богом, нисходящим на землю. Но «мессия» означает «помазанник». Это смертный, который избран Богом, чтобы тот правил его Царством.

История самого слова по понятным причинам достаточно известна. В еврейском Писании Бог обещает царю Давиду, величайшему царю во всей истории Израиля, что его потомки будут всегда наследовать трон (2 Царств. 7:14–16; Пс. 88:3–4, 26–37). Но исторические события развивались иначе. Когда вавилонские войска захватили Иудею, они свергли царя (4 Царств 24:25). Как понимали это еврейские мыслители? Ведь Бог обещал вечное царствование роду Давида, но царственная преемственность была прервана. Некоторые из еврейских мыслителей пришли к выводу о том, что Бог впоследствии исполнит свое обещание, восстановив линию царей Израиля. Поэтому будет «помазанник», который будет править Божьими людьми.

На иврите слово, обозначающее «помазанника» — это мессия. Эквивалентным словом в древнегреческом языке Нового Завета является *cîmstos,* или Христос. Мессия (Христос) станет будущим управителем народа Божьего. Многие евреи полагали, что он будет «сыном Давидовым», то есть земным его потомком, который унаследует трон Давида, когда Бог простит свой народ и выгонит прочь захватчиков (вавилонян, сирийцев, римлян, кого угодно, кто на тот момент управлял Палестиной). И тогда Израиль будет установлен как суверенное государство на земле..

Как я уже указывал в предыдущей главе, у живших в первом столетии евреев могли быть разные представления о том, как будет выглядеть мессия.[4] Некоторые, а возможно, что и большинство евреев, думали о нем как о реальном царе, который будет восседать на троне Давидовом. Другие думали о нем как о воцарившемся на земле судье космического масштаба (например, Сын Человеческий Иисуса). Однако были и те, кто полагал, что он будет могущественным первосвященником, который будет править народом в соответствии с записанным законом Божьим. Но все, кто думал о будущем мессии, представляли его великим и могущественным, тем, кто действительно будет управлять Божьим народом в наступающем Царстве Божьем. Он не будет Богом. Он будет избранным божественным представителем.

Христиане, разумеется, называются так по имени Христа, поскольку они и сейчас, и всегда признавали, что сам Иисус и был мессией. Люди, которые не верят в христианство, всегда отвергали подобную точку зрения, и причина этому достаточно ясна. Иисус так никогда и не стал царем. Он никогда не возвращался с небес в качестве судьи космического масштаба. Он никогда не был первосвященником, управляющим народом. Называть Иисуса мессией для большинства евреев не имело никакого смысла — ни при жизни Иисуса, ни впоследствии.

Одним из наиболее интригующих вопросов, которые занимают умы исследователей, это почему ранние последователи Иисуса стали его в первую очередь называть «Христом». Произошло ли это по причине того, что после его смерти они уверовали в то, что он восстал из мертвых и поэтому должен быть мессией? Как ни удивительно, ответ на данный вопрос скорее отрицательный. Ведь до возникновения христианства во всей истории иудаизма не было ни единой традиции, утверждающей, что мессия должен умереть и воскреснуть из мертвых. Как убедительно доказывает исследователь Нового Завета Нильс Даль, сам факт воскресения еще не мог доказать ни одному из евреев, что Иисус был мессией, поскольку мессия не *должен* был восставать из мертвых. Разумеется, впоследствии христиане указывали на отрывки из еврейских Писаний, в которых речь шла о смерти Божьего Праведника и его конечном оправдании перед Богом. Христиане утверждали, что в данных

отрывках речь идет об Иисусе (например, Ис. 53 и Пс. 22). Но до наступления эпохи христианства никто не полагал, что эти отрывки повествуют о будущем мессии, который должен умереть и быть воскрешенным. Также следует обратить внимание на то, что слово «мессия» ни разу в этих отрывках не использовалось. Для евреев мессию мессией делал факт избранности его Богом, чтобы править народом Божьим. В данных отрывках речь шла о ком-то другом.

Однако, если смерть и воскресение Иисуса не вызывали мгновенный отклик «Ага! Значит, Иисус мессия!», то почему христиане начали называть Иисуса мессией? Одна из причин того, что нам сложно найти ответ на этот вопрос, заключается в том, что во всех ранних источниках — в новозаветных Евангелиях, в сочинениях Павла — просто утверждается, что Иисус был мессией. Павел настолько убежден, что Иисус мессия, что использует слово «Христос» практически как имя Иисуса. Евангелия, написанные после Павла, уже все без исключения отражают точку зрения о том, что Иисус мессия. Поскольку авторы Евангелий были в этом уверены, они достаточно свободно и часто излагают мысль о том, что Иисусу была уготована роль мессии. И разумеется, все читатели данных Евангелий были просто убеждены в том, что Иисус и его последователи заранее знали о том, что он мессия.

Но для Павла и для авторов Евангелий Иисус не является мессией в *еврейском* понимании этого слова, в соответствии с которым он должен восседать на троне в Иерусалиме и управлять Израилем как суверенным государством на его собственной территории. Он правит миром сейчас, как их Господь Небесный. И разумеется, впоследствии он вернется и будет царствовать над землей, так как он является и грядущим мессией. Но на данный момент он духовный мессия, который победил смерть, поскольку воскрес и был вознесен на небеса, чтобы восседать на троне по правую руку от Господа. Однако в эпоху Иисуса, за много лет до того, как начали свою деятельность Павел и авторы Евангелий, не было евреев, которые считали, что *такое* может означать мессию.

Отчасти по этой причине в ранних источниках, например в Евангелии от Марка, постоянно проводится мысль о том, ученики никак не могли понять, кем является Иисус. Разумеется, Иисус изображен как знающий о своей предстоящей смерти и воскресении. Но ученики не могут этого понять. Они думают, что он мессия, а это значит, что он в будущем станет царем. Авторы Евангелий, конечно, полагали, что это неверное представление о том, кто такой мессия. Для них Иисус мессия в его смерти и воскресении.

Но откуда возникла эта не принадлежащая евреям мысль о мессии, который должен умереть и воскреснуть? Исследователи пришли к выводу о том, что необходим исторический анализ сложившейся ситуации. Ситуация выглядит следующим образом:

- Христиане верили, что Иисус мессия.
- Христиане знали о том, что Иисус умер, и верили, что он воскрес.
- В итоге христиане пришли к выводу о том, что мессия должен был умереть и воскреснуть.

Итак, факта смерти Иисуса и веры в его воскресение *самих по себе не* было достаточно, чтобы кто-то мог предположить, что Иисус мессия, поскольку никто не полагал, что подобное должно случиться с мессией. Единственными, кто мог подумать, что Иисус был мессией, умершим и воскресшим, были те, кто уже считал его мессией, еще до его смерти.

Надежды на Иисуса как на мессию

На самом деле существуют исторические свидетельства о том, что некоторые из последователей Иисуса считали его мессией еще до его смерти. Когда они его воспринимали таковым, они использовали собственные категории — доступные им еврейские категории, — чтобы наделить смыслом подобное представление. Они знали, что он не первосвященник, значит, он не мог стать таким мессией. И они также знали, что он простой смертный,

живущий на земле, а не ангел, нисходящий в облаке с небес. Значит, если они думали о нем как о мессии, они думали о нем как о будущем царе. Это соответствовало смыслу учения Иисуса: если вознесенные будут унижены, а униженные вознесены, то нет ничего удивительного в том, что он, малоизвестный проповедник из отдаленных областей Галилеи, станет правителем народа Божьего.

Однако остается актуальным вопрос: откуда ученики взяли идею, что Иисус станет будущим мессией? Исследователи давно видят в этом проблему: в ранних евангельских источниках Иисус не ведет долгих бесед, в которых он описывал бы себя так. Такое происходит только в поздних Евангелиях. У Иоанна, в наиболее позднем каноническом Евангелии, Иисус углубляется в рассуждения о том, кто он на самом деле. Он говорит о грядущем Царстве Божьем и как людям необходимо к нему готовиться.

Единственный раз, когда в раннем источнике Иисус говорит, что он мессия, это во время допроса после ареста. Первосвященник задает ему вопрос: «Ты мессия, сын благословенного?» Иисус дает однозначный ответ: «Я, и вы узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных. Тогда первосвященник, разодрав одежды свои, сказал: на что еще нам свидетелей?» (Марк 14:61–62). Сложно понять, каким образом Марк, христианин, живущий сорок лет спустя, мог точно знать, что сказал Иисус во время допроса (напоминаем, что никто из последователей Иисуса там не присутствовал, и уж конечно, никто ничего не записывал). Но в данном высказывании действительно существует большая вероятность сходства с предполагаемыми речами Иисуса. Не йужно забывать о том, что он четко указывает первосвященнику на то, что сам первосвященник будет жив, когда Сын Человеческий придет с небес. Христиане, по крайней мере те, которые жили уже после смерти первосвященника, не стали бы придумывать подобную фразу. Но на данный момент я хочу более подробно остановиться на том любопытном факте, что это в первый раз, когда в самом раннем из дошедших до нас Евангелий Иисус публично заявляет о себе как о мессии.

А исторический Иисус, заявлял ли он публично о себе как о мессии? Если это было так, то становится сложно объяснить, почему в наших ранних источниках это не отражено. С другой стороны, его ученики точно знали, что он *был* мессией, хотя он не сделал ничего из того, что мессия должен был сделать.

Так, он никогда не поднимал войско против римлян. Так откуда же возникла эта идея, и почему Иисус никогда публично о ней не заявлял?

Я думаю, что наиболее адекватным решением проблемы будет предположение, что Иисус сказал ученикам о том, что он мессия, но публично этого не заявлял. Только ученики знали об этом. Тогда многое из того, что я представлял в качестве сложных моментов в предыдущих отрывках, становится понятным:

• Принина, по которой Иисус впоследствии был назван мессией, хотя он никогда не делал того, что ожидалось от мессии. Собственно говоря, он был назван мессией после смерти, поскольку его так называли при жизни.

• Причина, по которой Иисус не был изображен публично объявляющим себя мессией в ранних источниках, ведь он никогда не объявлял об этом публично.

• Причина, по которой Иисус никогда не объявлял это публично, возможно, заключалась в том, что тогда бы слушатели вложили бы собственный смысл в его слова: он должен стать будущим царем. А это могло привести к яростному восстанию против римских властей.

• Причина, по которой Иисус не имел в виду, что он мессия в том смысле, что должен вести за собой войско и победить римлян. Он имел в виду мессианство в собственном апокалиптическом смысле. Иисус верил в то, что Сын Человеческий (а не он сам) придет на землю, чтобы учинить суд и установить царство Божие. И только тогда Иисус станет царем. В подобного рода апокалиптическом видении он был будущим мессией.

• Причина, по которой он говорил об этом втайне и только двенадцати апостолам, которых считал своими учениками, — они должны были управлять двенадцатью коленами Израиля в будущем Царстве, а сам он править над ними.

Предположение о том, что Иисус открыл только ученикам, кем он является, объясняет еще несколько важных моментов из самой ранней истории христианства. Это объясняет, почему ему вынесли смертный приговор за то, что он называл себя царем иудейским, хотя ни разу в течение всей его миссии он ничего подобного о себе не заявлял. И это четко объясняет, что именно предал Иуда. Иуда не только привел врагов Иисуса к нему, он также открыл им тайную информацию, которая вынуждала власти арестовать Иисуса. Иуда раскрыл перед ними то, чему его господин обучал двенадцать учеников: Иисус должен был стать будущим царем.

Обвинение Иисуса в том, что он называл себя царем иудейским

Один из ярких моментов в Евангелиях, который в течение долгого времени вызывал недоумение у исследователей, — это постоянные упоминания в них о том, что Иисусу был вынесен смертный приговор за то, что он называл себя царем иудейским, хотя он так сам себя не называл. Практически нет сомнений в том, что именно по этому обвинению и проводился весь допрос. Это обвинение упоминается в независимых друг от друга источниках. Пилат напрямую спрашивает у Иисуса: «Ты царь иудейский?» (Марк 15:2; Иоанн 18:33). И это то самое обвинение, которое было написано (по — разному в каждом из Евангелий) на табличке, помещенной над его головой на кресте: это царь иудейский (Матф. 27:37; Марк 15: 26; Лука 23:38; Иоанн 19:19).

Это было обвинение политического характера. Только римляне могли назначать царя, который будет править иудеями, и, разумеется, они никогда не назначали на эту должность Иисуса. Если он провозглашал себя царем, то в лучшем случае он этим объявлял о своем подчинении римским властям, а в худшем он давал понять, что собирается поднять восстание против Рима, чтобы сделать Израиль независимым государством. Так или иначе, с точки зрения римлян это было заявление политического характера, которое заслуживало смертной казни. По этой причине римляне и убили его.

Но в ранних источниках нет практически никаких указаний на то, что Иисус интересовался политическим переворотом.[6] Как же мы должны объяснить тот факт, что причины его смерти были политические?

В этом месте мне необходимо сделать важную ремарку методологического характера. Как я уже замечал и раньше, существует невероятное количество образов исторического Иисуса, которые создавались самыми серьезными учеными. Для того чтобы проверить правомерность каждого из таких исторических портретов, необходимо задать ключевой вопрос: является ли история *жизни* Иисуса причиной его *смерти*? Распятие Иисуса римлянами является единственным и самым достоверным моментом из жизни Иисуса — единственное, что мы знаем о нем наверняка. Поэтому любое повествование о его жизни призвано объяснить его смерть.

Если, например, кто-то утверждает, что Иисус был прежде всего еврейским раввином, который обучал своих последователей тому, что они должны любить друг друга, стали бы римляне убивать его за *такое*? Разве Понтий Пилат говорил: «Но нет, мы не можем вам позволить любить друг друга. И уж мы точно не хотим, чтобы вы любили *нас*, ваших врагов. Ты будешь распят!» Или: если предположить, что главной заботой Иисуса был статус женщины в Палестине первого столетия, то разве Пилат разозлился бы на подобное и потребовал его смерти? Или: если основным смыслом учения Иисуса было, что его ученики должны стать философами — киниками и отвергнуть материальный мир ради духовного, разве Пилат принял бы решение, что Иисуса надо пытать, калечить и распять? Любое из представлений о жизни Иисуса должно объяснять его смерть.[7]

Если бы Иисус был политическим революционером, это могло бы объяснить его смерть. В таком случае римляне пытали бы его по политическому обвинению и предали казни. Проблема заключается в том, что Иисус, судя по всему, был пацифистом. Он никогда не вел за собой войска и не проповедовал идею насильственного разгрома империи.[8]

Разумеется, римляне могли только *думать*, что Йисус был подстрекателем, хотя он и не был таковым. Но есть и более подходящее объяснение тому, почему они хотели его казнить. Он не поднимал меч против римлян, потому что, по его мнению, ему это было не нужно. Он знал, что империя скоро будет разгромлена, но не войсками, которые он будет вести против римлян, а самим Богом в неминуемом акте суда. Иисус был одним из апокалиптиков, проповедовавших грядущее насилие не от людей, а от самих небес. Когда он отправился в Храм в последнюю неделю своей жизни и перевернул столы менял и продавцов жертвенных животных, это было символической демонстрацией того, что скоро наступит Божий суд и это место будет разрушено.[9] Святое место? Святилище Господа? Да, Божий суд коснется и этого места. Властители стали властными и извращенными, они стали приспешниками римлян и будут уничтожены после наступления Божьего суда.

Нет ничего удивительного в том, что еврейские власти не проявили участия к Иисусу и опасались, что он может посеять беспорядки среди народа. Он проповедовал против них, и поэтому они решили убрать его. В этом не было ничего особенного. Такова была в большинстве случаев судьба апокалипти- чески настроенных проповедников грядущего суда. То же произошло с Иоанном Крестителем еще до Иисуса. И то же происходило с другими проповедниками апокалипсиса после его смерти.[10] Римляне были быстры и безжалостны, когда речь заходила о том, что кто-то проповедует против них. Вне зависимости от того, призывали ли эти люди к оружию или настаивали на том, что скоро вмешается сам Бог. Любой, кто высказывался против их власти, заслуживал подобного обращения.

Но, разумеется, должна была существовать причина для подобного обращения (даже если они были неправы или их ввели в заблуждение).[11] И это заставляет задать меня тот же самый вопрос: если не остается сомнения в том, что Иисуса обвинили, потому что он называл себя царем иудейским, но нет никакого подтверждения в ранних текстах, что он заявлял о себе такое во всеуслышание, как мы можем объяснить подобное обвинение?

Реконструкция истории предательства и смерти Иисуса

Я представляю себе это следующим образом. Иисус публично проповедовал апокалиптические идеи о наступающем суде. Большую часть времени он проповедовал на своей родине, в Галилее, в северной части страны. Это была сельская область, и, скорее всего, об Иисусе не знали ни представители римских властей, живущие на юге, ни еврейские власти из Храма и Иерусалима.

В конце жизни он с учениками совершил путешествие в Иерусалим, чтобы отпраздновать ежегодный праздник Пасхи. Это было нелегкое и наполненное событиями время для Иерусалима. Представители римских властей считали этот период года наиболее опасным, поскольку еврейские паломники прибывали отовсюду в Иерусалим, чтобы отпраздновать Исход, который произошел примерно за тринадцать веков до этого во времена Моисея. Тогда Бог спас свой народ от ига другого народа в Египте. Празднуя это событие ежегодно, евреи не только вспоминали прошлое: многие из них смотрели с надеждой в будущее, когда Бог проявит себя снова и в этот раз также спасет их от нынешних завоевателей (римлян). Представители римских властей прекрасно знали, что время Пасхи наиболее чревато волнениями, и они принимали все необходимые меры, чтобы искоренить потенциальные источники восстания.[12]

Иисус прибыл в город и вызвал небольшой переполох в Храме, предрекая скорое вмешательство Бога в ход истории с целью победы над силами зла и основания нового

царства Божия на земле. Сын Человеческий скоро прибудет в качестве судьи, и даже центр иудейской власти и престижа будет разгромлен. Храм будет разрушен.

Еврейские лидеры — первосвященники под предводительством Каиафы — не желали начала мятежа. Мятежи уже случались во время Пасхи, когда толпа попадала в зависимость от харизма- тичного проповедника. Поэтому еврейские власти стали тщательно следить за Иисусом, новым харизматичным проповедником. В течение предпасхальной недели Иисус собирал вокруг себя все большее количество последователей, и первосвященники пришли к выводу, что это может вызвать проблемы. Они решили убрать Иисуса со своего пути. Но требовалась легальная процедура. Они не могли арестовать Иисуса по причине их нелюбви к нему. И он не проповедовал никакого открытого мятежа. Еврейским властям требовалось какое-то обвинение, которое они могут ему предъявить,[13] что-то, что заставит римлян заняться им вплотную.

И здесь—то и появляется Иуда Искариот. По определенной причине, которую я вскоре объясню, Иуда предоставил им то, что они хотели: Иисус в узком кругу называл себя будущим царем.

Иисус, конечно, представлял себе это учение в строго апокалиптическом смысле. Он думал, что станет царем, когда Сын Человеческий утвердит Царство Божие. Однако подобного рода нюансы уже не играли абсолютно никакой роли. Узнав, что Иисус называл себя царем, первосвященники получили всю необходимую им информацию. Они не могли получить информацию только из проповедей Иисуса. Это не входило в его публичные заявления, а являлось частной информацией для учеников, предполагавшихся соправителей его будущего царства. Но Иуда рассказал то, что было необходимо, и еврейские лидеры организовали арест Иисуса. Они воспользовались услугами предателя, который привел их к Иисусу. А потом они учинили допрос Иисусу, вопрошая: «Ты мессия?» Он был вынужден отвечать правдиво и поэтом)' открыл им то, что считал истиной: да, он был тем, кто будет править будущим царством. И тогда местные власти передали его римлянам для дальнейшего допроса.

Именно по этой причине Пилат учинил Иисусу допрос по обвинению в том, что тот называет себя царем иудейским, хотя это не входило в публичные проповеди Иисуса. Иисус думал, что он станет мессией грядущего царства, то есть будущим царем. Поэтому когда Пилат задавал ему свои вопросы, он либо говорил правду, что он и есть царь, либо по крайней мере не отрицал предполагаемого.[14] Разве он мог поступить иначе? Ведь это было сердцевиной его учения. Римляне усмотрели в подобном заявлении политическое подстрекательство. Пилат приказал его распять. Иисус был избит и казнен.

Теперь мы обладаем историческим объяснением того, почему Иисус был убит из-за того, что называл себя царем иудейским, хотя он никогда не упоминал об этом во всеуслышание. Тайную информацию раскрыл Иуда.

Подобного рода объяснение того, что именно предал Иуда, гораздо больше объясняет ситуацию в целом, чем привычные объяснения. В соответствии с Евангелиями, единственное, что сделал Иуда, это указал властям, это куда им идти, чтобы арестовать Иисуса. Но вряд ли предательство заключалось только в этом. Если властям нужно было знать, где находится Иисус, они бы легко это проследили и не было бы необходимости в предателе. То альтернативное объяснение, которое я даю, объясняет многие моменты:

• Иисус тайно проповедовал своим последователям, что они будут править Царством Божьим.

• Он также проповедовал им, что станет их правителем и царем грядущего Царства (мессией).

• Он был казнен за то, что называл себя царем иудейским, хотя никогда не заявлял подобного во всеуслышание.

• Позже христиане воспринимали его как мессию, хотя он не делал ничего из того, что мессия должен был делать. Причина подобного представления христиан коренится в том, что оп был известен в качестве мессии еще до своей смерти, поскольку именно это он и проповедовал.

Оставшиеся вопросы

Если созданный мной сценарий предательства и ареста Иисуса верен, то все равно остается несколько нерешенных вопросов. К сожалению, мы можем только рассуждать на эти темы, поскольку не можем здесь добиться исторической достоверности. Как и для большинства исторических событий, нам просто не хватает достоверных источников, чтобы получить желаемую информацию. Все, что нам остается, это строить разумные предположения, исходя из того малого количества информации, которая предоставлена.

1. Знал ли Иуда о том, что его предательство приведет к смерти Иисуса? Как мы уже убедились, именно это становится причиной предательства в Евангелии от Иуды: необходимо позволить Иисусу избежать ловушек смертного тела и вернуться в духовную реальность. Но эта история была написана столетия спустя после всего случившегося гностиком, который считал освобождение от материального мира лучшим из благ и который рассказал историю об Иисусе и Иуде в свете собственных представлений.

В двух из канонических Евангелий, от Марка и от Иоанна, Иуда полностью исчезает со сцены после предательства, поэтому не осталось никаких свидетельств о том, какие чувства он испытывал впоследствии. Однако в раннем источнике, у Марка, удивляет то, что Иуда указывает тем, кто пришел арестовать Иисуса, взять его «осторожно» (Марк 14:44; иногда это неправильно переводится как «под охрану»). Это очень странное замечание, и некоторые интерпретаторы полагали, что это указывает на опасения Иуды, будто Иисус может попытаться спастись. Но в другой интерпретации он просто не хотел, чтобы что-то произошло с Иисусом, и заботился о его безопасности («сохраните его» вместо «охраняйте его»). Если это было так, то последствия предательства могли быть совершенно неожиданными для Иуды. Может быть, он хотел, чтобы Иисус был взят под контроль, потому что он тоже опасался начала волнений и не хотел, чтобы Иисус и его ученики были покалечены в их же доме. Возможно, что он не предполагал, что акт передачи Иисуса властям приведет к смертной казни Иисуса, а просто считал, что они на какое-то время задержат

Иисуса для допросов, выяснят, что у него нет политических амбиций и выпустят на свободу как еще одного пророка с утопическими воззрениями на будущее.

Тогда становятся понятны те следы традиции, которую мы находим в Матфее, о том, что Иуда раскаялся, узнав о том, что Иисус «осужден», и поэтому впоследствии пытался вернуть деньги, которые заработал на сделке. Почему приговор Иисусу заставил Иуду раскаяться? Только в том случае, если это не было целью предательства. Возможно, что Матфей считал, что Иуда не хотел смерти Иисуса, но лишь заботился о его пребывании в безопасной изоляции от общественности до конца праздника. Когда события стали развиваться совсем не так, как он рассчитывал, Иуду охватило чувство вины и горечи, и он повесился.

2. Тогда почему Иуда это сделал? Разумеется, Евангелия дают различные ответы на данный вопрос. По Евангелию от Иуды он предал Иисуса, потому что этого хотел сам Иисус, в ранних источниках также имеется много возможных ответов: Иоанн изображает Иуду как изначальное зло, как «дьявола», и поэтому он, естественно, сделал то, к чему он был склонен; Лука предполагает, что «сатана заставил его сделать это»; Матфей указывает, что он это сделал из денежных соображений.

Но какая реальная причина крылась за поступками Иуды? Боюсь, что мы так до сих пор этого точно не знаем. Возможно, что тот сценарий, который я предложил, верен, и Иуда

просто хотел, чтобы Иисус был удален с глаз общественности до конца праздника. А потом они вернутся в Галилею и продолжат свои публичные проповеди.

Существует и другой вариант, более интригующий, следы которого можно усмотреть у Марка, в наиболее раннем Евангелии. Если верить истории Марка, Иисус проповедовал о наступающем Царстве Божьем, о Сыне Человеческом, который придет и будет судить, и говорил ученикам, что это случится скоро. И вот он прибывает в Иудею из Галилеи, очищает храм и проходит обряд помазания неизвестной женщиной из Вифании. В тот момент апокалиптический пыл его учеников должен был достигнуть пика. Иисус произносит свою наиболее длинную апокалиптическую проповедь в Марке 13, описывая то, что случится скоро, в конце времен. Что означает акт помазания? Разумеется, этот обряд можно истолковать различными способами. Если Иисус должен стать царем, не является ли это символом того, что он займет трон как помазанник Божий? Возможно, что именно так ученики и думали. Но сам Иисус так это не интерпретировал. Вместо этого он указывает на то, что безвестная женщина совершила акт помазания его тела «к погребению» (Марк 14:8).

Каждый раз, когда Иисус говорит о своей предстоящей смерти в Евангелии от Марка, ученики не понимают его: разве он не есть будущий царь, который будет царствовать, а они вместе с ним? То же происходит и здесь. После того как Иисус говорит о своей надвигающейся кончине, Иуда выходит, чтобы его предать.

Возможно ли, что мы имеем дело с историческим свидетельством реально произошедшей ситуации? Возможно, что для Иуды объяснение Иисусом помазания стало последней каплей. В течение всей миссии Иисуса его ученики, в том числе и Иуда, ожидали наступления того времени, когда они будут править грядущим царством. Это должно было скоро случиться. Насколько скоро? В одном из высказываний, которое мы находим у Матфея, но которое, возможно, восходит к самому' Иисусу, Иисус направил своих двенадцать учеников проповедовать о предстоящем наступлении Царства Божия со следующими словами: «Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой. Ибо истинно говорю вам: не успеете обойти городов Израилевых, как приидет Сын Человеческий». (Матф 10:23). Что означало данное высказывание в том историческом контексте? Оно не могло означать, что Иисус будет сам следовать за каждым из двенадцати апостолов во все те города, которые они посетят. Имел ли Иисус в своей апокалиптической проповеди в виду не самого себя, но судью небесного на земле, который прибудет не позднее времени жизни «этого поколения» и даже еще быстрее, до того, как закончится миссия двенадцати апостолов?

Если именно это он имел в виду, или если, по крайней мере, так его поняли, то его ученики должны были быть горько разочарованы тем, что конец в итоге не наступил и что все продолжается как раньше.[15] Возможно, со временем все эти разговоры о приходе Сына Человеческого, о Царстве Божьем, о правлении двенадцатью коленами Израиля и т. д. стали терять свою привлекательность? Возможно, Иисус предполагал, что подвергнется гонению со стороны властей. Его предшественник Иоанн Креститель пережил подобную участь. То же происходило и с пророками из Священного Писания, то же происходило и с другими пророками его эпохи. Поэтому нет ничего удивительного в том, что сам Иисус начал задумываться о том, что с ним случится нечто подобное. Это ведь в конечном счете является постоянным рефреном его проповедей в Евангелии.

Так почему же Иуда предал Иисуса? Вполне вероятно, как я уже указывал, что Иуда просто считал, что ситуация выходит из-под контроля, и хотел, чтобы Иисус находился в безопасной изоляции, прежде чем начнутся волнения.[16] Но возможно, что это было лишь отсрочкой того конца, который в результате настиг Иуду и заставил его пересмотреть все свои прежние взгляды. Он, как и все остальные, думал, что станет могущественным царем. Они совершили паломничество в Иерусалим в надежде на то, что наступило подходящее для этого время, однако ничего не происходило, и было очевидно, что ничего в ближайшее время и не произойдет. Возможно, что Иуда испытал кризис веры, устав от постоянных

указаний Иисуса на его скорую гибель, и в порыве горечи он стал противником своего учителя. Возможно, были разрушены все его надежды. Возможно, он взбунтовался. Возможно, он восстал против того, кого так любил, из-за отчаяния, злости или просто из-за разочарования в нем.

Все это, как я уже указывал, не более чем наши предположения. Как бы мы ни хотели это узнать, нам просто не хватает достоверных источников, чтобы узнать причину того, что Иуда, один из ближайших последователей Иисуса, предал своего господина. Но понятно, что по той или иной причине Иуда стал отступником от веры и предал Иисуса в руки его врагов. Он не только рассказал им о том, где найти Иисуса, но также дал им тайную информацию, которая была им необходима, чтобы предъявить ему обвинение перед римскими властями. Иисус называл себя царем.

3. Как умер Иуда? Мы уже видели, что у нас есть противоречивые свидетельства о смерти Иуды в Евангелии от Матфея, в Деяниях апостолов и у Папия. Я думаю, что мы можем оставить в стороне легендарную историю Пания о том, что Иуда раздулся до невероятных размеров, что доктор даже с помощью оптических инструментов не мог установить, где у Иуды глаза, что его гениталии стали гротескно огромными и что он исторгал из себя червей и гной каждый раз, когда ему нужно было помочиться. Эту историю можно назвать интересной, но, наверное, она все же не подходит для исторического анализа.

Матфей и книга Деяния апостолов противоречат друг другу в. нескольких моментах, как мы уже видели, но сходятся в нескольких значимых пунктах. И там, и там указывается, что смерть Иуды была связана с местом в Иерусалиме, которое иногда называют «землей крови», у Матфея она называется «землей горшечника». Во всем остальном источники противоречат друг другу. Матфей говорит, что священники заплатили за это поле ценой крови, которую вернул Иуда (отсюда название поля); в Деяниях говорится, что Иуда приобрел его сам. Матфей говорит, что Иуда повесился, в Деяниях указывается, что он упал, его внутренности вылезли наружу и кровь оросила землю (отсюда ее название).

Обратим внимание на то, что оба рассказа не зависят друг от друга, ни одна из книг не основана на информации из другой книги. И значит, те моменты, которые являются общими, становятся независимыми свидетельствами. Какой вывод может сделать историк?

Здесь нам снова нужно положиться на нашу способность сводить все воедино. Вот одно из возможных решений проблемы. В Иерусалиме существовало место, которое было известно своей богатой почвой, которую горшечники использовали для своих изделий. Из-за яркого красного оттенка почвы оно было известно не только как земля горшечника, но и как земля крови. Иуда умер в этом месте, возможно, в результате самоубийства, которое он совершил, раскаявшись в том, что сотворил. Христиане, которые узнали о смерти Иуды, отнеслись к названию земли иронически: краснопочвенная земля горшечников стала местом, где Иуда пролил свою кровь. И поэтому они придали новое значение названию «земля крови» — оно стало связано с пролитой кровью предателя Иисуса.

Как я уже говорил, это во многом догадки, но они сводят воедино известные нам факты. Во всем, что касается информации о самом Иуде, предавшем ученике Иисуса, это по большей части все, что может сказать историк.

Заключение

В конечном счете мы всегда обладаем бесконечно малой толикой достоверной информации о людях, живших в отдаленном прошлом. Большинство людей жили, любили, страдали и умерли, не оставив ни единого следа на этой земле. В отношении некоторых людей древности: Сократа, Юлия Цезаря, Иисуса — мы обладаем довольно большим количеством информации, которая в разных источниках имеет различную степень достоверности. В случае Иуды мы обладаем небольшим количеством упоминаний о нем в тех книгах, которые в гораздо большей степени были посвящены его учителю и упоминали об

Иуде только в связи с Иисусом. Но эти несколько упоминаний могут оказаться для нас полезными, чтобы сделать свои выводы. Практически нет сомнений в том, что Иисус был апокалиптически настроенным проповедником, которого распяли по политическим причинам. А Иуда Искариот был одним из его ближайших последователей, который, соответственно, полностью принимал его апокалиптические проповеди. Но он также стал и предателем Иисуса, тем, кто раскрыл информацию, ставшую причиной смерти Иисуса. Информация, видимо, касалась того, что только Иуда, один из двенадцати учеников, мог знать. Хотя мы никогда не узнаем полностью мотивы его поступка — пытался ли он защитить Иисуса или был разочарован в наступлении грядущего Царства, нам известно, что только он один из ближайших последователей стал противником своего учителя и предал его в руки властей. Это наиболее достоверная часть исторической информации, которую мы о нем знаем. Все остальное, что он когда-либо говорил и делал, не стало достоянием общественности, поскольку все затмил печальный конец.

Глава 11. Евангелие от Иуды в перспективе

Недавно обнаруженное Евангелие от Иуды вызвало новую волну интереса к Иуде Искариоту, предателю Иисуса. В этой книге мы разобрали, как Иуда был изображен в древних сочинениях — как в тех, что вошли в Новый Завет, так и в более иоздних. Мы также попытались реконструировать, кем был Иуда на самом деле, что он защищал, во что верил, и что он сделал, сдав Иисуса властям, и зачем он это сделал. Однако средоточием нашего внимания, исключительным предметом нашего интереса было само Евангелие от Иуды, одно из самых ранних дошедших до нас сочинений, не вошедших в Новый Завет. В последней главе я хотел бы оглянуться назад и рассмотреть ту огромную важность, которую имеет этот необычный текст, в котором Иуда описывается не как одержимый дьяволом или жадный до денег предатель, но как единственный ученик, который понял Иисуса и исполнил его волю.

Как я сказал в самом начале, когда я впервые узнал о существовании этого Евангелия осенью 2004 г., моей мгновенной реакцией было то, что это может быть одна из двух вещей — и что значение ее зависит от того, какой именно она окажется. С одной стороны, я думал, что это может быть гностическое Евангелие, как многие другие гностические Евангелия, обнаруженные в настоящее время, документ, описывающий, как появилось священное царство эонов и как этот мир появился в результате космической катастрофы. Подобные гностические Евангелия призваны открыть знания, необходимые для спасения того привилегированного меньшинства, которое несет в себе искру Божию. Если Евангелие от Иуды являлось книгой такого рода, оно имело большое значение для исследователей раннего христианства, возможно, было таким же важным, как Тайная книга Иоанна, Евангелие египтян или Трактат о происхождении мира. Однако это не было бы находкой, опрокидывающей основы мироздания. Это было бы еще одно гностическое Евангелие в дополнение к все увеличивающемуся списку.

С другой стороны, я думал, что это может быть нечто совершенно другое. Это могла быть книга, описывающая личные отношения Иуды и Иисуса таким образом, который бы вывел ее из ряда уже известных источников, книга, описывающая Иуду в позитивном, а не в негативном свете. Такая книга, думал я, будет куда более значительной. Это была бы первая в своем роде книга, дошедшая до нас с древних времен, представляющая совершенно иное видение Иисуса и его отношений с учениками и тем человеком, который, как считается, предал его. Книга такого рода имела бы большое значение не только для исследователей раннего христианства, но и для широкой публики, как ученых, так и не ученых. Это был бы один из самых интригующих христианских текстов, открытых в нынешнее время.

Как выяснилось, Евангелие от Иуды представляет собой и то, и другое. Это гностический текст, описывающий возникновение священного царства со всеми его зонами, светилами, сводами, который повествует о том, как мир причинности появился не в результате творческой активности истинного Бога, а в результате работы множества низших злобных

божественных существ — кровожадного бунтовщика и дурака. Но это еще и Евангелие, которое раскрывает истинную сущность отношений между Иисусом и Иудой — по крайней мере с точки зрения автора. Согласно этому безымянному автору, Иуда был единственным из группы апостолов Иисуса, который понимал, откуда Иисус пришел и куда направляется. Поскольку он один обладал внутренним знанием, только он мог сделать то, что было нужно Иисусу: передать его властям, чтобы он был убит и вырвался из временного заточения в смертном теле.

Как нам рассматривать такое открытие в перспективе? Мы должны признать обнаружение Евангелия от Иуды сенсационным, не поднимая ажиотаж вокруг того, чего в нем нет.

Чем является и чем не является Евангелие от Иуды

Будет полезно напомнить, чем это Евангелие не является. Это не Евангелие, написанное Иудой или кем-то, кто себя объявлял таковым. Это Евангелие обИуде (и Иисусе, конечно). Это не Евангелие, написанное в то время, в которое жил Иуда, кем-то, кто знал его лично и был знаком с его внутренними помыслами. Это не исторически точный рассказ о самом человеке Иуде. Оно не такое древнее, как четыре Евангелия, которые вошли в Новый Завет. Оно даже не старше, чем другие неканонические Евангелия: Евангелие от Фомы и Евангелие от Петра, возможно, старше по крайней мере на два десятилетия (хотя ни в одном из них не упоминается Иуда). Евангелие от Иуды было написано по меньшей мере через 100, а может быть, и через 125 лет после смерти Иуды кем-то, у кого не было доступа к историческим записям о тех событиях, которые он описывал. Иными словами, это не та книга, которая может сообщить нам дополнительную информацию о том, что происходило во время жизни Иисуса, или даже в последние дни его жизни. Кто-нибудь может спросить: если эта книга не дает нам исторической информации об Иуде или Иисусе, почему мир должен придавать значение этому открытию?

Это Евангелие имеет значение, и большое. Не потому, что оно дает нам более достоверную информацию о том, что происходило в жизни Иисуса, а потому, что она дает нам более достоверную информацию о том, что происходило в жизни его последователей в десятилетия после его смерти. Для понимания ранней истории христианства Евангелие от Иуды обладает колоссальной важностью. Можно с уверенностью сказать, что это самый важный христианский текст, появившийся за последние семьдесят лет.

Оценка важности Евангелия от Иуды

Едва ли кто-нибудь станет спорить, что важнейшим институтом западной цивилизации была Церковь — причем не только для религии, но и для всех областей жизни: политической, социальной, экономической и культурной. Однако Церковь не в одночасье стала могущественным целостным образованием. Она появилась путем необычайно сложной череды исторических событий. Религия, которая преобразовала Римскую империю, а затем стала подавляющей силой в Средневековье и после, — это не та же самая религия, которую проповедовал Иисус. Это религия, которая стремительно развивалась в первые годы своего существования. Религия изменилась и преобразовалась, когда вышла из еврейской матрицы в нееврейскую среду. Очень рано она из религии самого Иисуса (формы иудаизма, которую он проповедовал) превратилась в религию об Иисусе (то есть религию, которая основана исключительно на его смерти и воскресении).

Учитывая огромное влияние, которое оказало на наш мир христианство, историки считают своей обязанностью объяснить, как оно появилось. Особенно важно — и особенно трудно отследить, — что происходило в этой религии в первые годы ее существования. Исторические основы этой религии в первом или первых двух столетиях ее существования определили ее структуру на последующее время. Чем больше мы поймем о том, как

христианство стало тем, чем оно стало, тем лучше мы сможем объяснить наши собственные корни, поскольку мы являемся частью удивительного феномена западной цивилизации.

Одной из проблем понимания ранних веков христианства является то, что у нас очень немного источников. Отчасти потому, что большинство жителей Римской империи были безграмотны и не могли оставить нам записанных отчетов о том, что происходило. Отчасти потом), что большинство свидетельств, оставленных немногими грамотными христианами, было уничтожено или утрачено впоследствии.

Нет ничего удивительного в том, что на протяжении столетий у нас были почти единичные письменные свидетельства авторов первых нескольких веков христианства, которые поддерживали одну и ту же точку зрения и передавали одно и то же представление о том, чем являлось христианство и как оно развивалось. Альтернативные версии истории христианства подавлялись или просто были утрачены. В результате большую часть истории христианства мы знаем только с одной стороны. Только после обнаружения утерянных до того христианских сочинений мы смогли более полно увидеть, каким богатым было разнообразие ранних христианских течений. Евангелие от Иуды, в той же степени, что и другие древние сочинения, показывает, что были и другие точки зрения, страстно и преданно выдвигаемые людьми, которые называли себя христианами. Эти альтернативные воззрения показывают, что во времена раннего христианства велась ожесточенная борьба за то, какие формы веры и практик считать правильными.

Лишь одна сторона одержала победу в этой борьбе. Победившая сторона затем переписала всю историю становления христианства. Недавние открытия позволили нам больше узнать об этих исторических феноменах. В этом непрекращающемся акте реконструкции Евангелие от Иуды сыграет важную роль.

Еретики и ортодоксы ранней Церкви

В раннем христианстве существовали конкурирующие между собой группы. Они придерживались различных верований и ритуалов и все стремились к тому, чтобы привлечь к себе побольше новообращенных. Эти верования и практики настолько различались от одной группы к другой, что историки иногда с трудом могут признать их все «христианскими».

В первые века, конечно, были христиане, которые верили только в одного Бога. Однако другие утверждали, что существует два бога (маркиониты), другие же говорили, что существует тридцать богов, или 365 богов (различные группы гностиков). Были христиане, которые утверждали, что этот мир — творение единого истинного Бога; другие говорили, что это творение справедливого, но сурового еврейского Бога, который не был истинным Богом; другие говорили, что это творение большого количества невежественных злобных богов. Были христиане, которые утверждали, что Иисус одновременно был богом и человеком, другие говорили, что он был богом, но не человеком; третьи считали, что он был человеком, но не богом. Были и те, кто считал, что он представлял собой две сущности: одну божественную, другую человеческую. Были христиане, которые верили, что смерть Иисуса привела к восстановлению отношений с Богом, другие говорили, что смерть Иисуса не имеет никакого отношения к спасению, третьи говорили, что Иисус никогда не умирал.[1]

Как все эти группы могли называть себя христианами? Фактически все они настаивали, что они не только христиане, но и единственно «правильные» христиане, и что все остальные группы неправильно поняли учение Иисуса и его апостолов. И у каждой группы были книги, которые доказывали ее точку зрения, книги, которые, как утверждалось, были написаны самими апостолами и поддерживали различные теологические взгляды. Нельзя было просто обратиться к Новому Завету, чтобы понять, какая из групп права: Нового Завета тогда еще не было. Конечно, двадцать семь книг, которые в конце концов составили Новый Завет, были уже написаны ко второму веку, когда разгорелись эти споры. Но процесс собирания этих книг в канон начался именно в результате всех этих разногласий.

Традиционно одна из этих христианских групп, которая одержала победу в этих баталиях, стала называться «ортодоксальной», а другие группы, чье понимание веры было «маргинальным», стали называться «еретическими». Термин «ортодоксия» происходит от двух греческих слов, которые обозначают «правильное мнение» или «правильную веру». Термин «ересь» происходит от греческого слова «выбор». Тот, кто ортодоксален, по определению придерживается правильной веры; тот же, кто поддерживает «ереси», выбрал ложную веру.

Вы можете представить, что для ученых пользование этими терминами составило некоторую проблему, поскольку это описательные категории, включающие оценку того, какая группа права, а какая нет. Не дело историков решать, у какой из групп лучше теология — это дело теологов. Историки могут только описать историческое происхождение различных групп и отношения между ними, а для этого термины «ортодоксия» и «ересь» — по крайней мере в их исходных значениях — не самые полезные.

Историки решили проблему, переопределив эти термины. Термин «ортодоксия» они используют не для того, чтобы определить, какая группа правильно верит в Бога, а какая нет, они обозначают им группу, которая победила в диспутах о правоте. Одна из групп победила оппонентов и создала доминантную форму религии; затем она стала решать, какие догмы христиане должны цитировать и какие книги считать авторитетными. С исторической точки зрения эта доминирующая группа получила название «ортодоксальной» не потому, что была права, а потому, что именно она решала, что будет считаться правильным.

Другие группы стали называться «еретическими» не потому, что они представляли «ложные» верования, или потому, что люди, которые их придерживались, были злыми, одержимыми дьяволом или просто алчными, а потому, что победившая группа оттеснила их на обочину религиозного движения. Евангелие от Иоанна пережило Средние века, потому что было признано ортодоксальным, Евангелие от Иуды не сохранилось, потому что было объявлено еретическим.

Чтобы лучше понять, как Евангелие от Иуды соотносится с современными представлениями об отношениях между ортодоксией и ересью, я должен подробнее рассказать о первоначальном, традиционном понимании, корни которого восходят к сочинениям первого историка Церкви, Отца Церкви Евсевия, жившего в IV в., которого иногда называют «отцом церковной истории».

Модель ортодоксии и ереси по Евсевию

В начале IV в. Евсевий Кесарийский написал десятитомную историю христианской церкви, которая начиналась с жизни Иисуса и заканчивалась его собственным временем. Эта история сохранилась и представляет собой кладезь информации для историков, занимающихся первыми веками христианства.[2] Евсевий часто подробно цитирует сочинения ранних христианских авторов, и во многих случаях у нас нет другой возможности познакомиться с ними. Большая часть повествования Евсевия — это его собственный рассказ о том, как Церковь росла и распространяла свое влияние, как она подвергалась гонениям местных и центральных властей империи, а также рассказ о внутренних распрях. Именно внутренние конфликты представляют для нас наибольший интерес, потому что они по большей части, согласно Евсевию, были вызваны еретиками, которые, подстрекаемые бесами, пытались уничтожить истинную веру, которая перешла от Иисуса к его ученикам, а от них и ко всей церкви.

Евсевий, конечно же, не дает беспристрастного отчета о том, что происходило в первые десятилетия и века существования церкви. У него была собственная точка зрения, выражающая взгляды тех, кто вышел победителем в религиозных конфликтах. Иными словами, он был непоколебимым ортодоксом, а христиан, у которых были другие воззрения — таких, как Маркион или различные группы гностиков, — он считал еретиками, которые

хотят уничтожить веру. Евсевий не считал эти группы праведными христианами. Они не придерживались истинной веры.

В понимании Евсевия единственная ортодоксальная точка зрения существовала всегда. Она была с самого начала распространена среди большинства христиан. Это началось с Иисуса, который провозглашал ортодоксальную доктрину, которую принял Евсевий. И эта традиция продолжалась на протяжении веков в большей части христианских церквей. Однако здесь и там будут появляться сильные, злобные, подстрекаемые бесами учителя, которые будут сводить христиан с пути истинного. Еретические группы всегда, по определению, являлись извращенными отпрысками главной церкви. Ортодоксальное воззрение было доминирующим, и его придерживалось подавляющее большинство людей всегда, с самых ранних времен.

Поскольку Евсевий писал с точки зрения ортодокса, излагая взгляды, которые были доминирующими с начала IV в., это было важно для тех читателей, которые считали еретиков разрушителями истинной веры. Более поздние церковные историки просто переняли рассказ Евсевия о первых веках христианства вместе с его воззрениями на них. Таким образом, представление Евсевия о взаимоотношениях ортодоксии и ереси стало одним и единственным на многие века. Оно не подвергалось серьезной ревизии вплоть до начала XX в.

Альтернативное воззрение Вальтера Бауэра

Возможно, самая важная книга по раннему христианству, написанная в XX в., это очень хорошо аргументированное опровержение Евсевия, написанное одним из величайших специалистов по Новому Завету Вальтером Бауэром. В его книге «Ортодоксия и ересь в древнейшем христианстве», вышедшей в 1934 г., был рассмотрен основной тезис Евсевия и показаны его фатальные недостатки.[3] Бауэр изучает историю раннего христианства по регионам: Сирия, Египет, Малая Азия, Рим и т. д. — рассматривая по отдельности самые ранние сохранившиеся записи из каждого региона. То, что нашел Бауэр, стало настоящим шоком для многих читателей. Почти в каждом случае самые ранние христианские записи в большинстве из этих регионов не содержат воззрений, которые позже стали считаться ортодоксальными. Вместо этого они оказываются еретическими — то есть представляют собой альтернативные формы христианства. Итак, согласно Бауэру, самые ранние христианские записи в Малой Азии показывают, что в первые века влиятельной была церковь маркионитов, что в Египте доминировали христиане гностического толка и т. д. Более того, некоторые группы имели проницаемые границы: между ними происходил непрерывный обмен идеями, одна группа перенимала идеи другой и инкорпорировала их в свою систему. В результате то, что считалось совершенно ортодоксальным в одно время, потом могло начать считаться ересью, когда воззрения изменились.

Бауэр утверждал, что ортодоксия не была изначальной формой христианства, из которого вторично образовались все остальные. По его мнению, древнейшие христиане принадлежали к большому числу групп, разбросанных по разным местам. У каждого из этих различных вариантов христианства был собственный набор верований и риту алов, у каждого были свои книги, написанные, как считалось, самими апостолами, в которых обосновывались эти верования и ритуалы, и у каждого были признанные лидеры, которые формировали систему воззрений группы. Каждая группа пыталась победить остальные в их воззрениях на веру. И только одна вышла победительницей, в конце III — начале IV в. Ко времени Евсевия победа уже была одержана. Описывая этот конфликт, Евсевий не рассказывал о том, что действительно происходило. Он писал о победе так, как будто она с самого начала была делом решенным. На рассказ влияли его собственные предубеждения. Действительно, раннее христианство состояло из невероятного разнообразия верований и ритуалов и не было монолитным.

Как же так получилось тогда, с точки зрения Бауэра, что одна группа победила остальные, и что это была за группа? Для Бауэра пе случайно, что ранние следы того, что позже стало называться ортодоксальным, связаны с Римом. Рим, конечно же, был столицей империи. С самого начала там была большая община христиан, которые использовали свои административные навыки и богатства, чтобы пропагандировать свое понимание веры, распространяя его на другие христианские общины по всей империи.[4] Через некоторое время им удалось поставить своих единомышленников епископами в большинство церквей средиземноморского региона. В конце концов, они смогли вытеснить все воззрения, которые противоречили их собственным, объявив их ересями, и утвердить свою собственную веру в качестве ортодоксальной. Затем понадобился автор масштаба Евсевия, чтобы переписать историю конфликта. Таким образом, традиционное понимание первых бурных лет христианства установилось на века с ортодоксальной позиции.

Современные воззрения на ортодоксию и ересь

В книге Бауэра было много моментов, которые требовали обсуждения, и ученые незамедлительно за них взялись — особенно ученые, которые считали своими взгляды Евсевия, что ортодоксальное христианство (к которому относилось большинство этих ученых) с самого начала было мнением большинства в христианской церкви. Барра критиковали за аргументацию на основании отсутствия источников: когда в определенном регионе отсутствовали христианские источники, он иногда предполагал о том, что этот регион контролировали еретики, чьи сочинения были уничтожены. К уцелевшим источникам он подходил с исследовательским рвением, которое некоторые рецензенты не оценили. В результате большое количество аргументов Бауэра и его заключений были подвергнуты всесторонней критике и не все сочтены убедительными.

Опять же, хотя многие из его своеобразных утверждений нуждаются в пересмотре, общая перспектива, предложенная Бауэром, стала доминирующим воззрением современных исследователей раннего христианства. В ранней Церкви существовало невероятное количество всевозможных мнений: множество групп представляло множество различных перспектив, и у всех были священные книги, обосновывающие их воззрения, и все считали свои воззрения восходящими к Иисусу и его ближайшим последователям, и все считали, что поскольку именно они правы, остальные неправы. Во многих случаях не было жестких границ, разделяющих группы: то, что позже стало считаться ересью, в какое-то время признавалось вполне надежным в ортодоксальном лагере. В конце концов, одна группа выделилась из этого разнообразия, и эта группа стала диктовать основной характер христианской веры на все времена.

Свидетельства тому, что Бауэр был прав, появляются все время. В недавнее время было обнаружено множество рукописей с сочинениями ранних христиан, как археологами, которые их специально искали, так и бедуинами, даже не знавшими, что они обнаружили. Поразительно то, что каждое новое открытие лишь усиливает наше ощущение, что христианство в первые десятилетия и века было крайне разнообразно.

Это правда, что большинство этих находок — сочинения ортодоксальных христиан, например рукописи Нового Завета. Однако в этих древнейших рукописях поражают изменения, которые были в них внесены, чтобы сделать эти тексты более полезными для опровержения утверждений еретических групп. Помимо всего прочего, это показывает, что даже ортодоксальные христиане были заинтересованы другими воззрениями на веру, которые были распространены в то время и рассматривались как опасные.[5] Более того, важно вспомнить, что многие группы использовали книги, которые вошли в Новый Завет, а не только группа, которая стала ортодоксальной. Многие группы гностиков, к примеру, любили Евангелие от Иоанна. Если рукопись Евангелия от Иоанна обнаруживается в Египте и датируется вторым, скажем, веком, совершенно не обязательно, что там тогда доминировали ортодоксы; это с тем же успехом может быть рукопись гностиков. С обратным, однако, дело

обстоит не так просто. Когда обнаруживается такая книга, как Евангелие от Иуды, ясно, что это не та книга, которую читали в ортодоксальной церкви. Это гностический текст, который ортодоксальные лидеры поставили вне закона как совершенно еретический.

Больше всего поражает в современных археологических открытиях то, что в большинстве случаев среди находок обнаруживаются гетеродоксальные документы (то есть представляющие учение, альтернативное ортодоксальному). Почему так случилось? Если Евсевий был прав и ортодоксия была основным воззрением везде и во все времена, то почему же тогда сочинения, которые удается обнаружить, почти всегда еретические, а не ортодоксальные неканонические?

Существует Евангелие от Петра, открытое в 1886 г., книга, осужденная Отцами ранней Церкви за докетическую христологию. Другие фрагменты этого Евангелия были обнаружены в Египте в XX в. Фактически у нас есть фрагменты списков Евангелия от Петра более ранних веков, чем Евангелия от Марка. Было ли Евангелие от Петра более популярным в то время? Есть также Евангелие от Марии, открытое в 1896 г., которое содержит гностическое откровение, данное Иисусом Марии, о том, как душа может вознестись на небеса. Есть также пятьдесят два сочинения библиотеки Наг — Хаммади, включающие Тайную книгу Иоанна, Евангелие египтян, Второй трактат великого Сифа и Коптский апокалипсис Петра — все это гностические сочинения, детально описывающие гностическое мировоззрение — и это не считая Евангелий от Фомы и от Филиппа из той же коллекции. В 1980–х гг. была открыта книга, названная Евангелием Спасителя, которая рассказывает о последних часах Иисуса и его заключительных словах, обращенных к… кресту! А теперь есть Евангелие от Иуды, другой гностический диалог, в котором рассматривается «тайное сообщение», которое Иисус передал Иуде Искариоту.

Является ли случайностью, что ни одно из неканонических Евангелий, открытых за последнее столетие, не содержит ортодоксальную точку зрения? Если ортодоксия была гак широко распространена, почему от второго века нам остались только гетеродоксальные документы? Ответ на этот вопрос заставляет меня рассмотреть, почему, в конце концов, Евангелие от Иуды настолько важно.

Чрезвычайная важность Евангелия от Иуды

Мне кажется, что недавно открытый документ имеет огромное значение по двум причинам, одной общей и одной специальной.

В общем и целом, Евангелие — еще одно древнее христианское сочинение, которое не принадлежит к ортодоксальному лагерю. Вместо этого оно представляет форму гностической религии, которую стала подавлять группировка, которая победила в христианстве в III или IV в.

По датировке, основанной на радиоуглеродном методе, манускрипт был изготовлен в конце III — начале IV в. Копировали ли его до этого еще больше? Эта уцелевшая копия представляет собой коптский перевод греческого оригинала, и один из вариантов греческого текста был известен уже Иринею в 180 г. Таким образом, книга должна была быть написана в середине II в., переписана по меньшей мере несколько раз, переведена на коптский язык, а затем опять переписана.

Это не только гностический текст, в нем присутствуют многочисленные связи с разнообразными текстами различных христианских гностических групп. Больше всего специфических сходных черт у него с сифианскими гностическими текстами, однако есть параллели с несифианскими гностическими сочинениями, такими как Евангелие от Фомы или Коптский апокалипсис Петра. У него также есть интересные связи с негностическими формами христианства, такими как маркиопизм или еврейское апокалиптическое христианство.

Таким образом, этот текст дополнительно и убедительно подтверждает, что христианство в ранние века Церкви было крайне разнородным. Существовали многочисленные формы христианства, и границы между этими христианскими группами не были прочными и крепкими. Напротив, различные группы и взгляды, которые они представляли, интенсивно влияли друг на друга; многие из этих границ были проницаемы.

Больший интерес, однако, представляют специфические учения Евангелия от Иуды. С одной стороны, это гностическое откровение, раскрывающее тайны, необходимые для спасения. Согласно Евангелию, некоторые из нас находятся в материальном теле как в ловушке, и мы должны знать, как мы сюда пришли, кем на самом деле являемся и как мы можем спастись и вернуться в небесный дом. Иисус открывает нам правду; он показывает природу реальности, он говорит нам, что этот мир — это не все, что мы видим. Более того, этот мир — следствие космической катастрофы, создание кровожадного бунтовщика и дурака. Мы должны избежать ловушки этого мира, чтобы вернуться в священное царство, из которого мы вышли. Иуда узнал правду этого откровения, и он один из тех, кто указывает путь.

Это гностическое откровение непохоже на другие потому, что оно дано имеино Иуде Искариоту. Во всей христианской традиции Иуду описывали как паршивую овцу в апостольском стаде. Многие годы некоторые христиане считали, что он с радостью предал своего учителя за ничтожную сумму денег. Другие описывали его как одержимого дьяволом; третьи считали, что зло было просто присуще ему по природе. Люди, использовавшие образ Иуды для антисемитской пропаганды, изображали его как прототипического еврея, отвергающего Бога, алчного вора и убийцу Христа.

Евангелие от Иуды представляет другой взгляд, утверждая, что Иуда был единственным учеником, который понял своего Господа. Иисус пришел не от бога — творца, но из «царствия Барбело». Как и некоторые из нас. Некоторые из нас заключены в свои тела как в ловушки, но с того момента, как мы узнаем правду, которую Иисус передал самому верному из своих учеников, мы сможем спастись и вернуться в свой небесный дом. Иуда показывает нам путь. Он «тринадцатый», потому что он стоит вне двенадцати учеников, которые так и не поняли учения Иисуса, так и не осознали, что их преданность богу — творцу неуместна. Только Иуда осознал истину. И только ему Иисус открыл то, что надо знать. Взамен Иуда сослужил самую большую службу, которую только можно было вообразить. Его предательство нельзя рассматривать как действие предателя по отношению к своей жертве. Это было доброе дело, которое он сделал для своего Господа. Он передал Иисуса властям, так, чтобы Иисус был убит и избегнул ловушки своего тела. Сделав это, Иуда стал величайшим из апостолов. Иисус почтил его словами: «Но ты превзойдешь их всех, ибо ты принесешь в жертву человека, чьим телом я облечен».

Примечания

Глава вторая: Иуда в ранних Евангелиях

1. См. мою недавнюю книгу «Peter, Paul and Mary Magdalene: The Followers of Jesus in History and Legend» (New York: Oxford University Press, 2006).

2. Лука 8:1–3. В этих строках также утверждается, что из Марии Магдалины было изгнано семь бесов. Однако ничего не позволяет предположить, что бесы побуждали Марию к занятию проституцией — в Новом Завете обычно о деятельности бесов подробно не рассказывается.

3. том, насколько много знал Павел о жизни Иисуса, см. «The New Testament: A Historical Introduction to the Early Christian Writings», 3rd ed. (New York: Oxford University Press, 2004),

гл. 22. Более подробно см. Victor Paul Furnish, «Jesus According to Paul» (Cambridge: Cambridge University Press, 1993).

4. Сейчас ученые не считают, что Павел написал все Послания, которые приписываются ему в Новом Завете. Рассуждения об авторстве посланий к Ефесянам, Колоссянам, 2 Фессалоникийцам, 1 и 2 к Тимофею и к Титу см. Ehrman, «The New Testament», гл. 23.

5. Я не буду углубляться в дебри рассуждений по поводу описаний Иуды в каждом из Евангелий, вместо этого отмечу то, что поразило меня больше всего. Основания для предположения, что Евангелие от Марка было первым из написанных и что Матфей и Лука использовали его как источник для своих Евангелий, а также что Евангелие от Иоанна было последним, см. в Ehrman, «The New Testament», гл. 5–8, 10.

6. См. предыдущую сноску.

7. Одним из первых, кто это признал, был William Wrede; см. его книгу «The Messianic Secret», пер. J. C.G. Greig (Cambridge: J. Clark, 1971; немецкий оригинал был издан в 1901 г.).

8. См. John Collins, «The Scepter and the Star: The Messiahs of the Dead Sea Scrolls and Other Ancient Literature» (New York: Doubleday, 1995).

9. Именно в этом месте первоначально заканчивалось Евангелие от Марка — внезапно, на молчании женщин. Позднейшие писцы думали, что это слишком неожиданное окончание, и дописали еще двенадцать фраз, чтобы выставить апостолов в более выгодном свете. По поводу такого завершения см. мою книгу «Misquoting Jesus: The Story Behind Who Changed the Bible and Why» (San Francisco: HarperSanFrancisco, 2005), 66–67.

10. Здесь и далее в моих переводах «предавать» используется вместо греческого слова «передавать» — *paradidomi.* Но судя по тем ужасным вещам, которые Иисус говорит о том, кто его предаст: «лучше было тому человеку не родиться» — ясно, что предательство расценивается как злое деяние, а не как нейтральное.

11. Некоторых читателей интересовало, имеет ли значение связность повествования. Еврейские власти не хотели арестовывать его во время праздника, но все равно это сделали. И оии боялись, что толпа восстанет в поддержку Иисуса, но во время суда им без труда удалось восстановить толпу против него. И почему толпа должна взбунтоваться во время ареста, но не во время суда? Соблюдает ли Марк историческую точность?

12. Этот подход к Евангелию от Матфея, который также можно применить и к Евангелию от Луки (он также использовал Марка как источник), называется редакторской критикой. Этот метод показывает, как более поздние авторы редактировали источник — Евангелие от Марка, — который, как мы уверены, был у них в распоряжении. См. Ehrman, «The New Testament», гл. 7.

13. Хотя, как мы видим, он по какой-то причине ошибочно приписывает цитату Иеремии.

14. Самое лучшее и самое полное изложение можно найти в Dale Allison и W. D. Davies, «The Gospel According to Saint Matthew» (Edinburgh: T&T Clark, 1997), 3:557–573.

15. См., например, Марк 1:2 (Малахия 3:1 и Исайя 40:3) и Римляне 9:27 (Осия 2:1 и Исаия 10:22).

16. Более подробное описание см. Ehrmann, «The New Testament», гл. 8.

17. Одно из ключевых различий между Марком и Лукой проявляется, когда Иисус призывает учеников в число двенадцати апостолов, потому что у Луки прямо сказано, что Иуда будет тем, кто «предаст» Иисуса. Это греческое слово *prodidomi*, а не слово, встречавшееся раньше, *paradidomi*, которое обычно означает просто «передать». У Луки Иуда прямо назван предателем.

18. Предполагается, что они заимствованы из источника, который ученые назвали Q. Это не сохранившийся (то есть предполагаемый) источник, который использовали Матфей и Лука, рассказывая истории, которых нет у Марка, среди них заповеди блаженств, молитва

«Отче наш», а также история о трех искушениях в пустыне. См. Ehrman, The New Testament, гл. 6.

Глава третья: Иуда в поздних евангельских традициях

1. См. фундаментальные работы Albert Bates Lord, «The Singer of Tales» (Cambridge, Mass.: Hanard University Press, 19G0) и Walter Ong, «Orality and Literacy: The Technologizing of the Word» (New York: Methuen, 1982).

2. С другой стороны, даже до изобретения печатного станка авторы *написанных* текстов были заинтересованы в том, чтобы их рассказы не были изменены писцами осознанно или по небрежности. Про это см. мою книгу «Misquoting Jesus: The Story Behind Who Changed the Bible and Why» (San Francisco: HarperSanFrancisco, 2006), гл. 2.

3. Подробное обсуждение отношений Иоанна с синоптиками см. Ehrman, «The New Testament», гл. 10.

4. См. в особенности Hyam Maccoby, «Judas and the Myth of Jewish Evil» (New York: Free Press, 1992), который заходит так далеко, что утверждает, что не было никакого исторического Иуды, а что это была выдумка христиан, которые хотели оправдать враждебность к евреям, рассказывая истории про врага и предателя Иисуса.

5. Более полное изложение работ Папия см. Bart D. Ehrmann, «The Apostolic Fathers» (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2003), 2:86–89.

6. Эта и следующая цитата см. там же, том 2. *Здесь и далее русский текст цитат из сочинения Иринея Лионского «Против ересей» приводится по переводу прот. П. Преображенского (прим. ред.).*

7. Цитаты из G. A. Williamson, перевод Eusebius: «The History of the Church from Christ to Constantine», ed. Andrew Louth (London: Penguin, 1989). *Русский текст — цитаты приводятся по книге: Евсевий Памфил. <<Церковная история». Москва: Издание Спасо — Преображенского Валаамского монастыря, 1993 (прим. ред.).*

8. Про смерть угнетателя евреев сирийского тирана Антиоха Епифа- на см. 2 Макк. 9:5-12. Про смерть противника евреев вавилонского военачальника Олоферна см. Юдифь 16:17 — обе книги не относятся к каноническим книгам Ветхого Завета.

9. Подробный рассказ о формировании канона Нового Завета и об изменениях, которые христианские переписчики позднего времени вносили в более ранние тексты, см. мою книг)' «Misquoting Jesus».

10. Этот рассказ также частично основан на истории детства Моисея, как она описана в книге Исход, как указал мне мой коллега Златко Плезе.

11. См. Hyam Maccoby, «Judas and the Myth of Jewish Evil».

12. Иероним, «Толкование 59 на псалом 108:2». Я взял перевод этой цитаты из интересной книги P. Penn, «Kissing Christians: Ritual and Community in the Late Ancient Church» (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2005), 115.

13. Амвросий, Письмо 1.14–18; перевод в Penn, «Kissing Christians», 62.

14. Этой цитатой я обязан Kim Paffenroth, «Judas: Images of the Lost Disciple» (Louisville: Westminster/John Knox, 2001), 38. Она взята из бесед Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея, 85.2, в переводе (с небольшими изменениями) G. Prévost, «Homilies on Matthew» (Edinburgh: T. & T. Clark, 1851).

15. Cm. PaiTenroth, «Judas», 38, цитата из проповеди Златоуста против евреев в переводе P. W. Harkins (Washington, D. C.: Catholic University Press, 1979), 1.7.1.

16. Эта и предыдущая цитата из книги Paffenroth, «Judas», 38–39; из бесед Златоуста на Деяния апостолов, перевод J. Walter и др. (Edinburgh: T. & T. Clark, 1889).

17. Взято из комментария Феофилакта на Евангелие от Матфея 27; греческий текст можно найти в J. P. Migne, «Patrologia Graece» 123, 460. Перевод взят из Morton S. Enslin, «Judas in Fact and Fiction» в «Festschrift to Honor F. Wilbur Gingrich», изд. E. H. Barth и R. E. Cocroft (Leiden: Brill, 1972), 130.

Глава четвертая: До открытия: что мы знали о Евангелии от Иуды

1. Elaine Pagels, «The Gnostic Gospels» (New York: Random House, 1979).

2. Полное изложение этих и связанных с ними моментов см. в моей книге «Truth and Fiction in the Da Vinci Code» (New York: Oxford University Press, 2004).

3. Мои рассуждения по поводу этих текстов см. в третьей части моей книги «Peter, Paul and Mary Magdalene» (New York: Oxford University Press, 2006).

4. Более подробное описание этой находки и обсуждение ее значимости см. в Bart Ehrman, «Lost Christianities: The Battles for Scripture and the Faiths We Never Knew» (New York: Oxford University Press, 2003), 51–55.

5. У ьгас есть два разных Евангелия от Фомы, например.

6. Полный текст письма см. Евсевий, «Церковная история». 5.1.

7. Стандартное объяснение см. в Kurt Rudolph, «Gnosis: The Nature and History of Gnosticism» (New York: Harper and Row, 1984); по поводу отбора гностических сочинений и описания Иринеем гностиков см. Bentley Layton, «The Gnostics Scriptures» (New York, Doubleday, 1987).

8. Две точки зрения на эту проблему см. Michael Williams, «Rethinking “Gnosticism”: An Argument for Dismantling Dubious Category» (Princeton: Princeton University Press, 1996) и Karen L. King, «What is Gnosticism» (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2003).

9. См., например, Frederic Wisse, «The Nag Hammadi Library and the Hereologists», Vigiliae Christianae 25 (1971): 205-23.

10. Сам Ириней никогда их так не называл. Он говорил о них как о группе гностиков, которые в особенности почитали Каина; более поздние борцы с ересью, которые опирались на это изложение (такие, как Псевдо — Тертуллиан в III в.), дали им это имя.

11. Перевод Доминика Дж. Унгера, изд. John J. Dillon, St. Irenaeus of Lyons Against the Heresies (New York: Paulist Press, 1992), 102.

12. См. эссе Gregor Wurst, «Irenaeus and the Gospel of Judas» в The Gospel of Judas, изд. Rodolphe Kasser, Marvin Meyer и Gregor Wurst (Washington, D. C.: National Geographic, 2006), 121–136. *Русский перевод эссе Грегора Вюрста «Ириней Лионский и Евапгелие от Иуды» см. в книге «Евангелие от Иуды»*, *изд — во Астрель, 2006, стр. 127–142 (прим. ред.).*

13. См. там же.

14. См. Birger Pearson, «Cain and the Cainites», в книге «Gnosticism, Judaism, and Egyptian Christianity» (Minneapolis: Fortress, 1990), 95-107.

Глава пятая: История открытия Евангелия от Иуды

1. Эндрю Джекобе сказал мне, что тема «находки» иконоборческого Евангелия, написанного с точки зрения Иуды, весьма популярна у современных беллетристов, авторов «Евангельских триллеров», см., например, роман Peter van Greenaway «The Judas Gospel» (1972) и более недавний Simon Mawer «The Gospel ofjudas» (2001).

О Евангельских триллерах в целом см. Andrew S. Jacobs, «Gospel Thrillers», Postscripts 1, 1 (2005): 125-42.

2. Более полное описание антикварного рынка, а также контрабанды и нелегальных сделок, связанных с ним, см. декларацию ЮНЕСКО на сайте wwʳw.unesco.org/culture/laws/1970/html_eng/ page2.shtml. Эту ссылку мне предоставил Эндрю Джекобе, который сообщил мне, что получил ее от своей коллеги по изучению христианских древностей Каролины Шрёдер.

3. Как и другие действующие лица этого рассказа, Самия был коп- том — христианином. Я постоянно использую термин «коптский» и теперь укажу, что он возник из слова «египетский», где «гипт» превратилось в «копт». Возможно, христианство попало в Египет уже в I в. — копты утверждают, что их Церковь основал сам апостол Иоанн Марк, предполагаемый автор второго Евангелия. Сегодня большинство египтян мусульмане, а христиане — копты составляют примерно одну седьмую часть населения.

4. См. примечание 2 к этой главе.

5. В частной беседе Херб Кросни рассказал мне, что деловой партнер Ханны сообщил ему, что первичную оценку рукописи выполнил для Ханны блистательный итальянский специалист по папирусам Манфредо Манфреди, профессор Флорентийского университета.

6. Цитата взята из Herb Krossney, «The Last Gospel: The Quest for the Gospel of Judas» (Washington, D. C.: National Geographic, 2006), 110.

7. Krossney, «Discovery», 115.

8. См. прим. 2 к этой главе про декларацию ЮНЕСКО, касающуюся древностей.

9. «The Gospel of Judas», изд. Rodolphe Kasser, Marvin Meyer и Gregor Wurst (Washington, D. C.: National Geographie, 2006), 60–61.

10. Там же, 47–48.

11. Там же, 65.

12. Там же, 66–67.

Глава шестая: Евангелие от Иуды: обзор

1. Обсуждение этого вопроса см. в Bart Ehrman, Lost Christianities: The Battles for Scripture and the Faiths We Never Knew (New York: Oxford University Press, 2003), гл. 1.

2. На протяжении всего обзора данного вопроса я буду исполюю- вать перевод Марвина Мейера из книги «The Gospel of Judas», изд. Rodolphe Kasser, Marvin Meyer и Gregor Wurst (Washington,

D. C.: National Geographie, 2006). *Русский nejfeeod Александра Георгиева и Игоря Бочкова, «Евангелие от Иуды*», *изд — во Астрель, 2006 (прим. ред.).* Квадратные скобки в переводе означают, что в рукописи в этом месте были лакуны и издатель их дополнил. В некоторых местах я предполагаю другой перевод с коптского; они также заключены в скобки, однако сопровождаются тире и моими инициалами, Б. Э. Цифры обозначают номер страницы и строки в манускрипте (Евангелие от Иуды начинается на 33 странице кодекса), так что 33:1–6 означает страницу 33 строки 1–6.

3. Слово «ребенок» здесь очень редкое, и, возможно, будет обсуждаться учеными, которые будут вести дальнейшую работу над этим текстом. Альтернативный перевод может

быть таков: Иисус появлялся среди своих учеников как «призрак», и это может быть даже еще более ясным утверждением доктрины докетической христологии, которую собирался изложить автор. Однако издатели текста — Кассер, Вюрст и Мейер — уверены, что в этом тексте правильно читать «ребенок».

4. Скобки в переводе обозначают те места, где есть лакуны в рукописи и пропущенные слова вставлены издателем на основе догадок.

5. Большинство упоминаний о звездах в Евангелии носят негативный характер; звезды вводят человека в заблуждение. Исключение мы наблюдаем в конце, где говорится, что личная звезда Иуды «указывает ему путь».

6. Можно найти в диалоге Платона «Тимей». См. полное и блестящее описание Марвина Мейера в «The Gospel ofjudas», 163–165.

7. Этой информацией я обязан Эндрю Джекобсу и Златко Плезе; Марвин Мейер дает альтернативное объяснение в примечаниях к английскому переводу в «The Gospel ofjudas» (η. 106).

8. Коптский текст двусмысленен: может быть, это следует читать как Евангелие от Иуды, а может быть, как Евангелие об Иуде. Однако эта двусмысленность представляет интерес: в отличие от других Евангелий, которые у нас есть, про это Евангелие нельзя сказать, что оно однозначно озаглавлено как Евангелие от Иуды. Так что не исключена возможность того, что автор хотел, чтобы читатели воспринимали текст как Евангелие, которое описывает Иуду.

Глава седьмая: Евангелие от Иуды и раннехристианский гностицизм

1. Про некоторые из недавних дискуссий см. следующие книги, вместе с библиографиями: Karen King, «What is Gnosticism?» (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2003); Riemer Roukema, «Gnosis and Faith in Early Christianity» (Harrisburg, Penn.: Trinity Press International, 1999); Michael A. Williams, «Rethinking “Gnosticism": An Argument for Dismantling Dubious Category» (Princeton: Princeton University Press, 1996).

2. Это предположение было выдвинуто в замечательном исследовании одного из главных специалистов по гностицизму Северной Америки, Михаэля Вильямса (Michael A. Williams, «Rethinking “Gnosticism"»).

3. Аргумент Карен Кинг особенно тонкий, поскольку она показывает, что одна из проблем использования термина «гностицизм» в том, что его используют современные ученые для выражения их собственных взглядов и интересов, а не просто как описательный термин. См. ее книгу «What is Gnosticism?».

4. Конечно, возможно интерпретировать такой текст, как Евангелие от Фомы, в негностическом ключе, как делали некоторые ученые, например Richard Valantasis в книге «The Gospel of Thomas» (New York: Routledge, 1997). Я, однако, считаю неверным утверждать, что эти интерпретации лучше других потому, что они больше позволяют тексту «говорить за себя», чем привносят в этот текст иное видение. С одной стороны, тексты никогда не говорят сами за себя, их всегда интерпретируют ученые, которые привносят другую информацию в тексты, чтобы придать им смысл. Каждый, кто в этом сомневается, пусть просто прочитает разбор, который предположительно позволяет тексту говорить самому за себя, и увидит, какой багаж знаний вложен в эту интерпретацию. С другой стороны, в Евангелии от Фомы есть четкие указания на то, что его автор подразумевал гностический миф. Полное изложение вопроса см. в моей книге «Lost Christianities: The Battles for Scripture and the Faiths We Never Knew» (New York: Oxford University Press, 2003), 59–65.

5. Cm. «The Gospel ofjudas», изд. Rodolphe Kasser, Marvin Meyer и Gregor Wurst (Washington, D. C.: National Geographic, 2006), 137–169. *Русский перевод эссе Марвина Мейера «Иуда и гностические связи» см. в книге «Евангелие от Иуды», изд — во Астрель, 2006, стр. 143–176 (прим. ред.).*

6. Полное исследование см. в John D. Turner, «Sethian Gnosticism and the Platonic Tradition» (Sainte-Foy, Quebec: Presses de Université Laval, 2001). Изложение вопроса, рассчитанное в большей степени на широкого читателя, чем на специалистов, см. в книге Bently Layton, «The Gnostic Scriptures», часть I: «Classical Gnostic Scripture».

7. См. изложение исследователя гностицизма Джона Тернера в Meyer, «Gospel ofjudas», 141–142.

8. Все переводы Тайной книги Иоанна сделаны Фредериком Виссе, «The Apocryphon of John» в «The Nag Hammadi Library' in English», 4th ed., ed. James. M. Robinson (San Francisco: HarperSanFrancisco), 1996. *Здесь и далее русский текст Тайной книги Иоанна приводится по переводу М. К. Трофимовой, с измепеУ1иями (прим. ред.).*

9. Перевод Александра Бёлига и Фредерика Виссе, в Robinson, ed., «Nag Hammadi Library in English».

10. Некоторые исследователи гностицизма, такие как Катрин Барри, обнаружили следы христианства в Евгносте Блаженном. См. ее эссе в «Les Textes de Nag Hammadi et le problème de leur classification», ed. Louis Painchaud and Anne Pasquier (Sainte-Foy, Quebec: Presses de Université Laval; Louvain: Peeters, 1995). Этой ссылкой я обязан Златко Плезе.

11. Перевод Дугласа М. Парротта в книге Robinson, ed., «Nag Hammadi Library in English».

12. Из недавно появившейся литературы см. в особенности Karen King, «The Gospel of Mary of Magdala: Jesus and the First Woman Apostle» (Santa Rosa, Calif.: Polebridge Press, 2003).

13. В значении «призрак» слово должно писаться немного по — другому.

14. Переводы Деяний Иоанна взяты из книги J. K. Elliott, «The Apocryphal New Testament» (Oxford: Clarendon Press, 1993).

15. Авторы перевода Второго трактата великого Сифа — Роджер Бил- лард и Джозеф А. Гиббонс, в книге Robinson, ed., «Nag Hammadi Library in English». *Здесь и далее русский текст Второго трактата великого Сифа приводится по переводу И. С. Егоренкова (прим. ред.).*

16. Сохранился также еще один Апокалипсис Петра на греческом языке (и в полном переводе на эфиопский). Этот первый из сохранившихся отчетов о путешествии на небеса и в преисподнюю, который дает Петру сам Иисус, — очевидный предшественник «Божественной комедии» Данте.

17. Авторы перевода Коптского апокалипсиса Петра — Иаков Браш- лер и Роджер А. Баллард, из книги Robinson, £d., «Nag Hammadi Library in English».

18. Авторы перевода Евангелия от Фомы — Дэвид Р. Картлидж и Дэвид Л. Данган, Documents of the Study of the Gospels (Minneapolis: Augsburg/ Fortress Press, 1980). *Здесь и далее русский текст Евангелия от Фомы приводится по переводу М. К. Трофимовой (прим. ред.).*

19. По поводу общего исследования данного феномена см. John J. Collins, «Apocalyptic Imagination: An Introduction to Jewish Apocalyptic Literature», 2nd ed. (Grand Rapids: Eerdmans, 1998).

20. Cm. John D. Turner, «Sethian Gnosticism and the Platonic Tradition» (Sainte-Foy, Quebec, Presses de Université Laval, 2001).

21. некоторых связях гностицизма с еврейской мыслью см. Pheme Perkins, «Gnosticism and the New Testament» (Minneapolis: Fortress Press, 1993).

22. Похожий тезис см. в более ранней работе Robert Grant, «Gnosticism and Early Christianity», rev. ed. (New York: Harper & Row, 1966). См. также более недавние работы

Perkins, «Gnosticism» и Birger Pearson, «Gnosticism, Judaism, and Egypyian Christianity» (Minneapolis: Fortress Press, 1990). Контраргументы, доказывающие, что гностицизм основывается исключительно на философии Платона, см. Roukema, «Gnosis and Faith», а также интригующую статью Gerard Luttikhuizen, «The Thought Pattern of Gnostic Mythologizers and Their Use of Biblical Traditions» в книге John Turner и Anne McGuire, «The Nag Hammadi Library After Fifty Years» (Leiden E. J. Brill, 1997).

Глава восьмая: Иисус, Иуда и двенадцать апостолов в Евангелии от Иуды

1. Некоторые из этих воззрений я собрал воедино в своей книге «Jesus: Apocalyptic Prophet of the New Millennium» (New York: Oxford University Press, 1999); прекрасную оценку более ранних попыток описать жизнь Иисуса, см. классическую работу Albert Schweitzer, «Quest of the Historical Jesus» (New York: Macmillan, 1968; немецкий оригинал 1906).

2. Для Павла имело дополнительную важность то, что Иисус умер именно так — на кресте. Потому что в Писаниях говорится, что тот, кого вешают на дереве, — проклят Богом. Согласно Павлу, поскольку Иисус был распят — повешен на дереве, — он стоял под проклятием Господа. Но поскольку он сам не заслужил такой участи, он фактически принял проклятие Господа ради других. Именно распятие, таким образом, принесло спасение миру грешников (см. Поел, к Гал. 3:10–14).

3. Возможным исключением, как показал Златко Плезе, является высказывание 65, в котором Иисус рассказывает притчу о винограднике, в котором крестьяне убили сына хозяина. Однако в этом рассказе не раскрывается тема искупительного значения смерти.

4. Цитаты из Евангелия от Фомы взяты из книги Daviv R. Carlidge и David L. Dungan, Documents for the Study of the Gospels (Minneapolis: Augsburg/Fortress Press, 1980).

5. Как и в случае с другими Евангелиями, мы не знаем, кто был настоящим автором Евангелия от Луки. Раннехристианская традиция говорит, что Евангелие от Луки и Деяния апостолов были написаны врачом, спутником апостола Павла в странствиях, неевреем Лукой. Однако у нас нет подтверждений этому, датируемых ранее чем через столетие после того, как книги были написаны. Дальнейшие рассуждения об авторстве этого и других Евангелий см. Ehrman, «The New Testament: A Historical Introduction of the Early Christian Writings», 3rd ed. (New York: Oxford University Press, 2004), 58–59.

6. Оно включено, например, как часть Нового Завета в рукопись V в., получившую название Александрийский кодекс.

7. Это можно найти в сочинениях Отца Церкви Климента Александрийского, «Избранные труды» (7, 17, 106).

8. По поводу нападок на «других» за их дикое и разнузданное поведение — стандартный стереотип для риторических нападок в древности — см. мое исследование в книге «I^ost Christianities: The Battles for Scripture and the Faiths We Never Knew» (New York: Oxford University Press, 2003), 197–202, и библиографию, которую я там цитирую.

9. См. примечание 8 к главе 6.

10. Так считает, например, William Klassen, «Judas: Betrayer of Friend ofjesus?» (Minneapolis: Fortress, 1996).

11. «The Gospel ofjudas», изд. Rodolphe Kasser, Marvin Meyer и Gregor Wurst (Washington, D. C.: National Geographic, 2006), 44, прим. 142.

Глава девятая: Кем был Иуда Искариот?

1. На самом деле оба подхода являются историческими, при этом литературный подход подразумевает попытку установить, что сообщает это произведение в рамках исторического контекста. Другой подход подразумевает попытку понять, что именно произошло в истории, и в этом смысле он «исторический».

2. Даже исторически верные истории «сфабрикованы», разумеется, потому что это истории, которые рассказаны, а истории по природе своей — даже исторически верные — сконструированы. Однако по моему мнению, та информация, которую мы получаем о прошедшем, либо верпа (до некоторой степени), либо нет.

3. Дальнейшую информацию о Евангелиях см. в книге Bart D. Ehrman, «The New Testament: A Historical Introduction to the Early Christian Writings», гл. 4–8, 10.

4. У Матфея и Луки в распоряжении имелись источники кроме Евангелия от Марка, но, видимо, их рассказы об Иуде не были почерпнуты из этих источников. Как я уже отмечал, они оба использовали не сохранившийся документ, который ученые назвали Q (сокращение от Quelle, немецкое «источник») — записанные высказывания Иисуса (например, Нагорная проповедь или молитва «Отче наш»). Матфею были доступны другие источники, например, история трех волхвов, посетивших младенца Иисуса, обнаружена только в Евангелии от Матфея. У Луки тоже были другие источники, из которых он почерпнул те отрывки, которые не встречаются больше нигде, такие как история о добром самаритянине или о блудном сыне. Рассуждения про источники синоптических Евангелий см. Ehrman, «New Testament», гл. 6.

5. Девять раз это написано по — гречески iskariothes и три раза iskarioth.

6. См. в особенности Raymond Brown, «The Death of Messiah: From Gethsemane to Grave» (New York: Doubleday, 1994), 2:1413–1416.

8. См. там же 2:1414.

9. Исключения все-таки есть. См., например, Hyam Maccoby, «Judas Iskariot and the Myth of Jewish Evil» (New York: Free Press, 1992).

10. По поводу классического обсуждения данного вопроса в более ранних исследованиях, начиная с конца XVIII в. и заканчивая временем автора, началом XX в., см. Albert Schweitzer, «Quest of the Historical Jesus» (New York: Macmillan, 1968; немецкий оригинал, 1906).

11. По повод)' этих и других возможностей см. мою книгу «Jesus: Apocalyptic Prophet of the New Millennium» (New York: Oxford University Press, 1999).

12. Намного более подробный разбор этих пунктов см. там же.

13. Эти высказывания восходят к источнику, который ученые назвали Q- источник, который использовали Матфей и Лука, приводя высказывания, которых нет в Евангелии от Марка. См. примечание 14 к этой главе.

14. Q- это гипотетический документ (т. к. его больше не существует), который, вероятно, использовали и Матфей, и Лука, приводя многие из высказываний Иисуса. Предполагается, что высказывание взято из Q, если оно есть в Евангелиях от Матфея и Луки, но отсутствует у Марка (если оно есть у Марка, то Лука и Матфей почерпнули его оттуда). Дальнейшее исследование, в том числе свидетельство того, что источник Q существовал, см. мою книг) «New Testament: A Historical Introduction», гл. 6.

Глава десятая: Что предал Иуда и почему он это предал?

1. Палестина — название, которое позже дали этому региону римляне; сейчас оно, как правило, применяется к древним областям Галилея, Самария и Иудея.

2. Поучения Иисуса о Сыне Человеческом крайне сложны, и долгое время ученые были разделены во мнениях по поводу них. Я считаю, что самые ранние высказывания, такие как в Евангелии от Марка 8:38, проводят разделение между Иисусом и Сыном Человеческим. Поскольку поздние христиане считали, что Иисус и есть Сын Человеческий, явно не они составили эти высказывания. Следовательно, именно эти высказывания восходят к Иисусу. И он говорил в них о ком-то другом, не о себе. Далее см. мою книг) «Jesus: Apocalyptic Prophet of the New Millennium» (New York: Oxford University Press, 1999), 144-48.

3. Вспомните, что Q — это сокращение немецкого слова Quelle, которое означает «источник». Это термин, придуманный учеными для обозначения гипотетического источника, который, вероятно, использовали и Матфей, и Лука, приводя многие из высказываний Иисуса — например, молитву «Отче наш» или Нагорную проповедь, которых нет в Евангелии от Марка.

4. Далее см. John J. Collins, «The Scepter and the Star: The Messiahs of the Dead Sea Scrolls and Other Ancient Literature» (New York: Doubleday, 1995).

5. См. его блестящую статью «The Crucified Messiah» в сборнике «The Crucified Messiah and Others Essays» (Minneapolis: Augsburg Press, 1974).

6. См. прим. 8 к этой главе.

7. Это правда, даже если расправа над Иисусом была следствием судебной ошибки или неправильного установления личности. Римляне учиняли расправу над преступниками, даже если некоторых преступников неправильно обвинили и нечестно осудили.

8. Некоторые ученые прошлого, такие как X. Рейманус в конце XVIII в., настаивали на том, что Иисуса лучше всего рассматривать как политического мятежника, и именно таковым его считали римляне. В настоящее время это мнение разделяет Samuel G. E Brandon, «Jesus and Zealots: A Study of the Political Factor in Primitive Christianity» (New York: Scribner, 1967). Одно из интригующих обстоятельств, подтверждающих это, стоит принять во внимание — то, что по крайней мере часть учеников Иисуса была вооружена, когда представители властей пришли его арестовывать. Один из них вынул меч, чтобы принять бой. В политически нестабильное время в столице, Иерусалиме, разве это не выглядело вооруженной группой? Но что бы ни объяснял меч, вынутый одним (или несколькими) из последователей Иисуса, акцент на миротворчество и будущие действия Бога (а не людей) в учении Иисуса заставляет многих ученых полагать, что *И||с)* с не был сторонником насильственного свержения империи. Надо отметить, что про самого Иисуса нигде не упоминается, что он был вооружен, а это странно для лидера группы повстанцев.

9. Наиболее убедительная демонстрация этой точки зрения — в книге Е. P. Sanders, «Jesus and Judaism» (Philadelphia: Fortress, 1985).

10. См. рассуждения в книге Richard Horsley, «Jesus and the Spiral Violence: Popular Jewish Resistance in Roman Palestine» (San Francisco: Harper & Row, 1987).

11. См. прим. 10 к этой главе.

12. См. Ehrman, «Apocalyptic Prophet», гл. 12.

13. Некоторые ученые предположили, что именно триумфальный вход Иисуса в Иерусалим, когда толпы признали в нем освободителя, стал причиной его ареста и расправы над ним как над мессией. Я не думаю, однако, что истории о триумфальном входе Иисуса в

Иерусалим так уж исторически точны, как их считали. Если Иисус действительно въехал в Иерусалим на осле во исполнение Писаний, приветствуемый толпами, которые провозглашают его мессией, его, конечно, арестовали бы немедленно, и власти бы позаботились о нем на месте. Тем не менее все традиции указывают, что он провел в Иерусалиме несколько дней, прежде чем власти обратили на него достаточно пристальное внимание, чтобы арестовать. Таким образом, история о его триумфальном входе в Иерусалим представляется мне позднейшей выдумкой, при помощи которой последователи Иисуса хотели показать, что он исполнил пророчество, прибыв в столицу, и что толпы с самого начала приветствовали его как мессию, хотя и отвернулись от него несколькими днями позже.

14. Опять же, этим наблюдением я обязан Нильсу Далю. См. прим. 5 к этой главе.

15. Это мнение было высказано в блестящем — и по сей день не устаревшем — анализе Альберта Швейцера в его классической работе «Quest of the Historical Jesus» (New York: Macmillan, 1968; немецкий оригинал, 1906).

16. Эта точка зрения обрела популярность среди англоязычной публики из-за рок — оперы «Иисус Христос — суперзвезда» Эндрю Ллойда Веббера и Тима Райса.

Глава одиннадцатая: Евангелие от Иуды в перспективе

1. Исследование этих разнородных воззрений см. в моей книге «Lost Christianities: The Battles for Scripture and the Faiths We Never Knew» (New York: Oxford University Press, 2003).

2. Доступный английский перевод см. G. A. Williamson, «Eusebius: The Histoiy of the Church from Christ to Constantine», исправленный и изданный Andrew Louth (London: Penguin Book, 1989). *На русском языке: Евсевий Памфил. «Церковная история». Москва: Издание Спасо — Преображенского Валаамского монастыря, 1993 (прим. ред.).*

3. Английский перевод см. в Robert Kraft и др. «Orthodoxy and Heresy in Earliest Christianity» (Philadelphia: Fortress Press, 1971).

4. Бауэр нашел подтверждение этому в одном из самых ранних текстов Римской церкви периода после кодификации Нового Завета, Первом послании Климента, в котором Римская церковь пытается вмешаться во внутренние дела Коринфской церкви и настаивает, чтобы группа церковных лидеров, смещенных со своих постов, была восстановлена в правах.

5. См. мою книгу «Misquoting Jesus: The Story Behind Who Changed the Bible and Why» (San Francisco: HarperSanFrancisco, 2005), гл. 6; более подробную и научную дискуссию см. в моей книге «The Orthodox Corruption of Scripture: The Effect of Early Christological Controversies on the Text of the New Testament» (New York: Oxford University Press, 1993).

Барт Д. Эрман

Утерянное Евангелие от Иуды

Новый взгляд на предателя и преданного

Ответственный редактор Е. Е. Б*еляева* Корректор И. Н. М*окипа* Технический редактор Т. П. Т*имошина* Компьютерная верстка *А. С. Грених*

ООО «Издательство Астрель»

129085 г. Москва, пр — д Ольминского д. За

ООО «Издательство АСТ»

141100 Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96

Адрес нашего сайта: www.ast.ru E-mail: astpub@aha.ru

ОАО «Владимирская книжная типография»
600000, г. Владимир, Октябрьский проспект, д. 7.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов

Примечания

1

См. мою недавнюю книгу «Peter, Paul and Mary Magdalene: The Followers of Jesus in History and Legend» (New York: Oxford University Press, 2006).

2

Лука 8:1–3. В этих строках также утверждается, что из Марии Магдалины было изгнано семь бесов. Однако ничего не позволяет предположить, что бесы побуждали Марию к занятию проституцией — в Новом Завете обычно о деятельности бесов подробно не рассказывается.

3

том, насколько много знал Павел о жизни Иисуса, см. «The New Testament: A Historical Introduction to the Early Christian Writings», 3rd ed. (New York: Oxford University Press, 2004), гл. 22. Более подробно см. Victor Paul Furnish, «Jesus According to Paul» (Cambridge: Cambridge University Press, 1993).

4

Сейчас ученые не считают, что Павел написал все Послания, которые приписываются ему в Новом Завете. Рассуждения об авторстве посланий к Ефесянам, Колоссянам, 2 Фессалоникийцам, 1 и 2 к Тимофею и к Титу см. Ehrman, «The New Testament», гл. 23.

5

Я не буду углубляться в дебри рассуждений по поводу описаний Иуды в каждом из Евангелий, вместо этого отмечу то, что поразило меня больше всего. Основания для предположения, что Евангелие от Марка было первым из написанных и что Матфей и Лука использовали его как источник для своих Евангелий, а также что Евангелие от Иоанна было последним, см. в Ehrman, «The New Testament», гл. 5–8, 10.

6

См. предыдущую сноску.

7

Одним из первых, кто это признал, был William Wrede; см. его книгу «The Messianic Secret», пер. J. C.G. Greig (Cambridge: J. Clark, 1971; немецкий оригинал был издан в 1901 г.).

8

См. John Collins, «The Scepter and the Star: The Messiahs of the Dead Sea Scrolls and Other Ancient Literature» (New York: Doubleday, 1995).

9

Именно в этом месте первоначально заканчивалось Евангелие от Марка — внезапно, на молчании женщин. Позднейшие писцы думали, что это слишком неожиданное окончание, и дописали еще двенадцать фраз, чтобы выставить апостолов в более выгодном свете. По поводу такого завершения см. мою книгу «Misquoting Jesus: The Story Behind Who Changed the Bible and Why» (San Francisco: HarperSanFrancisco, 2005), 66–67.

10

Здесь и далее в моих переводах «предавать» используется вместо греческого слова «передавать» — *paradidomi.* Но судя по тем ужасным вещам, которые Иисус говорит о том,

кто его предаст: «лучше было тому человеку не родиться» — ясно, что предательство расценивается как злое деяние, а не как нейтральное.

11

Некоторых читателей интересовало, имеет ли значение связность повествования. Еврейские власти не хотели арестовывать его во время праздника, но все равно это сделали. И оии боялись, что толпа восстанет в поддержку Иисуса, но во время суда им без труда удалось восстановить толпу против него. И почему толпа должна взбунтоваться во время ареста, но не во время суда? Соблюдает ли Марк историческую точность?

12

Этот подход к Евангелию от Матфея, который также можно применить и к Евангелию от Луки (он также использовал Марка как источник), называется редакторской критикой. Этот метод показывает, как более поздние авторы редактировали источник — Евангелие от Марка, — который, как мы уверены, был у них в распоряжении. См. Ehrman, «The New Testament», гл. 7.

13

Хотя, как мы видим, он по какой-то причине ошибочно приписывает цитату Иеремии.

14

Самое лучшее и самое полное изложение можно найти в Dale Allison и W. D. Davies, «The Gospel According to Saint Matthew» (Edinburgh: T&T Clark, 1997), 3:557–573.

15

См., например, Марк 1:2 (Малахия 3:1 и Исайя 40:3) и Римляне 9:27 (Осия 2:1 и Исаия 10:22).

16

Более подробное описание см. Ehrmann, «The New Testament», гл. 8.

17

Одно из ключевых различий между Марком и Лукой проявляется, когда Иисус призывает учеников в число двенадцати апостолов, потому что у Луки прямо сказано, что Иуда будет тем, кто «предаст» Иисуса. Это греческое слово *prodidomi*, а не слово, встречавшееся раньше, *paradidomi*, которое обычно означает просто «передать». У Луки Иуда прямо назван предателем.

18

Предполагается, что они заимствованы из источника, который ученые назвали Q. Это не сохранившийся (то есть предполагаемый) источник, который использовали Матфей и Лука, рассказывая истории, которых нет у Марка, среди них заповеди блаженств, молитва «Отче наш», а также история о трех искушениях в пустыне. См. Ehrman, The New Testament, гл. 6.

1

См. фундаментальные работы Albert Bates Lord, «The Singer of Tales» (Cambridge, Mass.: Hanard University Press, 19G0) и Walter Ong, «Orality and Literacy: The Technologizing of the Word» (New York: Methuen, 1982).

2

С другой стороны, даже до изобретения печатного станка авторы *написанных* текстов были заинтересованы в том, чтобы их рассказы не были изменены писцами осознанно или по небрежности. Про это см. мою книгу «Misquoting Jesus: The Story Behind Who Changed the Bible and Why» (San Francisco: HarperSanFrancisco, 2006), гл. 2.

3

Подробное обсуждение отношений Иоанна с синоптиками см. Ehrman, «The New Testament», гл. 10.

4

См. в особенности Hyam Maccoby, «Judas and the Myth of Jewish Evil» (New York: Free Press, 1992), который заходит так далеко, что утверждает, что не было никакого исторического Иуды, а что это была выдумка христиан, которые хотели оправдать враждебность к евреям, рассказывая истории про врага и предателя Иисуса.

5

Более полное изложение работ Папия см. Bart D. Ehrmann, «The Apostolic Fathers» (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2003), 2:86–89.

6

Эта и следующая цитата см. там же, том 2. *Здесь и далее русский текст цитат из сочинения Иринея Лионского «Против ересей» приводится по переводу прот. П. Преображенского (прим. ред.).*

7

Цитаты из G. A. Williamson, перевод Eusebius: «The History of the Church from Christ to Constantine», ed. Andrew Louth (London: Penguin, 1989). *Русский текст — цитаты приводятся по книге: Евсевий Памфил. <<Церковная история». Москва: Издание Спасо — Преображенского Валаамского монастыря, 1993 (прим. ред.).*

8

Про смерть угнетателя евреев сирийского тирана Антиоха Епифа- на см. 2 Макк. 9:5-12. Про смерть противника евреев вавилонского военачальника Олоферна см. Юдифь 16:17 — обе книги не относятся к каноническим книгам Ветхого Завета.

9

Подробный рассказ о формировании канона Нового Завета и об изменениях, которые христианские переписчики позднего времени вносили в более ранние тексты, см. мою книг)' «Misquoting Jesus».

10

Этот рассказ также частично основан на истории детства Моисея, как она описана в книге Исход, как указал мне мой коллега Златко Плезе.

11

См. Hyam Maccoby, «Judas and the Myth of Jewish Evil».

12

Иероним, «Толкование 59 на псалом 108:2». Я взял перевод этой цитаты из интересной книги P. Penn, «Kissing Christians: Ritual and Community in the Late Ancient Church» (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2005), 115.

13

Амвросий, Письмо 1.14–18; перевод в Penn, «Kissing Christians», 62.

14

Этой цитатой я обязан Kim Paffenroth, «Judas: Images of the Lost Disciple» (Louisville: Westminster/John Knox, 2001), 38. Она взята из бесед Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея, 85.2, в переводе (с небольшими изменениями) G. Prévost, «Homilies on Matthew» (Edinburgh: T. & T. Clark, 1851).

15

Cm. PaiTenroth, «Judas», 38, цитата из проповеди Златоуста против евреев в переводе P. W. Harkins (Washington, D. C.: Catholic University Press, 1979), 1.7.1.

16

Эта и предыдущая цитата из книги Paffenroth, «Judas», 38–39; из бесед Златоуста на Деяния апостолов, перевод J. Walter и др. (Edinburgh: T. & T. Clark, 1889).

17

Взято из комментария Феофилакта на Евангелие от Матфея 27; греческий текст можно найти в J. P. Migne, «Patrologia Graece» 123, 460. Перевод взят из Morton S. Enslin, «Judas in Fact and Fiction» в «Festschrift to Honor F. Wilbur Gingrich», изд. E. H. Barth и R. E. Cocroft (Leiden: Brill, 1972), 130.

1

Elaine Pagels, «The Gnostic Gospels» (New York: Random House, 1979).

2

Полное изложение этих и связанных с ними моментов см. в моей книге «Truth and Fiction in the Da Vinci Code» (New York: Oxford University Press, 2004).

3

Мои рассуждения по поводу этих текстов см. в третьей части моей книги «Peter, Paul and Mary Magdalene» (New York: Oxford University Press, 2006).

4

Более подробное описание этой находки и обсуждение ее значимости см. в Bart Ehrman, «Lost Christianities: The Battles for Scripture and the Faiths We Never Knew» (New York: Oxford University Press, 2003), 51–55.

5

У ьгас есть два разных Евангелия от Фомы, например.

6

Полный текст письма см. Евсевий, «Церковная история». 5.1.

7

Стандартное объяснение см. в Kurt Rudolph, «Gnosis: The Nature and History of Gnosticism» (New York: Harper and Row, 1984); по поводу отбора гностических сочинений и описания Иринеем гностиков см. Bentley Layton, «The Gnostics Scriptures» (New York, Doubleday, 1987).

8

Две точки зрения на эту проблему см. Michael Williams, «Rethinking "Gnosticism": An Argument for Dismantling Dubious Category» (Princeton: Princeton University Press, 1996) и Karen L. King, «What is Gnosticism» (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2003).

9

См., например, Frederic Wisse, «The Nag Hammadi Library and the Hereologists», Vigiliae Christianae 25 (1971): 205-23.

10

Сам Ириней никогда их так не называл. Он говорил о них как о группе гностиков, которые в особенности почитали Каина; более поздние борцы с ересью, которые опирались на это изложение (такие, как Псевдо — Тертуллиан в III в.), дали им это имя.

11

Перевод Доминика Дж. Унгера, изд. John J. Dillon, St. Irenaeus of Lyons Against the Heresies (New York: Paulist Press, 1992), 102.

12

См. эссе Gregor Wurst, «Irenaeus and the Gospel of Judas» в The Gospel of Judas, изд. Rodolphe Kasser, Marvin Meyer и Gregor Wurst (Washington, D. C.: National Geographic, 2006),

121–136. *Русский перевод эссе Грегора Вюрста «Ириней Лионский и Евапгелие от Иуды» см. в книге «Евангелие от Иуды», изд — во Астрель, 2006, стр. 127–142 (прим. ред.).*

13

См. там же.

14

См. Birger Pearson, «Cain and the Cainites», в книге «Gnosticism, Judaism, and Egyptian Christianity» (Minneapolis: Fortress, 1990), 95-107.

1

Эндрю Джекобе сказал мне, что тема «находки» иконоборческого Евангелия, написанного с точки зрения Иуды, весьма популярна у современных беллетристов, авторов «Евангельских триллеров», см., например, роман Peter van Greenaway «The Judas Gospel» (1972) и более недавний Simon Mawer «The Gospel ofjudas» (2001).

О Евангельских триллерах в целом см. Andrew S. Jacobs, «Gospel Thrillers», Postscripts 1, 1 (2005): 125-42.

2

Более полное описание антикварного рынка, а также контрабанды и нелегальных сделок, связанных с ним, см. декларацию ЮНЕСКО на сайте ww'w.unesco.org/culture/laws/1970/html_eng/ page2.shtml. Эту ссылку мне предоставил Эндрю Джекобе, который сообщил мне, что получил ее от своей коллеги по изучению христианских древностей Каролины Шрёдер.

3

Как и другие действующие лица этого рассказа, Самия был коп- том — христианином. Я постоянно использую термин «коптский» и теперь укажу, что он возник из слова «египетский», где «гипт» превратилось в «копт». Возможно, христианство попало в Египет уже в I в. — копты утверждают, что их Церковь основал сам апостол Иоанн Марк, предполагаемый автор второго Евангелия. Сегодня большинство египтян мусульмане, а христиане — копты составляют примерно одну седьмую часть населения.

4

См. примечание 2 к этой главе.

5

В частной беседе Херб Кросни рассказал мне, что деловой партнер Ханны сообщил ему, что первичную оценку рукописи выполнил для Ханны блистательный итальянский специалист по папирусам Манфредо Манфреди, профессор Флорентийского университета.

6

Цитата взята из Herb Krossney, «The Last Gospel: The Quest for the Gospel of Judas» (Washington, D. C.: National Geographic, 2006), 110.

7

Krossney, «Discovery», 115.

8

См. прим. 2 к этой главе про декларацию ЮНЕСКО, касающуюся древностей.

9

«The Gospel of Judas», изд. Rodolphe Kasser, Marvin Meyer и Gregor Wurst (Washington, D. C.: National Geographie, 2006), 60–61.

10

Там же, 47–48.

11

Там же, 65.

12

Там же, 66–67.

1

Обсуждение этого вопроса см. в Bart Ehrman, Lost Christianities: The Battles for Scripture and the Faiths We Never Knew (New York: Oxford University Press, 2003), гл. 1.

2

На протяжении всего обзора данного вопроса я буду исполюю- вать перевод Марвина Мейера из книги «The Gospel of Judas», изд. Rodolphe Kasser, Marvin Meyer и Gregor Wurst (Washington,

D. C.: National Geographie, 2006). *Русский nejfeeod Александра Георгиева и Игоря Бочкова, «Евангелие от Иуды», изд — во Астрель, 2006 (прим. ред.).* Квадратные скобки в переводе означают, что в рукописи в этом месте были лакуны и издатель их дополнил. В некоторых местах я предполагаю другой перевод с коптского; они также заключены в скобки, однако сопровождаются тире и моими инициалами, Б. Э. Цифры обозначают номер страницы и строки в манускрипте (Евангелие от Иуды начинается на 33 странице кодекса), так что 33:1–6 означает страницу 33 строки 1–6.

3

Слово «ребенок» здесь очень редкое, и, возможно, будет обсуждаться учеными, которые будут вести дальнейшую работу над этим текстом. Альтернативный перевод может быть таков: Иисус появлялся среди своих учеников как «призрак», и это может быть даже еще более ясным утверждением доктрины докетической христологии, которую собирался изложить автор. Однако издатели текста — Кассер, Вюрст и Мейер — уверены, что в этом тексте правильно читать «ребенок».

4

Скобки в переводе обозначают те места, где есть лакуны в рукописи и пропущенные слова вставлены издателем на основе догадок.

5

Большинство упоминаний о звездах в Евангелии носят негативный характер; звезды вводят человека в заблуждение. Исключение мы наблюдаем в конце, где говорится, что личная звезда Иуды «указывает ему путь».

6

Можно найти в диалоге Платона «Тимей». См. полное и блестящее описание Марвина Мейера в «The Gospel ofjudas», 163–165.

7

Этой информацией я обязан Эндрю Джекобсу и Златко Плезе; Марвин Мейер дает альтернативное объяснение в примечаниях к английскому переводу в «The Gospel ofjudas» (η. 106).

8

Коптский текст двусмысленен: может быть, это следует читать как Евангелие от Иуды, а может быть, как Евангелие об Иуде. Однако эта двусмысленность представляет интерес: в отличие от других Евангелий, которые у нас есть, про это Евангелие нельзя сказать, что оно однозначно озаглавлено как Евангелие от Иуды. Так что не исключена возможность того, что автор хотел, чтобы читатели воспринимали текст как Евангелие, которое описывает Иуду.

1

Про некоторые из недавних дискуссий см. следующие книги, вместе с библиографиями: Karen King, «What is Gnosticism?» (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2003); Riemer

Roukema, «Gnosis and Faith in Early Christianity» (Harrisburg, Penn.: Trinity Press International, 1999); Michael A. Williams, «Rethinking "Gnosticism": An Argument for Dismantling Dubious Category» (Princeton: Princeton University Press, 1996).

2

Это предположение было выдвинуто в замечательном исследовании одного из главных специалистов по гностицизму Северной Америки, Михаэля Вильямса (Michael A. Williams, «Rethinking "Gnosticism"»).

3

Аргумент Карен Кинг особенно тонкий, поскольку она показывает, что одна из проблем использования термина «гностицизм» в том, что его используют современные ученые для выражения их собственных взглядов и интересов, а не просто как описательный термин. См. ее книгу «What is Gnosticism?».

4

Конечно, возможно интерпретировать такой текст, как Евангелие от Фомы, в негностическом ключе, как делали некоторые ученые, например Richard Valantasis в книге «The Gospel of Thomas» (New York: Routledge, 1997). Я, однако, считаю неверным утверждать, что эти интерпретации лучше других потому, что они больше позволяют тексту «говорить за себя», чем привносят в этот текст иное видение. С одной стороны, тексты никогда не говорят сами за себя, их всегда интерпретируют ученые, которые привносят другую информацию в тексты, чтобы придать им смысл. Каждый, кто в этом сомневается, пусть просто прочитает разбор, который предположительно позволяет тексту говорить самому за себя, и увидит, какой багаж знаний вложен в эту интерпретацию. С другой стороны, в Евангелии от Фомы есть четкие указания на то, что его автор подразумевал гностический миф. Полное изложение вопроса см. в моей книге «Lost Christianities: The Battles for Scripture and the Faiths We Never Knew» (New York: Oxford University Press, 2003), 59–65.

5

См. «The Gospel ofjudas», изд. Rodolphe Kasser, Marvin Meyer и Gregor Wurst (Washington, D. C.: National Geographic, 2006), 137–169. *Русский перевод эссе Марвина Мейера «Иуда и гностические связи» см. в книге «Евангелие от Иуды», изд — во Астрель, 2006, стр. 143–176 (прим. ред.).*

6

Полное исследование см. в John D. Turner, «Sethian Gnosticism and the Platonic Tradition» (Sainte-Foy, Quebec: Presses de Université Laval, 2001). Изложение вопроса, рассчитанное в большей степени на широкого читателя, чем на специалистов, см. в книге Bently Layton, «The Gnostic Scriptures», часть I: «Classical Gnostic Scripture».

7

См. изложение исследователя гностицизма Джона Тернера в Meyer, «Gospel ofjudas», 141–142.

8

Все переводы Тайной книги Иоанна сделаны Фредериком Виссе, «The Apocryphon of John» в «The Nag Hammadi Library' in English», 4th ed., ed. James. M. Robinson (San Francisco: HarperSanFrancisco), 1996. *Здесь и далее русский текст Тайной книги Иоанна приводится по переводу М. К. Трофимовой, с измепеУ1иями (прим. ред.).*

9

Перевод Александра Бёлига и Фредерика Виссе, в Robinson, ed., «Nag Hammadi Library in English».

10

Некоторые исследователи гностицизма, такие как Катрин Барри, обнаружили следы христианства в Евгносте Блаженном. См. ее эссе в «Les Textes de Nag Hammadi et le problème de leur classification», ed. Louis Painchaud and Anne Pasquier (Sainte-Foy, Quebec: Presses de Université Laval; Louvain: Peeters, 1995). Этой ссылкой я обязан Златко Плезе.

11

Перевод Дугласа М. Парротта в книге Robinson, ed., «Nag Hammadi Library in English».

12

Из недавно появившейся литературы см. в особенности Karen King, «The Gospel of Mary of Magdala: Jesus and the First Woman Apostle» (Santa Rosa, Calif.: Polebridge Press, 2003).

13

В значении «призрак» слово должно писаться немного по — другому.

14

Переводы Деяний Иоанна взяты из книги J. K. Elliott, «The Apocryphal New Testament» (Oxford: Clarendon Press, 1993).

15

Авторы перевода Второго трактата великого Сифа — Роджер Бил- лард и Джозеф А. Гиббонс, в книге Robinson, ed., «Nag Hammadi Library in English». *Здесь и далее русский текст Второго трактата великого Сифа приводится по переводу И. С. Егоренкова (прим. ред.).*

16

Сохранился также еще один Апокалипсис Петра на греческом языке (и в полном переводе на эфиопский). Этот первый из сохранившихся отчетов о путешествии на небеса и в преисподнюю, который дает Петру сам Иисус, — очевидный предшественник «Божественной комедии» Данте.

17

Авторы перевода Коптского апокалипсиса Петра — Иаков Браш- лер и Роджер А. Баллард, из книги Robinson, £d., «Nag Hammadi Library in English».

18

Авторы перевода Евангелия от Фомы — Дэвид Р. Картлидж и Дэвид Л. Данган, Documents of the Study of the Gospels (Minneapolis: Augsburg/ Fortress Press, 1980). *Здесь и далее русский текст Евангелия от Фомы приводится по переводу М. К. Трофимовой (прим. ред.).*

19

По поводу общего исследования данного феномена см. John J. Collins, «Apocalyptic Imagination: An Introduction to Jewish Apocalyptic Literature», 2nd ed. (Grand Rapids: Eerdmans, 1998).

20

Cm. John D. Turner, «Sethian Gnosticism and the Platonic Tradition» (Sainte-Foy, Quebec, Presses de Université Laval, 2001).

21

некоторых связях гностицизма с еврейской мыслью см. Pheme Perkins, «Gnosticism and the New Testament» (Minneapolis: Fortress Press, 1993).

22

Похожий тезис см. в более ранней работе Robert Grant, «Gnosticism and Early Christianity», rev. ed. (New York: Harper & Row, 1966). См. также более недавние работы Perkins, «Gnosticism» и Birger Pearson, «Gnosticism, Judaism, and Egypyian Christianity» (Minneapolis: Fortress Press, 1990). Контраргументы, доказывающие, что гностицизм

основывается исключительно на философии Платона, см. Roukema, «Gnosis and Faith», а также интригующую статью Gerard Luttikhuizen, «The Thought Pattern of Gnostic Mythologizers and Their Use of Biblical Traditions» в книге John Turner и Anne McGuire, «The Nag Hammadi Library After Fifty Years» (Leiden E. J. Brill, 1997).

1

Некоторые из этих воззрений я собрал воедино в своей книге «Jesus: Apocalyptic Prophet of the New Millennium» (New York: Oxford University Press, 1999); прекрасную оценку более ранних попыток описать жизнь Иисуса, см. классическую работу Albert Schweitzer, «Quest of the Historical Jesus» (New York: Macmillan, 1968; немецкий оригинал 1906).

2

Для Павла имело дополнительную важность то, что Иисус умер именно так — на кресте. Потому что в Писаниях говорится, что тот, кого вешают на дереве, — проклят Богом. Согласно Павлу, поскольку Иисус был распят — повешен на дереве, — он стоял под проклятием Господа. Но поскольку он сам не заслужил такой участи, он фактически принял проклятие Господа ради других. Именно распятие, таким образом, принесло спасение миру грешников (см. Поел, к Гал. 3:10–14).

3

Возможным исключением, как показал Златко Плезе, является высказывание 65, в котором Иисус рассказывает притчу о винограднике, в котором крестьяне убили сына хозяина. Однако в этом рассказе не раскрывается тема искупительного значения смерти.

4

Цитаты из Евангелия от Фомы взяты из книги Daviv R. Carlidge и David L. Dungan, Documents for the Study of the Gospels (Minneapolis: Augsburg/Fortress Press, 1980).

5

Как и в случае с другими Евангелиями, мы не знаем, кто был настоящим автором Евангелия от Луки. Раннехристианская традиция говорит, что Евангелие от Луки и Деяния апостолов были написаны врачом, спутником апостола Павла в странствиях, неевреем Лукой. Однако у нас нет подтверждений этому, датируемых ранее чем через столетие после того, как книги были написаны. Дальнейшие рассуждения об авторстве этого и других Евангелий см. Ehrman, «The New Testament: A Historical Introduction of the Early Christian Writings», 3rd ed. (New York: Oxford University Press, 2004), 58–59.

6

Оно включено, например, как часть Нового Завета в рукопись V в., получившую название Александрийский кодекс.

7

Это можно найти в сочинениях Отца Церкви Климента Александрийского, «Избранные труды» (7, 17, 106).

8

По поводу нападок на «других» за их дикое и разнузданное поведение — стандартный стереотип для риторических нападок в древности — см. мое исследование в книге «I^ost Christianities: The Battles for Scripture and the Faiths We Never Knew» (New York: Oxford University Press, 2003), 197–202, и библиографию, которую я там цитирую.

9

См. примечание 8 к главе 6.

10

Так считает, например, William Klassen, «Judas: Betrayer of Friend ofjesus?» (Minneapolis: Fortress, 1996).

11

«The Gospel ofjudas», изд. Rodolphe Kasser, Marvin Meyer и Gregor Wurst (Washington, D. C.: National Geographic, 2006), 44, прим. 142.

1

На самом деле оба подхода являются историческими, при этом литературный подход подразумевает попытку установить, что сообщает это произведение в рамках исторического контекста. Другой подход подразумевает попытку понять, что именно произошло в истории, и в этом смысле он «исторический».

2

Даже исторически верные истории «сфабрикованы», разумеется, потому что это истории, которые рассказаны, а истории по природе своей — даже исторически верные — сконструированы. Однако по моему мнению, та информация, которую мы получаем о прошедшем, либо верпа (до некоторой степени), либо нет.

3

Дальнейшую информацию о Евангелиях см. в книге Bart D. Ehrman, «The New Testament: A Historical Introduction to the Early Christian Writings», гл. 4–8, 10.

4

У Матфея и Луки в распоряжении имелись источники кроме Евангелия от Марка, но, видимо, их рассказы об Иуде не были почерпнуты из этих источников. Как я уже отмечал, они оба использовали не сохранившийся документ, который ученые назвали Q (сокращение от Quelle, немецкое «источник») — записанные высказывания Иисуса (например, Нагорная проповедь или молитва «Отче наш»). Матфею были доступны другие источники, например, история трех волхвов, посетивших младенца Иисуса, обнаружена только в Евангелии от Матфея. У Луки тоже были другие источники, из которых он почерпнул те отрывки, которые не встречаются больше нигде, такие как история о добром самаритянине или о блудном сыне. Рассуждения про источники синоптических Евангелий см. Ehrman, «New Testament», гл. 6.

5

Девять раз это написано по — гречески iskariothes и три раза iskarioth.

6

См. в особенности Raymond Brown, «The Death of Messiah: From Gethsemane to Grave» (New York: Doubleday, 1994), 2:1413–1416.

8

См. там же 2:1414.

9

Исключения все-таки есть. См., например, Hyam Maccoby, «Judas Iskariot and the Myth of Jewish Evil» (New York: Free Press, 1992).

10

По поводу классического обсуждения данного вопроса в более ранних исследованиях, начиная с конца XVIII в. и заканчивая временем автора, началом XX в., см. Albert Schweitzer, «Quest of the Historical Jesus» (New York: Macmillan, 1968; немецкий оригинал, 1906).

11

По повод)' этих и других возможностей см. мою книгу «Jesus: Apocalyptic Prophet of the New Millennium» (New York: Oxford University Press, 1999).

12

Намного более подробный разбор этих пунктов см. там же.

13

Эти высказывания восходят к источнику, который ученые назвали Q- источник, который использовали Матфей и Лука, приводя высказывания, которых нет в Евангелии от Марка. См. примечание 14 к этой главе.

14

Q- это гипотетический документ (т. к. его больше не существует), который, вероятно, использовали и Матфей, и Лука, приводя многие из высказываний Иисуса. Предполагается, что высказывание взято из Q, если оно есть в Евангелиях от Матфея и Луки, но отсутствует у Марка (если оно есть у Марка, то Лука и Матфей почерпнули его оттуда). Дальнейшее исследование, в том числе свидетельство того, что источник Q существовал, см. мою книг) «New Testament: A Historical Introduction», гл. 6.

1

Палестина — название, которое позже дали этому региону римляне; сейчас оно, как правило, применяется к древним областям Галилея, Самария и Иудея.

2

Поучения Иисуса о Сыне Человеческом крайне сложны, и долгое время ученые были разделены во мнениях по поводу них. Я считаю, что самые ранние высказывания, такие как в Евангелии от Марка 8:38, проводят разделение между Иисусом и Сыном Человеческим. Поскольку поздние христиане считали, что Иисус и есть Сын Человеческий, явно не они составили эти высказывания. Следовательно, именно эти высказывания восходят к Иисусу. И он говорил в них о ком-то другом, не о себе. Далее см. мою книг) «Jesus: Apocalyptic Prophet of the New Millennium» (New York: Oxford University Press, 1999), 144-48.

3

Вспомните, что Q — это сокращение немецкого слова Quelle, которое означает «источник». Это термин, придуманный учеными для обозначения гипотетического источника, который, вероятно, использовали и Матфей, и Лука, приводя многие из высказываний Иисуса — например, молитву «Отче наш» или Нагорную проповедь, которых нет в Евангелии от Марка.

4

Далее см. John J. Collins, «The Scepter and the Star: The Messiahs of the Dead Sea Scrolls and Other Ancient Literature» (New York: Doubleday, 1995).

5

См. его блестящую статью «The Crucified Messiah» в сборнике «The Crucified Messiah and Others Essays» (Minneapolis: Augsburg Press, 1974).

6

См. прим. 8 к этой главе.

7

Это правда, даже если расправа над Иисусом была следствием судебной ошибки или неправильного установления личности. Римляне учиняли расправу над преступниками, даже если некоторых преступников неправильно обвинили и нечестно осудили.

8

Некоторые ученые прошлого, такие как X. Рейманус в конце XVIII в., настаивали на том, что Иисуса лучше всего рассматривать как политического мятежника, и именно таковым его считали римляне. В настоящее время это мнение разделяет Samuel G. E Brandon, «Jesus and Zealots: A Study of the Political Factor in Primitive Christianity» (New York: Scribner, 1967). Одно из интригующих обстоятельств, подтверждающих это, стоит принять во внимание — то, что по крайней мере часть учеников Иисуса была вооружена, когда представители властей

пришли его арестовывать. Один из них вынул меч, чтобы принять бой. В политически нестабильное время в столице, Иерусалиме, разве это не выглядело вооруженной группой? Но что бы ни объяснял меч, вынутый одним (или несколькими) из последователей Иисуса, акцент на миротворчество и будущие действия Бога (а не людей) в учении Иисуса заставляет многих ученых полагать, что *И||с)* с не был сторонником насильственного свержения империи. Надо отметить, что про самого Иисуса нигде не упоминается, что он был вооружен, а это странно для лидера группы повстанцев.

9

Наиболее убедительная демонстрация этой точки зрения — в книге E. P. Sanders, «Jesus and Judaism» (Philadelphia: Fortress, 1985).

10

См. рассуждения в книге Richard Horsley, «Jesus and the Spiral Violence: Popular Jewish Resistance in Roman Palestine» (San Francisco: Harper & Row, 1987).

11

См. прим. 10 к этой главе.

12

См. Ehrman, «Apocalyptic Prophet», гл. 12.

13

Некоторые ученые предположили, что именно триумфальный вход Иисуса в Иерусалим, когда толпы признали в нем освободителя, стал причиной его ареста и расправы над ним как над мессией. Я не думаю, однако, что истории о триумфальном входе Иисуса в Иерусалим так уж исторически точны, как их считали. Если Иисус действительно въехал в Иерусалим на осле во исполнение Писаний, приветствуемый толпами, которые провозглашают его мессией, его, конечно, арестовали бы немедленно, и власти бы позаботились о нем на месте. Тем не менее все традиции указывают, что он провел в Иерусалиме несколько дней, прежде чем власти обратили на него достаточно пристальное внимание, чтобы арестовать. Таким образом, история о его триумфальном входе в Иерусалим представляется мне позднейшей выдумкой, при помощи которой последователи Иисуса хотели показать, что он исполнил пророчество, прибыв в столицу, и что толпы с самого начала приветствовали его как мессию, хотя и отвернулись от него несколькими днями позже.

14

Опять же, этим наблюдением я обязан Нильсу Далю. См. прим. 5 к этой главе.

15

Это мнение было высказано в блестящем — и по сей день не устаревшем — анализе Альберта Швейцера в его классической работе «Quest of the Historical Jesus» (New York: Macmillan, 1968; немецкий оригинал, 1906).

16

Эта точка зрения обрела популярность среди англоязычной публики из-за рок — оперы «Иисус Христос — суперзвезда» Эндрю Ллойда Веббера и Тима Райса.

1

Исследование этих разнородных воззрений см. в моей книге «Lost Christianities: The Battles for Scripture and the Faiths We Never Knew» (New York: Oxford University Press, 2003).

2

Доступный английский перевод см. G. A. Williamson, «Eusebius: The Histoiy of the Church from Christ to Constantine», исправленный и изданный Andrew Louth (London: Penguin Book, 1989). *На русском языке: Евсевий Памфил. «Церковная история». Москва: Издание Спасо — Преображенского Валаамского монастыря, 1993 (прим. ред.).*

3

Английский перевод см. в Robert Kraft и др. «Orthodoxy and Heresy in Earliest Christianity» (Philadelphia: Fortress Press, 1971).

4

Бауэр нашел подтверждение этому в одном из самых ранних текстов Римской церкви периода после кодификации Нового Завета, Первом послании Климента, в котором Римская церковь пытается вмешаться во внутренние дела Коринфской церкви и настаивает, чтобы группа церковных лидеров, смещенных со своих постов, была восстановлена в правах.

5

См. мою книгу «Misquoting Jesus: The Story Behind Who Changed the Bible and Why» (San Francisco: HarperSanFrancisco, 2005), гл. 6; более подробную и научную дискуссию см. в моей книге «The Orthodox Corruption of Scripture: The Effect of Early Christological Controversies on the Text of the New Testament» (New York: Oxford University Press, 1993).